

HYPERBOREUS

STUDIA CLASSICA

ναυσὶ δ' οὔτε πεζὸς ἰὼν κεν εὖροις
ἔς Ὑπερβορέων ἄγωνα θαυμαστὰν ὁδόν

(Pind. *Pyth.* 10. 29–30)

EDITORES

NINA ALMAZOVA DENIS KEYER
ALEXANDER VERLINSKY

PETROPOLI

Vol. 15 2009 Fasc. 1

BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA
VERLAG C. H. BECK MÜNCHEN

HYPERBOREUS: Классическая филология и история

Выходит два раза в год

Редакция: Н. А. Алмазова (отв. ред. выпуска),
А. Л. Верлинский, Д. В. Кейер

Ассистент редакции: С. К. Егорова

Консультанты: Михаэль фон Альбрехт, А. К. Гаврилов, Томас Гельцер †,
Пэт Истерлинг, Д. В. Панченко, Мартин Хенгель †

Адрес: 197198, С.-Петербург,
ул. Красного Курсанта, д. 6/9
Античный кабинет (HYPERBOREUS)
Факс: (812) 274-3395, (812) 235-4267
E-mail: hyperbor@bibliotheca-classica.org

По вопросам подписки обращаться по адресу редакции

HYPERBOREUS: STUDIA CLASSICA

HYPERBOREUS wurde im Jahre 1994 durch die Bibliotheca Classica Petropolitana gegründet.

Der Vertrieb außerhalb Rußlands erfolgt durch den Verlag C. H. Beck (Oskar Beck), Wilhelmstr. 9, D-80801 München, Postfachadresse: Postfach 400340, D-80703 München.

Die Zeitschrift erscheint ab 1996 in zwei Halbjahresschriften. Abonnementpreis jährlich ab Vol. 2 € 34,90 (in diesem Betrag sind € 2,28 Mehrwertsteuer enthalten), für das Einzelheft € 19,50 (Mehrwertsteueranteil € 1,28), jeweils zuzüglich Vertriebsgebühren; die Kündigungsfrist des Abonnements beträgt sechs Wochen zum Jahresende. Preis für Vol. 1, 1994/5, auf Anfrage bei dem Verlag C. H. Beck.

Herausgeber: Nina Almazova (verantw.), Denis Keyer,
Alexander Verlinsky

Assistenz: Sofia Egorova

Wissenschaftlicher Beirat: Michael von Albrecht, P. E. Easterling, Alexander Gavrilov,
Thomas Gelzer †, Martin Hengel †, Dmitri Panchenko

Alle für die Redaktion bestimmten Manuskripte und Einsendungen sind zu richten an:

Bibliotheca Classica Petropolitana (HYPERBOREUS)
ul. Krasnogo Kursanta 6/9
197198 St. Petersburg, Russia
Fax: (812) 274-3395, (812) 235-4267
E-mail: hyperbor@bibliotheca-classica.org

Die Publikationssprachen im HYPERBOREUS sind Russisch, Englisch, Französisch, Deutsch, Italienisch und Lateinisch; den Beiträgen wird jeweils eine Zusammenfassung in einer westeuropäischen Sprache oder auf Russisch hinzugefügt.

Entgegnungen werden im HYPERBOREUS nur ausnahmsweise aufgenommen. Eingegangene Druckschriften werden nicht zurückgeschickt. Mit Namen gezeichnete Artikel geben die Auffassung des Verfassers, nicht der Redaktion wieder. Alle Nachrichten werden nach bestem Wissen, aber ohne Gewähr gegeben.

© BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA

ISSN 0949-2615

CONSPECTUS

В. Т. МУСБАХОВА	
Миф о Тифоне в первой Пифийской оде Пиндара (<i>Pyth.</i> 1, 15–28) и в <i>Прометее прикованном</i> (<i>PV</i> 351–372) [Viktoria Mousbahova: Typhos Myth in Pindar's <i>Pyth.</i> 1. 15–28 and <i>PV</i> 351–372*]	5
ALEXANDER GAVRILOV	
Überlegungen zu Peter Herrmanns Marginalien in den <i>Griechischen Grabgedichten</i> von W. Peek	35
GREGOR MAURACH	
Horaz, <i>Sat.</i> 1, 1: Tektonik und Ziel	65
CARLO M. LUCARINI	
Per una nuova edizione critica di Curzio Rufo. I	80
А. Л. ХОСРОЕВ.	
Еще раз о термине гностик. II [Alexander Khosroyev: Further Remarks on the Term 'Gnostic'. II*]	101
IOANNIS M. KONSTANTAKOS	
Characters and Names in the <i>Vita Aesopi</i> and in the <i>Tale of Ahikar</i> . Part I: Lycoros and Hermippos	110
VLADIMIR I. MAZHUGA	
Charisius' <i>De verbo</i> (<i>Ars Grammatica</i> II. 8): Two Case Studies in <i>Quellenforschung</i>	133

Статьи на иностранных языках сопровождаются резюме на русском

* Summary in English

RECENSIONES

Д. В. ПАНЧЕНКО

М.Ю. Лаптева. *У истоков древнегреческой цивилизации:
Иония XI – VI вв. до н. э.* (СПб.: Гуманитарная Академия,
2009) 149

DIRK L. COUPRIE

Anaximander's Legacy and the Stability of the Earth:
[Rev.] Carlo Rovelli, *Anaximandre de Milet ou la naissance
de la pensée scientifique* (Paris, Dunod, 2009) 158

GEFÖRDERT DURCH EINE ZUWENDUNG DER VOLKSWAGENSTIFTUNG

МИФ О ТИФОНЕ В ПЕРВОЙ ПИФИЙСКОЙ ОДЕ ПИНДАРА (*Pyth.* 1, 15–28) И В *ПРОМЕТЕЕ ПРИКОВАННОМ* (*PV* 351–372)

Два интересующих нас текста, *Pyth.* 1, 15–28 и *PV* 351–372, являются единственными поэтическими свидетельствами извержения Этны, имевшего место в 479 г. до н. э.¹ Первая Пифийская ода Пиндара была написана в честь победы колесницы Гиерона Этнейского на Пифийских играх 470 г. Время создания трагедии *Прометей Прикованный*, к которой относится фрагмент, содержащий описание извержения Этны (351–372, далее – Тифоновский фрагмент), неизвестно. Среди исследователей, считающих эту драму произведением Эсхила, преобладает тенденция относить ее к последним годам жизни поэта, тогда как наиболее авторитетные сторонники аттезиса склоняются в пользу 40-х – 30-х годов.²

Оба фрагмента сходны в изложении деталей мифологической характеристики Тифона, отсутствующих в тифономах Гесиода (*Th.* 820–868); в обоих извержение Этны впервые в известной нам традиции связывается с заключенным под ней Тифоном, и имеется ряд сходных деталей в описании самого извержения:³

<i>PV</i>		<i>Pyth.</i> 1	
351–352	Κιλικίων οἰκήτορα ἄντρον	16–17	τόν ποτε Κιλίκιον θρέψεν πολύνυμον ἄντρον
352	δάϊον τέρας	26–27	τέρας θαυμάσιον
353	ἐκατογκάρανον	16	ἐκατοντακάρανος
354	πᾶσιν ἀντέστη θεοῖς	15	θεῶν πολέμιος
363–364	καὶ νῦν ... κεῖται	17	νῦν γε μάν
366	κορυφαῖς	27	κορυφαῖς
366–367	μυδροκτυπεῖ Ἦφαιστος	25–26	Ἀφαιστόιο κρουνοῦς ... ἀναπέμπει
368	ποταμοὶ πυρός	22	ποταμοὶ ... προχέοντι ῥόον καπνοῦ αἴθων
369	καλλικάρπου Σικελίας	30	εὐκάρπου γαίας
371	ἀπλάτου ... πυρπνόου ζάλης	21	ἀπλάτου πυρὸς

¹ *Marmor Parium* 52. Дата, выводимая из Фукидида (III, 116), 475 г., возможно, имеет приблизительный характер, поскольку он говорит, что извержение, которое имело место при его жизни (425 г.), произошло через пятьдесят лет после предыдущего. На примерность этой цифры указывает и глагол λέγεται.

² R. Bees. *Zur Datierung des Prometheus Desmotes* (Stuttgart 2001) 15–17.

³ Ниже приводится таблица сходных элементов по С. М. Bowra. *Pindar*

Кроме этого имеется проблема двух редких слов ἵπος (*Ol.* 4, 8: Αἴτναν... / ἵπον ἀνεμόεσσιν... Τυφῶνος ὀβριμῶς) и ἵπουν (*PV* 365: ἵπούμενος ῥίζαισιν Αἰτναίαις ὑπο).

Эти обстоятельства на фоне отсутствия других свидетельств, которые бы связывали Тифона с Этной, в литературе архаики и классики приводят исследователей на протяжении уже более чем столетия к выводу о взаимосвязанности двух текстов.⁴

Решение вопроса об их соотношении предполагает, как будто бы, две возможности: либо один поэт повлиял на другого, либо оба черпали из третьего источника.⁵ Попытки установить влияние одного поэта на другого на стилистическом уровне до сих пор не увенчались успехом.⁶ Несмотря на это, в целом в науке утвердилось мнение, оспариваемое лишь немногими исследователями,⁷ о зависимости Тифоновского фрагмента *PV* от Пиндара. Оно основано на существующих представлениях о датировке *PV*, и поскольку таковые в большинстве своем тяготеют ко времени после 458 г., вопрос о приоритете автоматически решается в пользу Пиндара.⁸

Возможность существования третьего источника была выдвинута в свое время фон Мессом, который предположил, что оба поэта могли ориентироваться на не дошедший до нас псевдогесиодовский эпос о Тифоне.⁹ Это объясняло бы, по мнению фон Месса: наличие в обоих

(Oxford 1964) 377.

⁴ W. Christ. *Der Aetna in der griechischen Poesie*, Sitzungsber. der bayr. Akad., 1888, 1 (München 1888) 366; M. Griffith. *Aeschylus, Sicily and Prometheus // Dionysiaca. Nine Studies in Greek Poetry Presented by Former Pupils to Sir D. Page on his Seventieth Birthday* (Cambridge 1978) 118.

⁵ Griffith. *Op. cit.*, 118.

⁶ К этому выводу пришел уже Крист (прим. 4). В новейшей литературе см. Bees (прим. 2) 18: "Entweder hängt eine Passage direct von der anderen ab oder haben beide eine gemeinsame Quelle, jedoch ist Sicherheit in einer Richtung nicht zu erreichen".

⁷ A. Ardizzoni. *Tifone e l'eruzione dell'Etna in Eschilo e in Pindaro // GIF* 30 (1978) 231–244. Паттони, которая является сторонницей эсхилловского авторства *PV*, хотя и упоминает исследование Ардиццони в своей монографии, в целом придерживается традиционной точки зрения о приоритете Пиндара: M. P. Pattoni, *L'autenticità del Prometeo Incatenato di Eschilo* (Pisa 1987) 50–51. Книга B. Marzullo, *I sofismi di Prometeo* (Firenze 1993) при написании этой работы была нам недоступна.

⁸ Среди сторонников эсхилловского авторства *PV* такому выводу способствует также распространенное представление о том, что в 470 г. на торжествах, посвященных основанию Этны, где была исполнена первая Пифийская ода Пиндара, состоялась постановка заказанной по этому случаю драмы Эсхила *Этнеянки* (см. ниже). Именно тогда как будто бы поэт мог познакомиться с произведением Пиндара, см. F. Focke. *Aischylos' Prometheus // Hermes* 65 (1930) 293 Anm. 1.

⁹ A. von Mess. *Der Typhonmythos bei Aischylos // RhM* 56 (1901) 167–172.

текстах деталей характеристики Тифона, отсутствующих в *Теогонии* Гесиода (*Pyth.* 1, 15 θεῶν πολέμιος / *PV* 354 †πάσιν ὅς† ἀντέστη θεοῖς;¹⁰ *Pyth.* 1, 16 ἑκατοντακάρανος / *PV* 353 ἑκατογκάρανον;¹¹ *Pyth.* 1, 16–17 τὸν ποτε Κιλίκιον θρέψεν... ἄντρον / *PV* 351–352 Κιλικίων οἰκήτορα ἄντρον);¹² схолий к *PV* 367, цитирующий *Pyth.* 1, 16–17 как стих Гесиода;¹³ совпадение версии Пиндара (*Pyth.* 1, 18: ταῖ θ' ὑπὲρ Κύμας ἄλιερκέες ὄχθαι) и Ферекида (*Schol. Ap. Rhod.* 2, 1210: τὴν Πιθηκοῦσσαν αὐτῷ περιφιῆναι νῆσον) о заключении Тифона под Питекуссами (совр. о-в Иския в Неаполитанском заливе против древних Кум); наконец, появление в Тифоновском фрагменте *PV* трех анапестов первой стопы (из тринадцати во всей драме).¹⁴

Гриффит решительно отвергает гипотезу фон Месса на следующем основании: “the biggest objection to Mess’ theory of close imitation of a particular poem by both Pindar and Aeschylus is that it requires us to believe that a post-Hesiodic epic described in detail an eruption of Aetna, and linked it with Typhos”.¹⁵ Из его аргументации не совсем ясно, почему он считает это невозможным,¹⁶ но основанием для такого вывода, вероятно, является отсутствие в нашей письменной традиции четких указаний на извержения Этны до 479/5 г., а создание эпоса за девять лет, отделяющие извержение Этны от времени создания первой Пифийской оды Пиндара, безусловно, маловероятно. Таким образом, Гриффит оказывается перед необходимостью признать автором мифа о Тифоне под Этной одного из наших поэтов и отдает предпочтение Пиндару. Его главный аргумент, разделяемый и другими исследователями, основывается на соотношении каждого из пассажей с описани-

¹⁰ В тифономах Гесиода описывается единоборство Зевса и Тифона.

¹¹ В *Теогонии* такого эпитета еще нет, хотя Тифон и описывается стоглавым, *Th.* 825: ἐκ δὲ οἱ ὤμων / ἦν ἑκατὸν κεφαλαὶ ὄφις δεινοῖο δράκοντος.

¹² Гесиод не связывает Тифона с определенной местностью. Позднейшие авторы относили Аримы, упоминаемые Гомером в связи с Тифоном (*Il.* II, 783: εἰν Ἀρίμοις, ὅθι φασὶ Τυφώος ἐμμέναι εὐνός), к Киликии.

¹³ *Schol. PV* 351 a: Ἰστέον δὲ ὅτι ὁ Τυφὼς ἐν Κιλικίᾳ ἐγεννήθη, ἐκολάσθη δὲ ἐν Σικελίᾳ. καὶ Ἡσίοδος: “τὸν ποτε Κιλίκιον θρέψαι πολυώνυμον ἄντρον”. По мнению фон Месса (прим. 9) 173, Пиндар мог позаимствовать этот гекзаметр из постулируемого эпоса и адаптировать его к метрической системе *Pyth.* 1.

¹⁴ *PV* 353: ἑκατογκάρανον, 366: κορυφαῖς, 368: ποταμοί. Месс усматривал в этом влияние эпического гекзаметра. Однако ввиду необыкновенно большого количества анапестов первой стопы в *PV* в целом этот аргумент нельзя признать решающим (Griffith [прим. 4] 118).

¹⁵ Griffith, *ibid.*, 119.

¹⁶ “It would seem to be too great a coincidence that Pindar, when he came to tell a story immediately after the 479/5 eruption of Aetna, found a ready-made epic version” (*ibid.*, 119).

ем тифономахии в *Теогонии*. Поскольку в описании битвы Зевса с Тифоном в *PV* имеются многочисленные отсылки к Гесиоду, а у Пиндара они сводятся практически лишь к упоминанию Тартара (но у него отсутствует и тифономахия!), предпочтительнее думать, по мнению Гриффита, что автор *PV* использовал в качестве источников Гесиода (для тифономахии) и Пиндара (для описания извержения), чем наоборот, что Пиндар использовал *PV*, “вымарывая” из него Гесиода.¹⁷ При таком подходе мы вынуждены думать, что, зная Пиндар текст *PV*, он не преминул бы воспроизвести в своей оде и описание тифономахии. Тем самым заранее исключается какая-нибудь художественная мотивировка при заимствовании и признается возможность лишь механического копирования. В связи с этим в подробном анализе, который будет предпринят ниже, мы рассмотрим оба наших поэтических свидетельства в том числе и с точки зрения характера и целесообразности изложения мифа о Тифоне. Остается добавить, что свой вывод в пользу приоритета Пиндара Гриффит скрепляет, как и его предшественники, указанием на позднюю датировку *PV*.¹⁸

Одновременно с этим недостатком вывод Гриффита чреват еще одной проблемой. Следуя его логике, автором этиологического мифа об извержении Этны мы должны считать Пиндара. Однако помимо общей трудности, связанной с необходимостью считать этиологический миф “авторским изобретением”, есть достаточно оснований думать, что вулканический характер Этны и аналогичные явления на острове Питекусы, который Пиндар, как и Этну, связывает с Тифоном (*Pyth.* 1, 18), были грекам хорошо известны. Параллельная с пиндаровской версия Ферекида о Питекуссах ясно указывает на существование традиции, связывавшей Тифона с вулканическими явлениями на этом острове.¹⁹ Основанием для этого были многократные извержения вулкана Монте

¹⁷ Griffith (прим. 4) 119; Bees (прим. 2) 18.

¹⁸ Griffith, *ibid.*: “There is a fair body of evidence that *Prom.*, if Aeschylean, is to be dated to a late period of his life. There are many scholars who would be very reluctant to see the play pushed back to a date close to that of *Pers.*”.

¹⁹ *FGrHist* 3 F 54, *Schol. Apoll. Rhod.* 2, 1210: ὅτι δὲ ἐπὶ τὸν Καύκασον κατέφυγεν ὁ Τυφὼς διωκόμενος καὶ ὅτι καιόμενον τοῦ ὄρους ἔφυγεν ἐκεῖθεν εἰς τὴν Ἰταλίαν, ὅπου τὴν Πιθηκοῦσσαν αὐτῷ περιρριφῆναι νῆσον, Φερεκύδης ἐν τῇ θεογονίᾳ ἱστορεῖ. Ф. Якоби (F. Jacoby. The First Athenian Prose Writer // *Mnemosyne* III, 13 [1947] 28–33) считает ошибочной дату для акмэ Ферекида Афинского 456/5, приводимую хроникой Евсевия, и полагает, что его *Истории* могли быть опубликованы между 508/7 и, самое позднее, 476/5. Ср. G. Huxley. The Date of Pherekydes of Athens // *GRBS* 14 (1973) 137–143: несколько более поздняя датировка, 481–460 гг., которая, как и хронология, предлагаемая Якоби, хорошо соответствует ошибочной датировке в словаре Суды эллинистического писателя Фе-

Эпомео, о которых имеются как письменные, так и археологические свидетельства. По словам Страбона (V, 4, 9), Тимей (IV в. до н. э.) упоминал о древних невероятных преданиях о природе острова: καὶ Τίμαιος δὲ περὶ τῶν Πιθηκουσῶν φησὶν ὑπὸ τῶν παλαιῶν πολλὰ παραδοξολογεῖσθαι. Как явствует из контекста Страбона, а также из непосредственного продолжения пассажа, в котором рассказывается об извержении, произошедшем на острове незадолго до Тимея, историк имел в виду богатую местную традицию о вулканическом характере местности. Страбон сообщает уже определенно о древних катаклизмах, включая и извержения, вынудившие население покинуть остров:

Πιθηκούσας δ' Ἑρετριεῖς ᾤκισαν καὶ Χαλκιδεῖς, εὐτυχήσαντες δὲ δι' εὐκαρπίαν καὶ διὰ τὰ χρυσεῖα ἐξέλιπον τὴν νῆσον κατὰ στάσιν, ὕστερον δὲ καὶ ὑπὸ σεισμῶν ἐξελαθέντες καὶ ἀναφύσμημάτων πυρὸς καὶ θαλάττης καὶ θερμῶν ὑδάτων.

Это свидетельство привлекло внимание историков в связи с археологическими исследованиями на острове. На Питекуссы уже во второй четверти VIII в. до н. э. была выведена колония (первая на греческом западе), расцвет которой в VIII в., как показывают данные археологии, сменился постепенным угасанием после 700 г. и упадком на рубеже VII и VI в.²⁰ По мнению Колдстрима, он мог быть вызван землетрясениями и вулканическими извержениями, о которых упоминает Страбон. Раскопки, проводившиеся на острове, выявили в трех местах вне основного поселения слои с керамикой VIII в., засыпанные толстым слоем вулканического пепла. Поселение возобновляется на том же месте во второй половине VII в. и затем вновь оказывается погребенным под толщей продуктов извержения Монте Эпомео.²¹ Извержение произошло здесь и во времена Гиерона (Str. V, 4, 9, см. ниже). Таким образом, за несколько веков присутствия греков на Питекуссах здесь вполне могло сложиться предание, отражающее природные особенности местности. Поэтому версия Ферекида о Тифоне под Питекуссами, вероятнее всего, имела источник в местной традиции.

Возможна ли подобная связь между мифом и природной действительностью в случае Этны, или, иными словами, знали ли сицилийцы о том, что Этна – вулкан, до извержения 479 г.? Тимей рассказывал о

рекида Лерского (s. v. Φερεκύδης Λέριος ἱστορικός· γεγονὸς πρὸ ὀλίγου τῆς οἰ' Ὀλυμπιάδος), т. е. до 480/77 г., если γεγονός понимать как floruit.

²⁰ J. N. Coldstream. Prospects and Pioneers: Pithekoussai, Kyme and Central Italy // *The Archeology of Greek Colonisation*, ed. by G. R. Tsatsikis and F. de Angelis (Oxford 1994) 54.

²¹ *Ibid.*, 50 n. 7.

неком древнем извержении Этны, такой силы и длительности, что оно вынудило местное население, сиканов, покинуть остров.²² Это свидетельство тем ценнее, что исходит от историка, бывшего уроженцем Сицилии и написавшего сочинение по истории острова. Сведения об этом извержении были получены, по всей видимости, греческими колонистами от местного населения, и, следовательно, память о нем сохранилась с незапамятных времен.²³ Фукидиду (III, 116) было известно о трех извержениях Этны: одно из них произошло в его время (425 г.), другое – за пятьдесят лет до него (интересующее нас извержение 479 г., см. прим. 1); наконец, о третьем, предшествующем первым двум по времени, историк сообщает лишь то, что произошло оно после заселения Сицилии греками. Таким образом, *terminus post quem* для самого раннего из упоминаемых Фукидидом извержений – начало греческой колонизации острова (740 г., основание Сиракуз). Неопределенность хронологии этого извержения не является основанием для того, чтобы сбрасывать его со счетов. Так, вулканологи полагают, что одно из извержений Этны имело место в 695 или 693 г. до н. э.²⁴ Суммируя эти сведения, мы приходим к выводу, что в Сицилии существовала память о древних извержениях Этны, очевидно, достаточно мощных. В исторической памяти остаются, как правило, особенно впечатляющие современников события.

Это не означает, однако, что с 695 по 476–475 гг. жители Сицилии не имели подтверждений вулканической природы Этны. Этна является постоянно действующим вулканом, причем очень активным. В промежутках между серьезными извержениями ее вулканическая деятельность выражается в постоянных выбросах небольшого количества лавы и пепла, и даже во времена наибольшего затишья над ней наблюдается дым, напоминающий о том, что это вулкан. Этот геофизический факт подтверждается свидетельствами древних авторов,²⁵ в частности Страбона, который описывает обычное, спокойное состояние Этны (VI, 2, 8):

²² *FrGrH* 3 b, 566 F 164. 103: καὶ τὸ μὲν πρῶτον ἄπασαν τὴν νῆσον κατῴκουν (οἱ Σικανοί), καὶ τὴν χώραν ἐργαζόμενοι τὰς τροφὰς εἶχον· ὕστερον δὲ τῆς Αἰτνῆς ἐν πλείοις τόποις ἀναφυσήματα πυρὸς ἀνείσης, καὶ πολλοῦ κατὰ τὴν χώραν ῥύακος ἐκχυθέντος, συνέβη φθαρῆναι τῆς γῆς ἐπὶ πολλὸν τόπον. ἐπ' ἑτῇ δὲ πλείῳ τοῦ πυρὸς ἐπινεμομένου πολλὴν χώραν, φοβηθέντες τὰ μὲν πρὸς ἔω κεκλιμένα τῆς Σικελίας ἐξέλιπον, εἰς δὲ τὰ πρὸς δυσμὰς νεύοντα μετόκησαν.

²³ Вулканологи связывают этот рассказ с мощнейшим извержением Этны около 1500 г. до н. э.

²⁴ http://boris.vulcanoetna.it/ETNA_elencold.html

²⁵ [Arist.] *Mir.* 840 b; [Arist.] *De mundo* 395 b 18.

ὑπέρκειται δ' ἡ Αἴτνη μάλλον μὲν τῆς κατὰ τὸν πορθμὸν καὶ τὴν Καταναίαν παραλίας, ἀλλὰ καὶ τῆς κατὰ τὸ Τυρρηνικὸν πέλαγος καὶ τὰς Λιπαραίων νήσους, νύκτωρ μὲν οὖν καὶ φέγγη φαίνεται λαμπρὰ ἐκ τῆς κορυφῆς, μεθ' ἡμέραν δὲ καπνῷ καὶ ἀχλύϊ κατέχε-
ται.²⁶

Как видно из предшествующей части описания Этны (Strab., *ibid.*), ко времени Страбона грекам было хорошо известно о том, что Этна располагает не одним, а множеством кратеров:

ἔοικε δὲ λαμβάνειν μεταβολὰς πολλὰς τὰ ἄκρα τοῦ ὄρους (Αἴτνης) διὰ τὴν νομὴν τοῦ πυρὸς, τοτὲ μὲν εἰς ἓνα κρατῆρα συμφερόμενου τοτὲ δὲ σχιζομένου, καὶ τοτὲ μὲν ῥύακας ἀναπέμποντος τοτὲ δὲ φλόγας καὶ λιγνύς, ἄλλοτε δὲ καὶ μύδρους ἀναφυσῶντος.

В V в. до н. э. ситуация, конечно, не могла быть существенно иной. В настоящее время на склонах Этны имеется более 200 побочных конусов и кратеров.²⁷ Наконец, существует и мифологическое подтверждение постоянной, зримой огненной деятельности Этны. Так, Псевдо-Аполлодор (I, 6, 3), завершая описание тифономахии, говорит не об извержении, как Пиндар и автор *PV*, а о том, что из Этны до сих пор вырываются языки пламени (перманентное состояние), объясняя это количеством перунов, которыми Зевс забросал Тифона. Об этом же свидетельствует и имеющая корни в местном субстрате сицилийская мифология, связанная с Этной (см. далее с. 23 сл.), которая, конечно не могла сложиться в одночасье после извержения 479 г.

Хотя в конце VI – начале V в. пробуждается научный интерес к вулканическим явлениям (Xenoph. 21 A 48; Emp. 31 A 69; Anax. 59 A 89 DK), до Фукидида все сообщения об извержении Этны еще принадлежат мифо-поэтической традиции, а информация о древних извержениях у позднейших авторов (Тимей, Страбон) основывается, вероятно, на устных преданиях. Суммарно картина, возникающая из свидетельств о древних извержениях Этны, а также сведений о характеристиках вулкана и его поведении в периоды спокойствия, позволяет считать, что Этна и до извержения 479/476 г. была известна местному населению как вулкан. Поэтому бытование здесь мифа о Тифоне и, может быть, даже возникновение здесь или на Питекуссах его этиоло-

²⁶ См. также *Schol. PV* 358 a: λέγουσι γὰρ ὅτι ἐν Αἴτνῃ ἡμέρας μὲν ἀναθρώσκει καπνός, νυκτὸς δὲ φλόξ; *Schol. Pind. Pyth.* 1. 51: Ἰστέον ὅτι ἐν τῇ Αἴτνῃ ἡμέρας μὲν φωτὸς δίχα καπνὸς καυστικὸς ἀναδίδοται, νυκτὸς δὲ πέτραι ἀποσφαιρίζονται ἔξω κεκαυμένοι καὶ ζέουσαι καὶ κτύπον τῇ φορᾷ ἐνποιῶσαι.

²⁷ A. Scarth, J.-C. Tanguy. *Volcanos of Europe* (Oxford 2001) 51.

гической части, связавшей Тифона с вулканической деятельностью,²⁸ вполне естественно.

Однако существование предания отнюдь не тождественно существованию эпоса, на чем строил свою гипотезу фон Месс. Свидетельство Ферекида, которое является одним из ее оснований, содержится в его *Теогонии*, написанной в прозе, и наличие у него здесь эпического источника крайне гипотетично. Думается, что мы вправе говорить о существовании этиологического предания о Тифоне под Питекуссами (возможно, устного), которым воспользовался как Пиндар, так и Ферекид, не прибегая при этом к гипотезе фон Месса о псевдогесиодовском эпосе.

Остальные наблюдения фон Месса могут быть отнесены на счет разнообразной, достаточно обширной и хорошо засвидетельствованной традиции о Тифоне, которая существовала помимо Гесиода. Так, по сообщению Филодема, о нападении Тифона на Зевса рассказывали, помимо Эсхила в *PV*, также Акусилай, Эпименид и многие другие (*FGrHist* 2 F 12). Эпименид, в частности, считался автором эпической *Теогонии* в пять тысяч стихов (*FGrHist* 457 T 1), откуда, вероятно, и происходит рассказ о Тифоне, передаваемый Филодемом (68 В 8 Diels). В *Теогонии* Ферекида повествование о Тифоне вряд ли ограничивалось сохранившимся эпизодом. Весьма разработанный миф о Тифоне, изобилующий деталями, которых нет в *Теогонии* Гесиода, содержится в *Библиотеке* Псевдо-Аполлодора (I, 6, 3). На то, что он восходит к архаическим источникам, указывает, в частности, использованная уже Пиндаром (fr. 91 = Porph. *De abst.* III, 16) деталь: боги бежали от Тифона в звериных обличьях. Сходным образом дело должно было обстоять и с рождением Тифона в киликийской пещере, за упоминанием которой стоит какой-то неизвестный нам сюжет о рождении Тифона.²⁹

В этой связи не теряет актуальности предположение фон Месса о том, что схолиаст *PV* действительно цитирует Гесиода.³⁰ Проблему просодии Κίλικιον, требующего в гексаметре метрического удлине-

²⁸ Активные вулканы Липарских островов, по имеющимся свидетельствам, с Тифоном не связывались, видимо из-за небольших размеров самих островов. Это была вотчина Гефеста. О других действующих вулканах в историческое время нам ничего не известно.

²⁹ Согласно версии, излагаемой Евстафием, Тифон родился из двух яиц, полученных Герой от Кроноса и помещенных ею под землю в Киликии: ἔθετο αὐτὰ (δὲο φά) ὑπὸ τὸ Ἄριον τῆς Κιλικίας. Возможно, место низвержения Тифона в *Илиаде* (II, II, 783: εἰν Ἀρίοις, ὅθι φασὶ Τυφώος ἔμμεναι εὐνὰς) в процессе развития мифа было переосмыслено как место его рождения.

³⁰ См. прим. 13.

ния краткого в первом слоге,³¹ можно решить, приняв изменения, предложенные Херингтоном: τὸν ποτε <δὴ> Κιλίκων θρέψαι πολυ-
ώνυμον ἄντρον / <φασί>.³² Меркельбах и Уэст допускают, что схолий сохранился не полностью, и предполагают, что цитата из Гесиода (*Th.* 859–861), а также имя Пиндара были утрачены, что привело к соединению имени Гесиода с цитатой из Пиндара.³³ На это следует возразить, что схолиаст совершенно очевидно комментирует киликийское происхождение Тифона (*PV* 367), и приводить цитату из Гесиода, ничего не сообщаящую на эту тему, было бы бессмысленно. На наш взгляд, возможно другое решение, основанное на лакунарности текста схолия: гекзаметр, как его восстанавливает Херингтон, был процитирован схолиастом как стих Гесиода, а за ним следовала цитата из Пиндара; на каком-то этапе, ввиду их почти полного сходства, один стих был пропущен или изъят, а поскольку и стих Пиндара при уже не ощущавшемся изменении долготы одного слога воспринимается как гекзаметр, кто-то предпочел связать его с Гесиодом. Это объясняло бы появление в части рукописей необъяснимого для Пиндара θρέψαι.³⁴ Таким образом, можно допустить, что Пиндар почти полностью воспроизвел в своей оде стих из какого-то приписывавшегося Гесиоду эпического текста.

Итак, существование достаточно разработанной традиции о Тифоне, связывавшей с ним, в частности, извержения вулканов, которой могли воспользоваться как Пиндар, так и автор *PV*, едва ли может быть оспорено. С другой стороны, отказ от гипотезы общего источника для двух наших текстов с особой остротой ставит вопрос об их отношении друг к другу: мы теперь должны объяснить, почему, имея в своем распоряжении разнообразную традицию, оба поэта произвели из нее практически одинаковый отбор материала.

Анализируя таблицу вербальных повторов (с. 5), нетрудно заметить, что ее материал естественно распадается на две группы. К первой относятся детали мифологической характеристики Тифона (уроженец Киликийских пещер, стоголавый, враждебный всем

³¹ Во всех случаях употребления вариантов слова в гекзаметрических текстах оно засвидетельствовано с первым кратким гласным.

³² C. J. Herington (ed.). *The Older Scholia on the Prometheus Bound* (Mnemosyne, Suppl. 19, Leiden 1972) 351 d. Это восстановление опирается на гекзаметр *Or. Syb.* 11, 210: καὶ τότε δὴ Κιλίκων καὶ Ἀσσυρίων μέσον ἔξει, первая половина которого метрически полностью соответствует восстановлению Херингтона.

³³ *Fragmenta Hesiodica*, ed. R. Merkelbach, M. L. West (Oxford 1967) Fr. 388.

³⁴ Herington, *ibid.* Исследователи, считающие, что схолиаст *PV* ошибочно приписывает Гесиоду стих Пиндара (в силу его близости к гекзаметру), как правило, не останавливаются на этой форме, см., например, Focke (прим. 8) 291 Anm. 2.

богам). Во вторую входят вербальные переключки в описании извержения, которые, в сущности, сводятся к уподоблению лавы огненным потокам обоими поэтами. Однако достаточно беглого прочтения, чтобы понять, что, используя несколько общих ключевых слов, Пиндар и автор *PV* создают совершенно разные тексты, описывающие извержение. На это указывает, в частности, то, что ряд слов, приведенных в таблице, употребляются авторами в разных значениях, и они, следовательно, не могут быть отнесены к числу вербальных повторов:

1) слово *téras* в *PV* 352 употребляется в значении “чудовище” (ср. *Hes. Th.* 845, 856 τοῖο / δεινοῖο πελώρου о Тифоне), тогда как Пиндар употребляет его в значении “чудо, диво” (о потоках лавы);

2) слово *κορυφαῖς* в *PV* тесно связано с работой Гефеста, тогда как у Пиндара этой связи нет (Тифон растянут между вершинами и основанием Этны); кроме того, слово обычно при описании горы, так что появление его у разных авторов без специфических сходных деталей неправомерно считать признаком заимствования;

3) Гефест появляется в *PV* собственной персоной, как бог огня, кующий на вершине Этны, в то время как у Пиндара имя Гефеста является практически синонимом огня;³⁵

4) эпитет Сицилии *καλλικαρπος* (прекрасноплодная) наделяется в *PV* особым смыслом в противопоставлении рекам огня, которые уничтожат ее пашни, тогда как сходный эпитет у Пиндара выведен за рамки описания извержения и имеет вполне орнаментальный характер (гора, лоб плодородной земли).³⁶

Единственным заслуживающим внимания повторяющимся словом является, на наш взгляд, *vûv*, которое обеспечивает переход от мифологического прошлого к настоящему извержения.

Эти предварительные наблюдения подтверждают в первом приближении вывод о стилистической независимости двух произведений и заставляют внимательнее присмотреться к их композиционной структуре.

1) *Pyth.* 1, 15–28.

Образ Тифона у Пиндара появляется в качестве примера одного из тех, кого невзлюбил Зевс и кто приходит в ужас при звуках голоса Пие-рида:

ῥσσα δὲ μὴ πεφίληκε Ζεὺς, ἀτύζονται βοῶν
Πιερίδων ἄϊοντα, γὰρ τε καὶ πόντον κατ' ἀμαμάκετον,

³⁵ Bowra (прим. 3) 377.

³⁶ См. другие употребления эпитета *εὐκαρπος* у Пиндара: *Nem.* 1, 14 (о Сицилии); *Paе.* 2, 26 (о Фракии); fr. 215 (b), 12 S.–M.

- 15 ὅς τ' ἐν αἰνῶ Ταρτάρῳ κεῖται, θεῶν πολέμιος,
 Τυφῶς ἑκατοντακάρανος· τὸν ποτε
 Κυλίκιον θρέψεν πολυώνυμον ἄντρον· νῦν γε μὰν
 ταῖ τ' ὑπὲρ Κύμας ἀλιερκέες ὄχθαι
 Σικελία τ' αὐτοῦ πιέζει στέρνα λαχνάεντα· κίων
 δ' οὐρανία συνέχει,
 20 νιφόεσσ' Αἴτνα, πάνετες χιόνος ὀξείας τιθήνα.

Этим композиционным приемом предreshается отсутствие изложения самой битвы Зевса с Тифоном: последний рассматривается как заведомо проигравшая сторона. Вместо тифономахии мы имеем здесь мифологическое досье Тифона, серию характеристик, достаточных для того, чтобы вызвать в сознании слушателей эпическую историю о победе Зевса над Тифоном. Сведения о прошлом Тифона, ограничивающиеся необходимыми опорными ссылками, служат лишь рамкой, преамбулой для описания его нынешнего состояния (νῦν). Отметим сразу слабость противопоставления νῦν и ποτε, где последнее связано лишь с фактом рождения Тифона в киликийской пещере. Главным объектом интереса Пиндара является участь Тифона, место его подземного заключения, которое, несмотря на отсылку к эпической традиции (15: ἐν αἰνῶ Ταρτάρῳ κεῖται), приобретает две конкретных географических локализации (18–20: ταῖ τ' ὑπὲρ Κύμας ... ὄχθαι Σικελία τ'; νιφόεσσ' Αἴτνα).

Упоминание Питекусс (ταῖ τ' ὑπὲρ Κύμας ... ὄχθαι), избыточное с точки зрения описания извержения Этны, находит вполне приемлемое объяснение, если следовать логике создания мифологической рамки: эта деталь, очевидно, уже фигурировала в повествованиях о Тифоне (свидетельство Ферекида). К тому же она была актуальной в момент создания оды Пиндара: основанием для упоминания Питекусс могло быть недавнее извержение вулкана на этом острове. Из рассказа Страбона (V, 4, 9) известно о вулканических явлениях, из-за которых его покинули колонисты Гиерона. Колония на Питекуссы могла быть выведена после 474 г. (год победы Гиерона над этрусками, упрочившей положение греческих колоний в средней Италии) и до 467 г. (год смерти Гиерона). Однако упоминание Тифона под Питекуссами у Пиндара, пожалуй, говорит за то, что извержение там произошло до 470 г. Таким образом, Пиндар в данном случае, вероятно, не просто демонстрирует ученость, но и кстати упоминает об актуальном для Сицилии событии.

Упоминание Этны, второй (нынешней) локализации Тифона (18–20), служит мостом к грандиозному описанию извержения, которое занимает большую часть следующей строфы и, несомненно, является центральной частью всего рассказа о Тифоне.

- 21 τᾶς ἐρεΰγονται μὲν ἀπλάτου πυρὸς ἀγνόταται
 ἐκ μυχῶν παγαί· ποταμοὶ δ' ἀμέραισιν
 μὲν προχέοντι ῥόον καπνοῦ
 αἶθων· ἀλλ' ἐν ὄρφναισιν πέτρας
 φοίνισσα κυλινδομένα φλόξ ἐς βαθεῖ-
 αν φέρει πόντου πλάκα σὺν πατάγῳ.
 25 κεῖνο δ' Ἀφαίστοιο κρουνοὺς ἐρπετὸν
 δεινοτάτους ἀναπέμπει· τέρας μὲν
 θαυμάσιον προσιδέσθαι,
 θαῦμα δὲ καὶ παρεόντων ἀκοῦσαι,
 οἷον Αἴτνας ἐν μελαμφύλλοις δέδεταί κορυφαῖς
 καὶ πέδῳ, στρωμνὰ δὲ χαράσσοισ' ἅπαν νῶ-
 τον ποτικεκλιμένον κεντεῖ.

Детальная, очень звучная и яркая картина извержения (21–24)³⁷ кратко подытоживается его этиологией (25–26): устрашающие потоки Гефеста посылает вверх то самое пресмыкающееся, Тифон, о котором говорилось выше. Здесь нужно отметить, что поэт прямо не поясняет, каким образом Тифон извергает огненные потоки. Также без ответа остается и вопрос, почему он это делает. Между тем, для этиологического мифа эти вопросы существенны. Связь Тифона с извержением вулкана является новой деталью мифа по сравнению с рассказом, изложенным в *Теогонии*, согласно которому низвержение Тифона породило совсем другое физическое явление – шквальные ветры, называемые тифонами. Соответственно с этим претерпели изменения и некоторые черты Тифона как мифологического персонажа. Хотя в апофеозе тифономахии у Гесиода и возникает картина, чем-то напоминающая происходящее при извержении вулкана (там, где Тифона настиг перун Зевса, земля горела и плавилась, подобно тому как плавится олово в тиглях или железо, укрощенное Гефестом, *Th.* 859–866), горение и состояние земли, весьма похожее на растекание лавы, по Гесиоду, были порождены не Тифоном, а настигшим его перуном Зевса.³⁸ Лишь после этого Тифон был брошен в Тартар. Между тем у Пиндара сказано (ст. 25–26), что потоки огня посылает вверх сам Тифон. Сходным образом (и с дополнительной мотивацией гнева укрощенного, но не примиренного чудовища) предстает извержение Этны в *PV* (370 sqq.). При этом ни в том, ни в другом тексте не сказано ясно, каким образом Тифон извергает пламя: *Pyth.*

³⁷ Bowra (прим. 3) 376 ff.

³⁸ Огонь у Гесиода связан только с глазами чудовища, 826 sq.: ἐν δὲ οἱ ὄσσε / θεσπεσίης κεφαλῇσιν ὑπ' ὀφρύσι πῦρ ἀμάρυσεν.

1, 25 sq. κείνο δ' Ἀφραίστοιο κρουνοῦς ἔρπετον / δεινοτάτους ἀναπέμπει;
PV 370 sq. τοιόνδε Τυφῶς ἐξαναζέσει χόλον / θερμοῖς ἀπλάτου βέλεσι
 πυρπνόου ζάλης.

Образ огнедышащего чудовища, тем не менее, возникает в обоих текстах. То, что он подразумевался обоими авторами, на наш взгляд, подтверждает изображение Тифона на щите в эсхиловской трагедии *Семеро против Фив*: Τυφῶν' ἰέντα πύρπνοον διὰ στόμα / λιγνὸν μέλαιναν, αἰόλην πυρὸς κάσιν (493–494); ...ὁ μὲν γὰρ πύρπνοον Τυφῶν' ἔχει (511). Дважды употребляемое здесь πύρπνοον, в обоих случаях как эпитет Тифона, сопоставимо с πυρπνόου в *PV* 371, которое можно попытаться осмыслить как эпитет Тифона через ὑπαλλαγή. Дело в том, что πύρπνοος является достаточно редким эпитетом и почти всегда употребляется в прямом смысле применительно к огнедышащим чудовищам, быкам (*Eur. Med.* 478), льву (*Eur. El.* 472), химере (*Anaxil.* 22, 3). В *PV* слово встречается дважды. Кроме рассматриваемого случая, оно появляется в ст. 917: πιστὸς τινάσσων τ' ἐν χεροῖν πύρπνοον βέλος (применительно к перуну Зевса). В сочетании с βέλος эпитет πύρπνοον приобретает метафорический смысл: дышащий огнем, т. е. порождающий огонь. Красноречивую параллель для такого употребления находим в *PV* 358–359, где перун Зевса охарактеризован выражением ἐκπνέων φλόγα, которое является перифразой πύρπνου. Оба имеют пролептический смысл: перун порождает огонь там, где достигает свою цель. В ст. 371 интерпретация затрудняется сложным построением метафоры: Тифон освобождает кипящий в нем гнев, который изливается из него горячими ударами неприступного огнедышащего шторма. Иными словами, огнедышащий шторм вырывается непосредственно из “недр” Тифона. Таким образом, мы можем мыслить всю картину извержения как огненное дыхание чудовища, и тогда характеристика Тифона как огнедышащего возникает сама собой. Именно такую картину рисует Страбон (V, 4, 9), рассказав о стихийных бедствиях (вулканического характера), не раз вынуждавших население Питекусс покинуть остров: ἐντεῦθεν καὶ ὁ μῦθος ὅτι φασὶ τὸν Τυφῶνα ὑποκεῖσθαι τῇ νήσῳ ταύτῃ, στρεφόμενον δὲ τὰς φλόγας ἀναφυσᾶσθαι καὶ τὰ ὕδατα. Конкретным и точным языком прозы он сообщает нам ту же информацию, что и пышный, иносказательный поэтический текст Пиндара. Конкретному ὑποκεῖσθαι соответствует у Пиндара πιέζει (*Σικελία*, 19), συνέχει (*Αἴτνα*, 19–20), δέδεται (*κορυφαῖς καὶ πέδῳ*, 27). Важная деталь рассказа Страбона заключена в слове στρεφόμενον: логика мифологического описания извержения требовала представления Тифона лежащим на спине, — только так он мог выдыхать пламя. Такая же деталь есть и в тексте

Пиндара: στρωμνὰ δὲ χάρασσοισ' ἅπαν νῶτον ποτικεκλιμένον κεντεῖ (28). Но особое внимание обращает на себя глагол ἀναφυσᾶσθαι. Этот глагол, как и производное от него существительное ἀναφύσημα, употребляется как термин применительно к извержению вулканов уже у Платона (*Phaed.* 113 b 5). Его этимологическая связь с дуновением/дыханием очевидна, и текст Страбона словно фиксирует механизм перехода слова, употребленного в собственном смысле, в термин, описывающий извержение вулкана. Процесс этот, однако, произошел гораздо раньше, еще до Платона, и можно предположить, что его исходной точкой мог послужить миф об огнедышащем Тифоне, заключенном под землей.

Возвращаясь к тексту Пиндара, мы приходим к выводу, что отсутствие отчетливого образа огнедышащего чудовища предполагает, что недостающие детали были слушателям хорошо известны. Но самый важный аргумент в пользу того, что Пиндар воспользовался уже существующим преданием, предоставляет сам текст. Нужно обратить особое внимание на восклицательную парентезу в ст. 26: τέρας ... θαυμάσιον προσιδέσθαι, – и наиболее существенную для нас ее часть: θαῦμα ... παρρόντων ἄκοῦσαι. Слова τέρας и θαῦμα соотносятся с подлежащим предложения, заключенного в ст. 25–28, ἐρλετόν, имеющего коррелят в относительно-восклицательном местоимении οἶον (27). Дивом является то самое пресмыкающееся, что посылает потоки огня, т. е. перед нами не просто извержение вулкана, а его персонификация. И, как если бы этого было мало, объект удивления тех, кто видел сам, и тех, кто только слышал об этом от очевидцев, дополнительно конкретизируется в придаточном предложении, вводимым οἶον: какое (пресмыкающееся) сдавлено между вершинами Этны и ее основанием. Иными словами, очевидцы рассказывали об извержении вулкана не натуралистическим языком, а языком этиологического мифа, и это само по себе достаточно свидетельствует о том, что Пиндар лишь придал бывшим в ходу рассказам литературную форму.

2) PV 351–372

Обратимся теперь к тексту PV. Выше мы попытались показать, что в центре внимания Пиндара находится само извержение, которому посвящается почти целая строфа, изобилующая живописными деталями, а миф о Тифоне представлен не в виде связного рассказа, а как мифологическая прерамбула, содержащая основные элементы мифа, почерпнутые предположительно как у Гесиода, так и в более поздней традиции.

Тифоновский фрагмент PV вводится обращенным к Океану предупреждением Прометея о том, что он может стать жертвой Зевса за свое

сочувствие Прометею (345–346: ἐγὼ γὰρ οὐκ, εἰ δυστυχῶ, τοῦδ' οὐνεκα / θέλοισ' ἄν ὥς πλείστοισι πημονὰς τυχεῖν). В его преамбуле, ст. 347–354, Прометей приводит два примера, иллюстрирующие жестокость, с какой Зевс наказывает своих противников:

οὐ δῆτ', ἐπεὶ με καὶ κασιγνήτου τύχαι
 τεύρουσ' Ἄτλαντος, ὃς πρὸς ἐσπέρους τόπους
 ἔστηκε κίον' οὐρανοῦ τε καὶ χθονὸς
 350 ὥμοιν ἐρείδων, ἄχθος οὐκ εὐάγκαλον.
 τὸν γηγενῇ τε Κιλικίων οἰκῆτορα
 ἄντρων ἰδὼν ῥκτιρα, δάιον τέρας,
 ἑκατογκάρανον πρὸς βίαν χειρούμενον,
 Τυφῶνα θούρον †πᾶσιν ὃς† ἀντέστη θεοῖς...

Обратим внимание на композиционный параллелизм этого вступления с текстом *Pyth.* 1, 13 sqq.: Пиндар и автор *PV* иллюстрируют власть Зевса с двух противоположных позиций; примеры (в *PV* их два) вводятся в обоих случаях относительным местоимением ὃς. Кроме того, в ст. 351–354 весьма сходно с *Pyth.* 1, 15–17, путем перечисления, дается мифологическая характеристика Тифона. Отметим эти моменты для дальнейших сопоставлений.

Общность судеб Атланта и Тифона помимо прочего вскрывает одно не слишком бросающееся в глаза обстоятельство. Каким образом Прометей увидел Тифона (ἰδὼν... τέρας), гибельное чудовище, уже усмиренное при помощи силы?³⁹ Очевидно, имеется в виду гора Этна. Усмирение Тифона и есть в итоге его заключение под Этну, как будет ясно из ст. 363–365 (см. ниже). Атлант, в свою очередь, вероятно, ассоциируется с горой Атлас, о чем свидетельствует упоминание колонны, разделяющей небо и землю.⁴⁰ Таким образом, судьба двух противников Зевса связывается с двумя высочайшими горами запада. Стоит обратить внимание на то, что эти две горы были связаны уже в эпической поэзии VI в., если верно восстановление во fr. Hes. 150, 25–26 M.–W. (Ἄτλαντός τ' ὄρος] αἰπὺ κ[αὶ Αἴτν]ην παλαλόμεσσαν). Выражение κίων οὐρανοῦ (*PV* 349) было справедливо сопоставлено Ардиццони с κίων οὐρανία у Пиндара (*Pyth.* 1, 19, об Этне).⁴¹ По свидетельству Геродота, местные жители называли гору

³⁹ Возможно Аристофан комически обыграл это место в *Осах*, 1036: τοιοῦτον ἰδὼν τέρας οὗ φησὶν δεῖσας καταδωροδοκῆσαι, о Клеоне под видом гибридного чудовища с элементами Тифона, ср. *Ag. Eq.* 511 и комм. Aristophanes. *Knights*, ed. A. Sommerstein (Warminster 1981) 511.

⁴⁰ M. Griffith (ed.). *Prometheus Bound* (Cambridge 1983) 347–350 n.

⁴¹ Ardizzoni (прим. 7) 235.

Атлас “колонной неба”,⁴² именно так, как в тексте *PV*, причем основанием для этого, согласно Геродоту, была не только ее высота, но и внешнее сходство с колонной. Это дополнительно подтверждает, что в тексте *PV* выражение *κίων οὐρανοῦ* не является поэтической метафорой, как у Пиндара, а связано с мифом об Атланте и с горой Атлас. В связи с этим предположение Ардиццини о том, что выражение “небесная колонна”, как Пиндар называет Этну, могло быть подсказано текстом *PV*, выглядит вполне правдоподобно.

В этом хорошо сбалансированном формально отрывке (на Атланта и на Тифона приходится примерно по четыре стиха) задача иллюстрировать жестокость Зевса может считаться выполненной. Но особенности горы, под которой заключен Тифон, таят в себе возможности дальнейшей драматической интерпретации. Поэтому краткая характеристика Тифона и его участи в преамбуле разрастается в последовательное изложение тифономахии, за которым следует описание гнева поверженного Тифона.

Используя историю Тифона, поэт решает двойную задачу: (1) показать силу верховного бога в его поединке с Тифоном, (2) показать нестабильность миропорядка, основанного на силе. Последовательному решению этих двух задач соответствует разделение остального текста фрагмента на две приблизительно равные части, 354–362 и 363–372.

Первая часть (354–362) с описанием поединка Зевса с Тифоном развивается в русле истории Гесиода (*Th.* 821–868):

†παῖσιν ὅς† ἀντέστη θεοῖς

355 σμερδναῖσι γαμφηλαῖσι συρίζων φόβον,
 ἐξ ὁμμάτων δ' ἤστραπτε γοργωπὸν σέλας,
 ὡς τὴν Διὸς τυραννίδ' ἐκτέρσων βία.
 ἀλλ' ἦλθεν αὐτῷ Ζηνὸς ἄγρυπνον βέλος,
 καταιβάτης κεραυνὸς ἐκπνέων φλόγα,

360 ὅς αὐτὸν ἐξέπληξε τῶν ὑψηγόρων
 κομπασμάτων· φρένας γὰρ εἰς αὐτὰς τυπεῖς
 ἐφεψαλώθη κάζεβροντήθη σθένης.

Во второй части (363–372) сообщается об участи пораженного Тифона. Сначала мы узнаем о том, что он лежит под Этной, 363–365:

καὶ νῦν ἀχρεῖον καὶ παράορον δέμας
 κεῖται στενωποῦ πλησίον θαλασσίῳ
 ἰπούμενος ρίζαισιν Αἰτναίαις ὑπο.

⁴² Hdt. IV, 184: Ἔχεται δὲ τοῦ ἀλὸς τούτου ὄρος τῷ οὐνομά ἐστι Ἄτλας· ἔστι δὲ στεινὸν καὶ κυκλοτερὲς πάντη, ὑψηλὸν δὲ οὕτω δὴ τι λέγεται ὡς τὰς

Никакие другие варианты, известные традиции (Тартар, Питекуссы), здесь неуместны, поскольку автор излагает избранный им вариант мифа последовательно, а не создавая широкий мифологический контекст, как это делает Пиндар. Переход к пассивному состоянию (ἀχρεῖον καὶ παράορον) заключенного под Этной Тифона после активной борьбы с Зевсом в предыдущих стихах осуществляется с помощью καὶ νῦν, имеющего точное соответствие в тексте Пиндара (νῦν γὰρ μᾶν). Отметим и это композиционное совпадение двух текстов. Достаточно очевидно, что после подробного описания событий прошлого καὶ νῦν здесь и уместно, и необходимо. Близкую аналогию такого употребления νῦν находим в *Il.* XXIV, 614–617:⁴³ νῦν δὲ που ἐν πέτρῃσιν, ἐν οὐρεσὶν οἰοπόλοισιν, / ἐν Σιτύλῳ... λίθος περ ἐοῦσα. В предыдущих стихах Ахилл рассказал о том, как Аполлон и Артемида расправились с детьми Ниобы, а νῦν δὲ вводит сообщение о ее нынешней судьбе, причем само теперешнее состояние Ниобы (превращенной в камень) и указание на ее географическое местонахождение делают это место поразительно схожим с текстом *PV*. У Пиндара коррелятом νῦν в прошлом является факт рождения Тифона в киликийской пещере (τὸν ποτὲ Κιλικίον θρέψεν πολυώνυμον ἄντρον), что, конечно, менее эффективно, чем противопоставление динамичных событий в прошлом нынешнему окаменению в рассказах Прометея и Ахилла. Вполне возможно, если верно предположение о заимствовании Пиндаром ст. 16–17 из какого-то псевдогесиодовского эпического текста, что ποτὲ в нем вообще ничему не было противопоставлено. Это наводит на мысль о том, что Пиндар ориентировался на некий источник, в котором изложение тифономахии посредством νῦν было связано с описанием последующего заключения Тифона. Сведя тифономахию к серии опорных намеков, воссоздающих мифологическое прошлое, поэт тем не менее сохранил νῦν как обеспечивающее переход к этиологической части мифа. В *PV* нынешнее пассивное состояние Тифона противопоставлено не только активному прошлому, но и новому проявлению активности в будущем (см. ниже), т. е. на νῦν лежит еще большая смысловая нагрузка.

Примечательны расхождения с Пиндаром и в следующем стихе Тифоновского фрагмента, 366:

κορυφαῖς δ' ἐν ἄκραϊς ἥμενος μυδροκτυπεῖ
Ἕρφαιστος...

κορυφαῖς αὐτοῦ οὐκ οἶά τε εἶναι ἰδέσθαι... τοῦτο τὸν κίονα τοῦ οὐρανοῦ λέγουσι οἱ ἐπιχώριοι εἶναι.

⁴³ Von Mess (прим. 9) 168.

Прежде всего, Гефест здесь выступает в своем мифическом амплуа. Он кует, сидя на вершине горы, которая является вулканом. О существовании такой мифологемы мы знаем из приведенных фон Мессом гекзаметров дактилического поэта Антимаха (fr. 52 Matthews):⁴⁴

ἔπνεον Ἥφαιστον πυρὶ εἵκελον ὄρρα τιτύσκει
δαίμων ἀκροτάτης ἐν ὄρεος κορυφῇσι Μοσύχλου.⁴⁵

Сходное по смыслу свидетельство о Гефесте имеется и для Этны, *Ant. Lib.* 28, 4:⁴⁶ Ζεὺς δ' οὐκ ἀνίησιν, ἀλλ' ὁ μέγιστον ὄρος ἐπιβάλλει Τυφῶνι τὴν Αἴτνην καὶ αὐτῷ φύλακα τὸν Ἥφαιστον ἐπὶ τῶν ἄκρων ἐφίστησιν· ὁ δ' ἐνερείσας τοὺς ἄκμονας αὐτοῦ τῷ τραχήλῳ διάπυρον ἐργάζεται μύδρον. Кроме того, работа Гефеста, согласно этой мифологеме, не связана непосредственно с извержением, но отражает его постоянную связь с вулканом в его пассивном состоянии (в промежутках между извержениями, см. выше). На это указывает настоящее время глагола μυδροκτυπεῖ, в то время как извержение, которое подается далее как vaticinium Прометея, представлено как однократное событие в будущем (367: ἔνθεν ἐκραγήσονται ποτε). В тексте Пиндара, как уже было сказано, имя Гефеста практически является синонимом огня. Кроме того, Пиндар, хотя он и использует νῦν, обеспечивающее переход от прошлого к нынешнему состоянию заключения под вулканом, не противопоставляет пассивное и активное состояние Этны. Конечно, это объясняется его сосредоточенностью на грандиозной картине извержения, но формально настоящее время глагола в ст. 21 (τὰς ἐρεῦγονται) позволяет думать, что Этна извергается непрерывно. Таким образом, автор *PV* проявляет заметно больший интерес к мифологии, чем Пиндар, и демонстрирует хорошее знание особенностей Этны как вулкана.

На имени Гефеста в силу его положения в *PV* 367 (enjambement) лежит большая смысловая нагрузка: это поворотный пункт от пассивного состояния Тифона к активному. Гефест сидит на вершинах (неизменное состояние), откуда в свое время извергнутся реки огня (событие, ограниченное временными рамками), 367–369:

⁴⁴ *Ibid.*, 171.

⁴⁵ Критический аппарат и комментарий см. в издании *Antimachus of Colophon: text and commentary* by V. J. Matthews (Mnemosyne Suppl. 155, Leiden 1995) 181–183.

⁴⁶ Цитируется по изданию Antoninus Liberalis. *Les Métamorphoses*, texte établi, traduit et commenté par M. Papathomopoulos (Paris 1968).

...ἔνθεν ἐκραγίσονταί ποτε
 ποταμοὶ πυρὸς δάπτοντες ἀγρίαις γνάθοις
 τῆς καλλικάρπου Σικελίας λευροῦς γύας.

В эти неполных три триметра заключена картина собственно извержения. Она сжата буквально в одну метафору (368–369), в которой противопоставлены огненная стихия и плодородие сицилийских почв. Однако за первым, очевидным уровнем понимания может быть установлен местный (сицилийский) мифологический контекст, в котором были тесно связаны между собой и играли большую роль Гефест и Деметра. Известен, в частности, фрагмент Симонида, согласно которому Этна выступила судьей в споре Гефеста и Деметры о Сицилии (fr. 200 Bergk = *Schol. Theocr.* I, 65). В самом факте спора заложены объективные претензии на первенство в нем обеих сторон. Следовательно, Гефест и Деметра представляют два основных фактора, определяющих природное состояние Сицилии, огненную стихию и плодородие почв. Между ними существует подвижный баланс, и если он смещается в пользу Гефеста, происходит то, что так образно и емко выразил автор *PV* в двух стихах: огненные реки Гефеста пожирают тучные пашни прекрасноплодной Сицилии, находящейся в ведении Деметры. В отличие от *PV* упоминание прекрасноплодной Сицилии у Пиндара, выведенное за рамки описания извержения (*Pyth.* 1, 30: ὄρος, εὐκάρποιον γαίαν μέτωπον), лишено мифологических связей и вполне орнаментально.⁴⁷

Завершающие фрагмент три стиха являются, с одной стороны, пояснением к картине извержения, содержащим ряд живописных деталей (370–371):

τοιόνδε τυφῶς ἐξαναζέσει χόλον
 θερμοῖς ἀπλάτου βέλεσι πυρπνόου ζάλης,

а с другой – подводят итог всей истории Тифона (372):

(τοιόνδε τυφῶς ἐξαναζέσει χόλον)
 καίπερ κεραυνῷ Ζηνὸς ἠνθρακωμένος.

Но, самое важное, именно эти три стиха прямо называют Тифона (гнев Тифона) причиной извержения Этны, т. е. дают в конечном итоге его этиологию. И здесь мы вновь сталкиваемся с поразительным композиционным совпадением этого текста с рассказом Пиндара. В обоих случаях описание извержения, связанное с Тифоном имплицитно

⁴⁷ См. выше с. 11.

(указанием на то, что он лежит под Этной, вводимым $\nu\delta\nu$), завершается эксплицитным выражением причины, которое вводится качественным (*PV* 370: τοιόνδε) или указательным (*Pyth.* 1, 25: κεῖνο) местоимением, которое стоит в предложении на первом месте и благодаря этому особо выделяется.

Таким образом, в обоих текстах извержение Этны вызвано Тифоном. Но в *PV* поведение Тифона имеет определенную причину: гнев, который он изливает потоками огня, несмотря на то, что повержен и испепелен перуном Зевса. Едва ли можно сомневаться в том, что это объяснение является литературной находкой автора, которая позволяет ему использовать историю Тифона как иллюстрацию неустойчивости мирового порядка, основанного на силе. Это подтверждается, во-первых, наличием другой версии для объяснения огненной активности Этны ([*Apollod.*] I, 6, 3, см. с. 11), во-вторых – отсутствием всякого объяснения как у Пиндара, так и у более поздних авторов: необходимость в нем отпала, когда Тифон превратился в мифах в огнедышащее существо.

Предпринятый нами анализ текстов о Тифоне приводит нас к следующим выводам.

1) Есть все основания полагать, что ни один из поэтов не был автором этиологического мифа о Тифоне.

2) Характер повествования о Тифоне и использование авторами мифологического материала, в частности, определяются логикой построения каждого отдельного контекста. Одно и то же событие рассматривается двумя авторами с двух противоположных точек зрения, со стороны победителя и со стороны побежденных. Автор *PV* использует извержение как доказательство ненадежности новой власти, основным инструментом которой является сила. У Пиндара масштабы проявления силы Зевсова врага, заключенного под Этной, видимо, призваны иллюстрировать могущество и величие победы верховного бога. Поэтому, а также, вероятно, в силу природной восприимчивости поэта к необычным явлениям,⁴⁸ в центре внимания у него оказывается подробное и натуралистичное описание поведения Тифона, без акцента на его губительных последствиях (такое впечатление, что все эти потоки огня, с грохотом несущие в море целые скалы, не более чем природный фейерверк). Именно поэтому, несмотря на то, что отправной точкой для обоих текстов служит одно явление и в описании извержения используются общие слова, они производят столь разное впечатление. На стилистическом уровне, как это общепризнано, связь между двумя произведениями неуловима.

⁴⁸ Bowra (прим. 3) 376, 378.

3) При всех различиях оба текста обладают очень близкой композиционной структурой, которую суммарно можно выразить следующей таблицей.

<i>PV</i>	<i>Pyth.</i> 1
1. Тезис и иллюстрирующие его примеры, вводимые ὅς 348, 353	13
τείρουσι... ὄκτιρα 348, 354	ὅσσα δὲ μὴ πεφίληκε Ζεὺς, ἀτύζονται 15
ὅς πρὸς ἐσπέρους τόπους... πᾶσιν ὅς ἀντέστη θεοῖς	ὅς τ'...
2. Мифологическая характеристика Тифона 351–354	15–17
τὸν... Κιλικίων οἰκήτορα ἄντρων... δάιον τέρας ἐκατογκάρανον πρὸς βίαν χειρούμενον, Τυφῶνα... ἀντέστη θεοῖς	ἐν αἰνῶ Ταρτάρῳ κεῖται θεῶν πολέμιος, Τυφῶς ἐκατοντακάρανος· τὸν... Κιλικίον θρέψεν... ἄντρον
3. Τιφονομαχία 354–362	[----]
4. Переход к этиологической части 363 (363–365)	17 (17–20)
καὶ νῦν... κεῖται... ἰπούμενος ῥίζαισιν Αἰτναίαις ὑπο	νῦν γε μᾶν ταῖ ὑπὲρ Κύμας... ὄχθαι, Σικελία... πιέζει... συνέχει... Αἷτνα
4а. Этна в пассивном состоянии 366–367	[----]
κορυφαῖς... ἦμενος μυδροκτυπεῖ Ἦφαιστος	
5. Извержение 367 (367–369)	21 (21–24)
ἔνθεν ἐκραγήσονταιί ποτε	τᾶς ἐρεύγονται
6. Этиологическое заключение 370 (370–372)	25 (25–28)
τοιόνδε Τυφῶς ἐξαναζέσει χόλον	κεῖνο δ' Ἀφάιστοιο κρουνοῦς ἐρπετὸν... ἀναπέμπει (οἶον... δέδετα)

Как видно из таблицы, структура текстов совпадает буквально в каждом пункте композиции. Выше было сказано о значении νῦν, вводящего этиологическую часть. В *PV* оно создает переход от тифономахии к этиологической части, отсутствие же соответствующего коррелята у Пиндара (16) свидетельствует о том, что он опустил аналогичное описание прошлых событий, имевшееся в его источнике. Любопытно также, что детали мифологической характеристики Тифона у

Пиндара перечислены в обратном порядке по сравнению с последовательностью в *PV*, которая соответствует сюжету мифа (*Pyth.* 1. 15–17: находящийся в Тартаре, враг богов, стоглавый, возвращенный в киликийской пещере / *PV* 351–354: обитатель киликийской пещеры, стоглавый, противник всех богов, далее следует описание тифономахии). Создается впечатление, что Пиндар начинает с конца событий, заменяя не нужное ему описание тифономахии ее результатом, низвержением в Тартар, которое отсылает к Гесиоду.

Каков же был источник Пиндара? Исходя из того, что было сказано о роли *vũv*, можно было бы думать, что Пиндар, равно как и автор *PV*, воспользовались общим источником, например эпической поэмой о Тифоне, в которой рассказ о битве Зевса с Тифоном сопровождался этиологическим мифом, вводимым *vũv*. Но это не объясняло бы совпадение остальных элементов структуры двух произведений. Поэтому наиболее естественным выходом представляется считать источником Пиндара *PV*. С этим выводом согласуется и наблюдение Ардиццони относительно выражения *κῑων οὐρανῖα* у Пиндара (см. с. 19 сл.).⁴⁹

Пиндар использовал Тифоновский фрагмент *PV* как некий костяк, на который он нарастил совершенно другую плоть. Как мы видели, преамбулы обоих произведений содержат основные посылки всего дальнейшего изложения, которые выражают две противоположные позиции: прочность (неоспоримость) и непрочность (спорность) миропорядка, обеспеченного победой Зевса. Можно предположить, что Пиндар вложил в свою преамбулу определенный запал полемики с *PV*, который угадывается в его категоричном *ὅσσα δὲ μὴ πεφίληκε Ζεὺς*, вводящем рассказ о Тифоне, и создал, таким образом, версию об абсолютной и ничем не омраченной победе Зевса, что вполне соответствовало контексту оды в честь Гиерона.

Если Пиндар создавал свою версию о Тифоне под влиянием Тифоновского фрагмента *PV*, то постановка этой драмы, очевидно, должна была состояться до 470 г. Этот вывод находится в противоречии с господствующими представлениями о времени создания драмы, но вполне согласуется с высказывавшимися соображениями о влиянии *PV* на дебютное произведение Софокла, драму *Триптолем* (468 г.).⁵⁰

⁴⁹ Другие соображения Ардиццони, на основании которых исследователь приходит к выводу о зависимости *Pyth.* 1 от Тифоновского фрагмента *PV*, по нашему мнению, не имеют необходимой доказательной силы в решении вопроса о взаимовлиянии.

⁵⁰ С. М. Bowra. Sophocles on His Own Development // *AJPh* 61 (1940) 392 f.; G. Zuntz. Aeschylus Prometheus // *HSCPh* 95 (1993) 107–111.

Аргументы в пользу поздней датировки *PV*, которые мы не можем обсуждать в данной статье, имеют не столько доказательный, сколько диагностирующий характер. Они высвечивают с разных сторон уникальные особенности этой драмы, – и в этом их ценность, – но не доказывают ни ее позднюю дату, ни – тем более – ее неэсхиловскую принадлежность. Здесь может быть уместно лишь напомнить, что Аристотель, выделяя четыре вида трагедии, объединяет *PV* с *Форкидами* и драмами об Аиде.⁵¹ Несмотря на безнадежное состояние текста *Поэтики* в этом месте, ясно, что объединены они, скорее всего, по сюжетно-композиционному принципу.⁵² Существенно, что эта категория, видимо, была представлена для Аристотеля почти исключительно Эсхилом (об Аиде для Эсхила засвидетельствованы *Ψυχαγωγοί* и *Ψυχοστασίαι*; сюда же могли быть отнесены более поздние драмы о Пирифое).⁵³ Отсюда ясно, что многие черты *PV* уникальны лишь потому, что не сохранилось полностью ни одной другой эсхиловской драмы этого типа. В частности, в отношении как возможного контекста появления Тифоновского фрагмента в *PV*, так и особенностей композиционной структуры драмы, интересно ее сопоставление с тем, что мы знаем об эсхиловской драме *Этнеянки*.

Ее постановка связывается с основанием города Этны, *Vita Aesch.* 13–15: Ἰέρωνος τότε τὴν Αἴτνην κτίζοντος ἐπεδείξατο τὰς Αἰτναίας οἰωνίζομενος βίον ἀγαθὸν τοῖς συνοικίζουσι τὴν πόλιν. Город Этна возник в 476 г. в результате синойкизма переселенцев из Пелопоннеса и Сиракуз, сменивших по воле Гиерона старое население Катаны, как

⁵¹ *Poet.* 56 a: τὸ δὲ τέταρτον τῆς†, οἷον αἱ τε Φορκίδες καὶ Προμηθεὺς καὶ ὅσα ἐν Αἰδοῦ.

⁵² Из предлагавшихся восстановлений текста интересно предположение G. F. Else. *Aristotles' Poetics* (Leiden 1957) 522–530: [τὸ δὲ τέταρτον] <ἡ δὲ ἐπεισοδιώ>δης, поскольку оно адекватно описывает структуру, засвидетельствованную *PV*. Если принять в качестве восстановления τὸ δὲ τερατώδης (Schrader), тогда эти драмы, видимо, объединялись по характеру их сюжетов “о чудесных, необыкновенных вещах”. Но особенности сюжетов несомненно должны были служить предпосылкой для сходного композиционного решения этих драм. Об этом свидетельствуют фрагменты комедии Кратина *Σερίφοι* (222–223, 343). Поскольку структурно текст фрагментов близко напоминает предсказания Прометея, Уэст полагает, что объектом пародии Кратина был *PV*. Однако использование Кратином сюжета о Персее свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в этой комедии пародировалась драма Эсхила *Форкиды*, в основе которой лежали приключения Персея у Горгон. Если это так, то в *Форкидах* и в *PV* использовался общий композиционный прием: предсказания герою его пути, что, с вытекающим отсюда структурным сходством двух драм, подтверждает обоснованность их отнесения Аристотелем к одному виду.

⁵³ Else (прим. 52) 528 f.

раньше называлась Этна, выселенное им в Леонтины. Первым упоминанием города Этны может считаться посвящение первой Немейской оды Пиндара, ΧΡΟΜΙΩ ΑΙΤΝΑΙΩΙ (476 г.), в которой также впервые упоминается Этнейский Зевс (*Nem.* 1, 6: Ζηνὸς Αἰτναίου χάριν), получивший официальный культ в новом городе. Такое же посвящение имеет девятая Немейская ода (474 г.),⁵⁴ в которой говорится и о ново-созданной Этне (*Nem.* 9, 2: τὰν νεοκτίσταν ἐς Αἴτναν).⁵⁵ Несмотря на эти указания на основание Этны в 476 г., большинство исследователей разделяет точку зрения Мазона, согласно которой официальные торжества в честь основания города имели место в 470 г. и именно тогда вместе с одой Пиндара была представлена и драма *Этнеянки*.⁵⁶ Основным аргументом здесь является первая Пифийская ода Пиндара (470 г.), в которой Гиерон называется κλεινὸς οἰκιστὴρ (31) Этны, высказываются пожелания будущего процветания города (36–37) и восхваляется в качестве его царя сын Гиерона Дейноменей (60–62). Шестилетнюю отсрочку торжеств в честь основания города Мазон объясняет тем, что, хотя город и был заселен в 476 г., в последующие годы (476–471) Гиерон был вовлечен в ряд военных конфликтов и поэтому официальное празднование было отложено. Единственным преимуществом этой гипотезы является ее “экономичность”: поездки Эсхила в Сицилию можно таким образом свести к двум, первой – между 472 и 468 г., и второй – в последние годы жизни после постановки *Орестей* в 458 г. Датировка *Этнеянок* 476 г. предполагала бы еще одну, более раннюю поездку Эсхила в Сицилию. Ничего невозможного в этом нет.⁵⁷

Хромий Этнейский, адресат *Nem.* 1 и 9 (476 и 474 г.), был назначен Гиероном правителем “новосозданной” Этны при его, видимо, несовершеннолетнем сыне.⁵⁸ В *Nem.* 9 (474/3 г.) Пиндар по сути дела, как и в *Puth.* 1, 33–40, благословляет новый город, прося Зевса уготовить его жителям благозаконный удел и городские празднества (29–31: μοῖραν δ’ εὐνομον / αἰτέω σε παῖσιν δαρὸν Αἰτναίων ὀπάζειν, / Ζεῦ πάτερ, ἀγλαΐαισιν δ’ ἀστυνόμοις ἐπιμῖξαι / λαόν). Упоминание о городских праздниках (ἀγλαΐαι ἀστυνόμοι), вероятно, можно связать с Этнеями,

⁵⁴ Баура полагает, что она могла быть создана в 473 г. после отъезда Пиндара из Сицилии: С. М. Bowra. *Pindar* (Oxford 1962) 409.

⁵⁵ ‘Благооснованная Этна’ упоминается в *Vacchyl.* 20 с 7: Αἴτναν ἐς εὐκτιτον (после 476 г., на основании упоминания Олимпийской победы Гиерона).

⁵⁶ P. Mazon. *Eschyle* I (Paris 1920) Intr. IV n. 1.

⁵⁷ Такую возможность допускает и А. Лески, оставляя, таким образом, вопрос о датировке *Этнеянок* открытым: А. Lesky. *Die tragische Dichtung der Hellenen* (Studienhefte zur Altertumswissenschaft 2, Göttingen 1972).

⁵⁸ *Schol. Pind. Nem.* 9. inscr.: ὁ δὲ Χρόμιος οὗτος φίλος ἦν Ἰέρωνος, κατασταθεὶς ὑπ’ αὐτοῦ τῆς Αἴτνης ἐπίτροπος· ὅθεν καὶ Αἰτναῖος ἐκπρόχθη.

праздником в честь Зевса, который был учрежден в новом городе.⁵⁹ Частью праздника, возможно, были колесничные бега, любимый вид состязаний Гиерона, о чем свидетельствует и продолжение текста Пиндара, *Nem.* 9. 32 f. (ἐντι τοι φίλιπποι τ' αὐτόθι).⁶⁰ Учреждение культа, Этнеи, наконец, благословение новосозданного города в *Nem.* 9 служит указанием на то, что при основании города были проведены необходимые религиозные церемонии и связанные с ними торжества. Это не противоречит возможности проведения дополнительных торжеств в 470 г. К этому времени Гиерон одержал ряд военных побед, укрепив тем самым свою власть, а его сын Дейноменей достиг возраста, когда мог полноправно принять бразды правления и именоваться царем Этны. Важным поводом была и победа Гиерона на Пифийских играх в 470 г. В центре торжеств 470 г. могло быть не столько основание города, сколько вступление в царскую власть Дейноменея и победы Гиерона, закрепившие за ним славу военного вождя греческого запада (в *Pyth.* 1, 73–78 Пиндар сравнивает победу Гиерона при Кумах не более и не менее как с победами над персами при Саламине и Платеях, 75: Ἑλλάδ' ἐξέλκων βαρείας δουλίας). Пифийская победа Гиерона была лишь символическим подтверждением его военных побед.

Драма *Этнеянки* уникальна тем, что действие пяти ее отдельных частей, как явствует из сохранившегося фрагмента ὑπόθεσις, происходило в различных местах Сицилии.⁶¹ Это создает неразрешимые на сегодняшний день проблемы драматической композиции,⁶² которые показывают ограниченность наших представлений о драматической технике Эсхила. Недостаточность сведений о содержании драмы оставляет открытым вопрос о том, была ли она набором сюжетно слабо связанных друг с другом частей, или же у нее был единый сюжет.⁶³

Определенные свидетельства имеются лишь о содержании четвертой части драмы, действие которой происходило близ Леонтин. Эсхил здесь использовал или, скорее, обработал миф о божественных братьях-

⁵⁹ *Schol. Pind. Ol.* 6, 162 a: ἐν τῇ Αἴτνῃ Διὸς Αἰτναίου ἄγαλμα ἱδρύται, καὶ εὐρυτὴ Αἰτναία καλεῖται.

⁶⁰ A. Kossatz-Deissman. *Dramen des Aischylos auf westgriechischen Vasen* (Mainz 1978) 43.

⁶¹ *P. Oxy.* 2257, 1 (fr. 26 M.).

⁶² O. Taplin. *The Stagecraft of Aeschylus* (Oxford 1977) 416 ff.

⁶³ Френкель и вслед за ним большинство исследователей склоняется к тому, что это был праздничный спектакль (Festspiel), состоящий из отдельных актов, лишенных драматического единства: E. Fraenkel. *Vermutungen zum Aetna-Festspiel des Aeschylus* // Idem. *Kleine Beiträge zur klassischen Philologie I* (Roma 1964) 249–262. В пользу второй возможности см. L. Poli-Palladini. *Some Reflections on Aeschylus' Aetnae(ae)* // *RhM* 144 (2001) 289 ff., 304 ff., здесь же библиография вопроса.

ях Паликах, местных сицилийских божествах (Macrobius. V, 19, 26), связанных с необычным двойным источником горячей воды на склонах Этны недалеко от Леонтин, о котором пишет Страбон (VI, 2, 9): οἱ Παλικοὶ δὲ κρατῆρας ἔχουσιν ἀναβάλλοντας ὕδωρ εἰς θολοειδὲς ἀναφύσημα καὶ πάλιν εἰς τὸν αὐτὸν δεχομένους μυχόν. Рядом с источником находилось святилище, о большой древности и почитаемости которого сообщает Диодор (XI, 89). Мать Паликов Талия, после того как ее соблазнил Зевс, была поглощена землей, откуда и появились на свет ее сыновья (Macrobius. V, 9, 17). Миф о Паликах – типичный этиологический миф, как показывает и единственный надежный фрагмент драмы, в котором Эсхил дает народную этимологию этого имени (Macrobius., *ibid.*: ἀπὸ τοῦ πάλιν ἰκέσθαι):

Α. τί δῆτ' ἐπ' αὐτοῖς ὄνομα θήσονται βροτοί;
 Β. σεμνοὺς Παλικοὺς Ζεὺς ἐφίεται καλεῖν.
 Α. ἦ καὶ Παλικῶν εὐλόγως μένει φάτις;
 πάλιν γάρ ἦκουσ' ἐκ σκότους τόδ' ἐς φάος.

Особенности этих источников не могли не связываться с вулканической деятельностью Этны, на что указывает и генеалогия Паликов. По Эсхилу, они происходят от Зевса и дочери Гефеста Талии. Согласно версии Силена, которая делает связь Паликов с вулканом еще более очевидной, они были сыновьями Гефеста и дочери Океана Этны.⁶⁴ Наконец, по Гесихию, отцом Паликов был Адран,⁶⁵ широко почитавшееся коренным населением божество огня, аналог Гефеста. У Эсхила Палики связаны с Гефестом через мать, нимфу Талию. Интересно замечание Циглера, который предположил, исходя из этимологии имени, что Талия у Эсхила является олицетворением изобилия местности, где находились источники, а ее происхождение от Гефеста указывает, что с ним ассоциировалась вулканическая деятельность Этны.⁶⁶ Другим отражением этого представления является миф о споре Деметры и Гефеста за Сицилию, о котором говорилось выше в связи с метафорой огня, пожирающего плодородные почвы Сицилии (PV 368 sq.). Таким образом, разработка Эсхилом мифа о Паликах говорит о его близком знакомстве с сицилийской мифологией, связанной с Этной. Это в достаточной степени объясняет само появление Тифоновского эпизода в PV и его отдельные элементы (Гефест и плодородие Сицилии).

⁶⁴ Steph. Byz. s. v. Παλική.

⁶⁵ Hesych. s. v. Παλικοί· Ἀδράνω δύο γεννῶνται υἱοὶ Παλικοί. Древние местные божества должны были иметь местную генеалогию, и наиболее подходящим кандидатом на роль отца Паликов является как раз бог огня. О широком почитании святилища Адрана на Этне см. Diod. XIV, 37, 6; Plut. *Tim.* 12, 2.

⁶⁶ K. Ziegler. Palikoi // *RE* 18 (1949) 100–123.

Исходя из фрагмента о Паликах, можно думать, что действие *Этнеянок* происходило в отдаленном мифическом прошлом⁶⁷ и что в драме цитировались и другие подобные пророчества. Вполне возможно, что посредством *vaticinia ex eventu* в ней говорилось об установлении основных культов на подвластной Гиерону территории (Этна, Ксутия, Леонтины, Сиракузы) и соответственно приводились генеалогии и (или) излагались сюжеты, связанные с важными местными божеествами. Но именно этот структурный принцип широко используется в *PV*, где, в частности, как *vaticinium ex eventu* изображается извержение Этны. Во фрагменте о Паликах пророчество совмещено с объяснением этимологии имени, что вообще очень характерно для Эсхила. Ряд таких примеров есть и в *PV* (732–734, 840–841, 848–852).

Как можно думать на основании ὑπόθεσις, структура драмы, даже если Эсхил использовал в ней единый драматический мотив, имела эпизодический характер. Это сближает *Этнеянок* с *PV* и другими драмами подобного типа.⁶⁸ О содержании других частей драмы, кроме названия местностей, где происходило их действие, ничего не известно. Но если она имела эпизодический характер, можно допустить, что в ней были использованы другие местные предания. Действие последнего, пятого акта происходило в Сиракузах. Он мог быть посвящен учреждению культа Деметры и Коры, который играл в Сицилии особую роль и, в частности, был основным культом Сиракуз. Уже в *Pyth.* 10, 12 (490 г.) Пиндар называет Сицилию Φερσεφόνως ἔδος, а в посвященной Хромию Этнейскому *Nem.* 1 говорится о том, что Зевс (в ст. 6 упоминается Этнейский Зевс) отдал остров Персефоне, чтобы возвеличить благодатную землю Сицилии (11–15). Похищение Персефоны нередко связывалось с Этной (Carc. Jun. 5; Mosch. III, 121; Diod. V, 4, 3). Об относительной древности этой традиции свидетельствует тот факт, что уже Гелон начал возводить на Этне храм Деметры, строительство которого было прервано его смертью (478 г.).⁶⁹ Но наиболее важным обстоятельством для нашего предположения о сюжете *Этнеянок* является то, что культам Деметры и Коры, а также Этнейского Зевса особо покровительствовал Гиерон, *Ol.* 6, 95 sq.: (Ἱέρων) ἀμφέπει Δάμπτρα, λευκίπλου τε θυγατρὸς ἑορτάν, / καὶ Ζηνὸς Αἰτναίου κράτος.

Действие еще двух частей драмы, первой и третьей, происходило на Этне. Поскольку четвертая часть посвящена Паликам, в третьей, вероятно, речь шла о похищении матери Паликов Талии Зевсом. Есте-

⁶⁷ Poli-Palladini (прим. 63) 289 f. Anm. 6.

⁶⁸ Else (прим. 52) 526–529.

⁶⁹ Diod. XI, 26. Непосредственно перед этим Гелон возвел два значительных святилища Деметры и Коры в Сиракузах, см. *ibid.*

ственно предположить, что первая часть тоже должна была быть связана с Этнейским Зевсом. В ней, возможно, фигурировали пророчества об учреждении его культа в новом городе. Этнейский Зевс связан с горой, от которой получил название и город.⁷⁰ Уместно задаться вопросом, чем руководствовался Гиерон, выбирая для нового города имя Этна и устанавливая в нем культ Этнейского Зевса. Думается, что извержение вулкана 479 г. оживило интерес к уже существовавшему преданию о том, что Зевс одержал решительную победу над своим последним противником, заключив его под Этну (*Ol.* 4, 6: ὦ Κρόνου παῖ, ὃς Αἴτναν ἔχεις, / ἵπον ἀνεμόεσσαν ἑκατοῦρκεφάλᾳ Τυφῶνος ὀβρίμου). Никак не коснуться этой темы в драме, связанной с основанием Этны, едва ли было возможно.

Таким образом, создание драмы *Этнеянки* оказывается весьма вероятным импульсом для обращения Эсхила к сюжету сицилийской тифономахии, получившему развернутое воплощение в *PV*. Это касается в первую очередь использования сицилийского мифологического материала. Не меньший интерес, однако, представляет структурная близость двух драм, служащая примером той необычной драматической композиции, единственным сохранившимся образцом которой является драма о Прометее. Это сходство трудно игнорировать, даже если следовать предположению о постановке *Этнеянок* в 470 г.

В. Т. Мусбахова

Фессалоники

It has been agreed since long that the similarities between Typhos narrations in Pindar's *Pyth.* 1. 15–28 and *PV* 351–372 suggest that they are not independent descriptions. But though the examination of their stylistics did not prove the dependence of one on another, the common opinion points to Pindar as the source for *PV* (on chronological grounds), with the exception of von Mess, who made a case for common epic source on which both poets drew. Griffith rejected von Mess' hypothesis on the grounds that the supposed epic poem should have contained the aetiology of Aetna eruption (this is impossible according to Griffith in our lack of evidence about eruptions before 479 BC) and argued for *Pyth.* 1 as the source of *PV*. His reasons are not decisive and appeal once more to the accepted by many late date for *PV*. Besides that Griffith's point requires us to believe that the aetiology of Aetna eruption could have been invented by one or

⁷⁰ *Pyth.* 1, 29–32: εἴη Ζεῦ ... / ὃς τοῦτ' ἐφέπεις ὄρος ... τοῦ μὲν ἐπωνυμίαν / κλεινὸς οἰκιστὴρ ἐκύδανε πόλιν / γείτονα.

another poet. But it is highly improbable that either Pindar or any other poet could invent the aetiology of volcanic eruption. There is a good deal of evidence including archaeologically proved data to suppose that the volcanic activity of Aetna, as well as that on the island of Pithecussae, was well known before the famous eruption of 479 BC. We may suppose the existence of oral tradition that linked volcanic activities with Typhos as a source for both poets without hypothesizing an epic poem on particular subject. The texts support this statement: Typhos was surely imagined by both authors as a fire-spitting monster (on the contrary in *Theogony* it is by Zeus' thunderbolt that Typhos is burnt to ashes), but nowhere he is called *πύρπνοος* (Aesch. *Se.* 493, 511), though the detail should be of great importance for the newly invented aetiology of eruption.

On the assumption that none of the poets was responsible for the aetiology and without adducing the theory of the third source the same selection of mythological stuff by the poets clearly points towards the dependence of one text upon the other. Their close examination resulted in following conclusions.

1. It has proved once more that the texts are stylistically independent and pursue two different scopes. The same event is seen by the authors from two contrary points of view, that of the victor and that of the vanquished. The author of *PV* refers to the eruption of Aetna so as to demonstrate the vulnerability of the power using brute force against its opponents. For Pindar the scale of the eruption itself, i. e. the force of subdued and imprisoned enemy, is to illustrate the mightiness of Zeus and the greatness of his victory.

2. The Typhos narrative in *PV* reveals close familiarity of its author with the volcanic characteristics of Aetna, namely with the fact that it is a constantly active volcano. From the time when Typhos was imprisoned beneath the mount it is Hephaestus that permanently works on its peaks. This present situation is denoted by the adverb *vōv* which makes transition from past events of Typhomachia to the now of the natural phenomenon and has close parallel in *Il.* 24. 614–617 where it denotes the stage of Niobe myth when she is petrified. No such meaning can be adduced for the use of *vōv* by Pindar. It seems rather preserved by the poet from his source where it introduced the aetiology of the eruption as a part of Typhos myth and corresponded to past events of Typhomachia. In *PV* *vōv* is contrasted not only to the past of Typhos' rebellion but also to the future of outburst of his anger (Aetna eruption). The eruption itself is described by means of a single metaphor of jaws of fire devouring rich soils of Sicily which may be compared to the story of Hephaestus' struggle against Demeter for the possession of Sicily (Sim. Fr. 200 Bergk) rooted in local mythology.

3. There is strict coincidence in compositional structure of both Typhos narrations (see the table on p. 25). In every case there is preamble in which the Typhos myth is introduced by *ὅς* as an exemplum of Zeus' power seen from the two contrary viewpoints. The mythological description of Typhos that follows in *PV* naturally develops in the narration about his struggle against Zeus, while Pindar starts from its result (*Pyth.* 1. 15: *ἐν αἰνῶ Ταρτάρῳ κεῖται*) exposing the characteristics of Typhos in the order reversed as compared both to that of *PV*

(*Pyth.* 1. 15–17: θεῶν πολέμιος, ἑκατοντακάρανος, τὸν... Κιλίκιον θρέψεν... ἄντρον / *PV* 351–354: τὸν... Κιλικίων οἰκήτορα, ἑκατογκάρανον, ἀντέστη θεοῖς) as well as to the chronological sequence of the events in the myth. The transition to the aetiology of volcanic activity is made by the adverb νῶν which in *PV* is marked out by the opposition to the past and future while in Pindar its only function is to introduce the main topic of narration. Finally, in both cases there is a conclusion for the aetiological part introduced by qualitative (τοιόνδε) or demonstrative (κεῖνο, related to the qualitative οἶον) pronoun emphasized by its position in the verse.

These coincidences cannot be accidental, nor can be due to the third source, because the preamble and the conclusion of this type are not characteristic of epic narrative. Thus Pindar could compose his ode having in mind the Typhos description in *PV* and if we take in account the peremptory statement that introduces Pindar's narrative (*Pyth.* 1. 13: ὅσσα δὲ μὴ πεφίληκε Ζεὺς), he may have conceived it as a rivalry version of Prometheus' myth which scoped to restore Zeus's glory in its full greatness.

So the date of *PV* should be put before 470 BC. Aeschylean *Aetnaeae* were performed on the occasion of foundation by Hieron of the new city of Aetna. The evidence of some Pindaric odes, prior to 470 BC, makes probable that it took place before this date and precludes us from accepting Mazon's 'economic' supposition (to reduce Aeschylus' visits to Sicily to two) that the *Aetnaeae* were performed on the same occasion as Pindar's *Pyth.* 1. The fragments of the drama display some interesting similarities with *PV*: it had an episodic structure much more abrupt than that of *PV*, as in *PV* there was probably done some use of *vaticinia ex eventu*, and it dealt with local legendary stock closely associated with the volcano. If the drama was performed in 476 BC (Ἰέρωνος τὴν Αἴτνην κτίζοντος) the Typhos narration in *PV* may reflect Aeschylus' acquaintance with Sicily during his first visit to the island.

ÜBERLEGUNGEN ZU PETER HERRMANNS MARGINALIEN IN DEN *GRIECHISCHEN GRABGEDICHTEN* VON W. PEEK

Als ein Freund der *Bibliotheca classica Petropolitana* seit ihrer Gründung 1993/94 war Peter Herrmann im Geben ebenso großzügig wie vielseitig: Die von ihm edierten neuen Inschriften-Bände oder seine historisch-epigraphischen Einzeluntersuchungen ließ er dem Petersburger Institut immer zukommen; Aufsätze von der Hand des Altmeisters wurden in unserer Zeitschrift erstpubliziert und stärkten die Verbindungen des neuen Publikationsorgans zur internationalen Fachwelt.¹

Unter den wertvollen epigraphischen Büchern, die seine Frau Dr. Eva Herrmann gemäß seinem Testament der *Bibliotheca classica* übergab, war ein Buch, welches ich 1992 während meines Besuchs bei den Hermanns in seinen Händen sah: *Griechische Grabgedichte* von W. Peek (Berlin 1960; im Folgenden GG). Damals erläuterte mir mein Gastgeber, was er unter dem 'Register von Peek' verstand – mich interessierte dieses Detail im Zusammenhang mit den Notizen A. I. Dovaturs zu einem Index zu W. Peeks *Griechischen Vers-Inschriften* (Berlin 1955; im Folgenden GVI), die ich damals zum Druck vorbereitete.²

Als ich nun das Handexemplar der GG Peeks aus dem Nachlass von Peter Herrmann (im Weiteren PHerm.) in Augenschein nahm, sah ich, dass dieses ebenso zahlreiche wie auch gleichmäßig über den ganzen Band verteilte Spuren einer kritischen Auseinandersetzung mit Peeks Edition enthielt. PHerm. bearbeitete das Buch systematisch, jedoch ohne an eine Rezension zu denken (es waren schon zu viele Jahre seit der Publikation vergangen).³ Dachte er an eine eigene Ausgabe der griechischen Grabgedichte? Zweifelsohne, er war einer derjenigen Hellenisten, die von diesen Texten fasziniert waren. Man kann vermuten auch, dass PHerm. auf diese Weise die Arbeit L. Roberts, seines Lehrers und Vorbilds, durchgehen wollte. Viele Bemerkungen aus Roberts Besprechung von Peeks GVI ("Les Griechische

¹ In einem russischen Band, der die kulturellen Beziehungen zwischen St. Petersburg und Hamburg thematisiert, sind einige Seiten von mir dem Andenken an Peter Herrmann gewidmet: A. K. Гаврилов, "Гамбургский эпиграфист Петер Херрманн (1927–2002)" ["Der Hamburger Epigraphiker Peter Herrmann"], in: *Санкт-Петербург и Гамбург. Балтийские побратимы* (СПб. 2007) 260–263.

² Was von Dovaturs zum eigenen Gebrauch zusammengefügt, unvollendeten Notizen noch zu retten war, veröffentlichte ich damals in Form eines Index in einer Aufsatzsammlung mit dem Titel: *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья* (СПб. 1993) 203–218 (der russische Band ist mit deutschen Zusammenfassungen bedacht). Die Indices von Kaibel in dessen Edition *Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta* (Berolini 1878), die fast einen Viertel seiner Ausgabe bilden, bleiben dennoch in ihrer diversifizierten Fülle bis heute exemplarisch.

³ Im Schriftenverzeichnis PHerm.s ("Zum Gedenken an Peter Herrmann", in *Hamburger Universitätsreden*, N. F. 4 [2004] 55–75) ist eine solche Arbeit nicht verzeichnet.

Verschriften de W. Peek“, zitiert bei PHerm. nach *Gnomon* 31 [1959] 1–30),⁴ werden von PHerm. in Bezug auf Peeks *GG* ausgewertet; im Folgenden wird diese als *LR–GVI* mit Seitenangaben nach dem Erstdruck im *Gnomon* angeführt.

PHerm.s Bemerkungen sind in dem *GG*-Band meist *in margine* geschrieben, vor allem im Hauptteil, wo die griechischen Texte und die prosaische Übersetzung Peeks *en regard* stehen. Die Notizen und Zeichen PHerm.s in den anderen Teilen des Buches sind weniger leicht deutbar, da sie auf den allgemeinen Ton einer Aussage Bezug nehmen, z. B. in den metrischen Übersetzungen Peeks (S. 1–42, 327–353), wo sie vor allem auf Stilistisches gerichtet sind. Dort, wo PHerm.s Vermerke zu Peeks Kommentaren klar genug sind, werden diese in der Reihenfolge der Gedichtsammlung aufgelistet, stets mit Hinweis auf die entsprechende Seite seines Exemplars der *GG*.

Quā Epigraphiker wollte PHerm. immer einen authentischen Text vor sich haben, weswegen er bei der Lektüre der *GG* stets die entsprechenden Nummern der *GVI* zu Rate zog und in vielen Fällen die Lücken notierte, die in den *GG* nach Peeks Ermessen und ohne Vermerk ergänzt wurden. So werden z. B. in 84 (S. 76) in Z. 1 und Z. 3 Versanfänge nach den genaueren Angaben in *GVI* 863 in eckige Klammern gesetzt; ähnlich in *GG* 200 (S. 134), wo PHerm. an die nicht gekennzeichneten Lücken in Z. 1 und 3. erinnert; ebenso in *GG* 249 (S. 157), 170 (S. 120), 172 (S. 120), 186 (S. 126 f.); 274 (S. 164); 286 (S. 170); 321 (S. 188); 325 (S. 190); 343 (S. 200); 353 (S. 206 f.); 379 (S. 216); 431 (S. 246); 445 (S. 238); 463 (S. 274); 481 (S. 481). Deswegen müsste der Leser, um die Marginalien bzw. die unten erschlossenen Gedanken PHerm.s vollends zu erfassen, neben den *GG* die *GVI* Peeks zur Hand nehmen.

Zu den von Peek auf S. 379 aufgelisteten Nummern, wo vom Text der *GVI* abgewichen wird, sind vier Asteriske gesetzt: zu 181, 2; 261, 1; 331, 2; 166, 11; außerdem werden folgende Nummern ergänzt: 176, 5; 204, 6; 214, 1; 236, 1; 311, 8; 328, 6; 335, 9; 397, 1. Was die Unifizierung der Abkürzungen und dergleichen angeht, so werden diese in üblicher Weise zitiert (etwa nach *Bull. ép.*, *SEG* et sim).

Zuerst war mein Ansinnen die Fixierung von PHerm.s äußerst kurz gehaltenen Randnotizen, die manchmal nur aus einer Unterstreichung bestehen und deren Sinn in vielen Fällen erst rekonstruiert werden musste. Die Kommentierung und Einordnung der Bemerkungen in einen breiteren Kontext führte dann aber zwangsläufig zu eigenen Überlegungen zu diesen oder zu daneben liegenden Stellen.

4 (Komm. S. 293) – Die Behauptung Peeks “Aigina galt als Heimat des Aias” musste PHerm. korrigieren: *Salamis*. Unleugbar war Aias Telamonios’ Vater – Telamon – Herrscher von Salamis (Hom. *Il.* II, 557; VII, 199).

10, 1–2 (S. 49) = *GVI* 17 – “wider alles Begreifen” in der (prosaischen) Übersetzung Peeks als Wiedergabe von *δαμονίως*, während *ἀέλπτου* durch “unverhofft” übersetzt ist, erregte bei PHerm. verständlicherweise Unbehagen, welchem er in Form eines Fragezeichens Ausdruck verlieh; denn durch “wider alles Begreifen” wird *δαμονίως* zu bestimmt gedeutet, das Paar *μάχης* ... *ἀέλπτου* ist ebenfalls nicht geglückt. In seiner metrischen Übertragung (S. 23) übersetzt Peek “des Ringens von niemand verhoffte Erscheinung”, woran man

⁴ Nachgedruckt in L. Robert, *Opera minora selecta* III (Amsterdam 1969) als Nr. 93, 1640–1669.

erkennt, dass er die Lesung ἀέλπτου] (welche in GVI in der alten attischen Schrift als ἀέλπτο] wiedergegeben ist) mit dem Genitiv μόχης verband. Das Peek'sche "wider alles Begreifen" würde sich eher durch ἀέλπτου], adjektivisch mit ἀγῶνα oder adverbial mit ὠλέσατ(ε), erklären lassen, während der Ausdruck δαιμονίως vermutlich auf die göttliche Entscheidung des Kampfes hinwies und demgemäß übersetzt werden müsste (das bekannteste Beispiel ist ein euripideisches Epigramm in Erinnerung an die auf Sizilien gefallenen Athener). Im Komm. (S. 294) bemängelt PHerm. die fehlende Präzision in Peeks Ausdruck "vor der Schlacht", indem er fragt: "Welche?" Dann fügt er *Koroneia* (446 v. Chr.) hinzu, mit einem Verweis auf S. 23, wo Peek selbst neben seiner metrischen Übersetzung den Schlachtort beim Namen nennt.

12 (Komm. S. 294 f.) – PHerm. verweist darauf, dass alle drei Texte auf einer Stele standen.

Ehrengräber (S. 54–57) – Zu diesem Schlagwort Peeks sind bei PHerm. (S. 56) subsumierend folgende *addenda* genannt: GG 388 = GVI 1114, die Inschrift auf dem Grabe Oppians, des Autors der *Cynegetica*, der erwiesenermaßen öffentlich gefeiert wurde, worauf *Vita Oppiani* 1, 64 und 66 (Westerm.) Bezug nimmt. GG 334 und 348 werden von PHerm. hinzugefügt; GG 417 und 433 sind in Klammern angeführt, vermutlich weil aus den genannten Gedichten nicht eindeutig hervorgeht, dass hier tatsächlich von einem Ehrengrab die Rede ist.

22, 1 (S. 57) – Die Übersetzung "der Tüchtigkeit Leuchte" zu ἀρετᾶ λάμπαντα scheint PHerm. wohl übertrieben plastisch; zu Z. 6 vermerkt er (*in marg.* zum Komm. Peeks, S. 297) "Verdienste der Vorfahren!" und meint damit, dass diese Verdienste im untersuchten Fall nicht einen zusätzlichen, sondern den entscheidenden Grund für die ehrende Bestattung auf dem Terrain des Gymnasiums bildeten; καὶ inmitten der Aussage μανύουσ' ἀγαθῶν καὶ προγόνων ἀρετῶν (Z. 6) scheint gerade das andeuten zu wollen: Die Konjunktion bezieht sich auf den gesamten Partizipialsatz, nicht nur auf das nachfolgende Wort. – Ich würde dazu noch auf einen Umstand hinweisen: ἄρτι ἐκ χλαμύδος übersetzt Peek als "kaum hatte er den Ephebenmantel angelegt", was mir falsch zu sein scheint. Eine gute, wenn auch die einzige mir bekannte Parallele für diese Redensart liefert Plut. *Amator*. 752 F 1: ἐμνάτο μειράκιον ἐκ χλαμύδος, ἔτι παιδαγωγεῖσθαι δεόμενον. Es handelt sich bei der Wendung ἐκ χλαμύδος um ein *Verlassen* des Ephebenstandes (*Ath. Pol.* 42), nicht um ein Verweilen in diesem, was mit ἐν χλαμύδι bezeichnet worden wäre, vgl. AG XII, 125, 1 ff.: ἐνύπνιον ἄβρᾶ γελῶντος / ὀκτωκαιδεκέτους παιδὸς ἔτ' ἐν χλαμύδι / ἤγαγ' Ἔρως ...

27 (S. 58) – Von der Grabinschrift des Arniadas von Korkyra aus dem frühen 6. Jh. sagt Peek (S. 9), dass die archaische Furchenschrift "von links nach rechts geschrieben" sei, wozu PHerm. bemerkt: "Abb.: von oben nach unten".

29 (S. 61) – "in metrischer Übersetzung ein Vers mehr" notiert PHerm. In der Tat gibt es bei diesem lediglich in literarischen Texten aufbewahrten

Epigramm (GVI 1171 und 1171 b) nicht 4, sondern 5 Verse (S. 329 f., wie auch in der Einf. S. 10, wo außerdem die Form „vielbewein^{et}em“ von PHerm. nicht gebilligt wird). In GVI 1171 a, d. h. bei *Cert. Hom. et Hes.* 15 und Diog. Laert. I, 89 besteht der ansonsten ähnliche Text aus *sechs* Versen.

33 (S. 60 f.) – PHerm. weist auf eine Ungereimtheit hin: In der prosaischen Übersetzung Peek's heißt der Vater Diodoros und der verstorbene Sohn Stesias, doch in der Einführung (S. 16), nämlich im Rahmen einer metrischen Übersetzung, sind die Namen von Vater und Sohn vertauscht. Der Vater oder Sohn des Diodoros – oder auch beide – hießen in Wirklichkeit wohl Stesias; es gab jedoch nur einen Diodoros, der das besagte Denkmal errichtete.

35 (S. 62) – Im den Rhythmus störenden Wort ἐνθάδε zu Beginn des Gedichts wird die letzte Silbe von PHerm. in runde Klammern gesetzt. Hat der eretrische Steinmetz einfach das ἐνθα des Dichters in ein geläufigeres – aber in diesem Vers unmetrisches – ἐνθάδε verwandelt? – In seiner metrischen Übersetzung (S. 330) geht Peek einen anderen Weg: ὅ wird als Relativum masc. gen. verstanden und dementsprechend auf τὸν ... ναυτίλον bezogen. In der prosaischen Übersetzung (S. 63) werden zwei Möglichkeiten erwogen: das *Relativum* ὅ wird zum einen als Neutrum (= τό) aufgefasst, was in der Übersetzung <das Los (eines Seemanns)> resultiert – die Seeleute im Allgemeinen wären also Spielzeug des Schicksals; zum anderen als Masc. (= ὅς), woraus sich dann ergibt, dass *dieser* Seemann unglücklich wäre.

36, 1 (S. 62) – Zu der von Peek gewählten Namensform Φάνεις bemerkt PHerm.: „Stein: ΦΑΝΕΣ = Φανής“. Böotische Namen mit ihrem rezessiven Akzent fasst man zwar öfter als *barytona* auf (s. *LGPN* III A und B, s. v. Φάνης und Φάνεις), und Peek handelte hier nach dem Prinzip βαρυτονικοὶ Αἰολεῖς (Schwyzer, *GrGr* I, 382 f.), aber sicher lässt sich diese Frage nicht entscheiden, was PHerm. vielleicht hervorheben wollte.

50 (S. 66 f.) – PHerm. missfällt Peek's Prosaübersetzung, offenbar aus Geschmacksgründen.

55 (S. 68) – Der erste Daktylus ist von PHerm. in eckige Klammern gesetzt. In der Tat ist erst aus GVI 326 oder *IGBulg.* I, 405 ersichtlich, dass dies – wie der nachfolgende Name der Verstorbenen – eine Rekonstruktion Peek's war.

59 (S. 70 f.) – Das <aber>, welches PHerm. zu Beginn des zweiten Teils des deutschen Satzes einfügt, rettet den Sinn; ansonsten würde die Vorstellung geweckt werden, dass derjenige, der den Namen ΚΠΙΟΣ trägt, deswegen einen Anspruch auf Rechtschaffenheit erheben dürfte.

80 (S. 76 f.) – Im Text, V. 4, würde PHerm. in μήτερι νῦν ὀδυμένη beide Buchstaben δυ als recht unsichere Lesart kennzeichnen. Der Ausdruck „hochgemuteten“ als Epitheton von *Aidos* gefiel wohl PHerm. vor allem in stilistischer Hinsicht nicht.

81 (Komm. S. 298) – PHerm. vermutet *in marg.*, der Verstorbene sei ein *Athlet* gewesen.

83 (S. 76) – PHerm. vermisst einen Hinweis bezüglich des Dialekts des Gedichts.

84 (S. 76) – In der Übersetzung gefiel PHerm. die Sequenz “schenkte Pamphile hier das Haus” nicht, die sich offenbar durch den Wunsch ergab, die Wortgruppe Παμφίλη ἥδε wortgetreu wiederzugeben. – Ich möchte darauf aufmerksam machen, dass in Peeks Übersetzung “...stand das Hochzeitshaus ihrer Jugend vereinsamt durch ihren Tod” für ὀρφανίσασα / νυμφιδίους οἶκους ἡλικίας ἔθανεν zwei Interpretationen zulässt. Es mag zwar der Eindruck entstehen, Peek verbinde ἡλικίας mit οἶκους, was falsch wäre, denn es steht außer Zweifel, dass der Gen. ἡλικίας sich auf das Part. ὀρφανίσασα bezieht (vgl. Theocrit. 5, 6 = AG IX, 433, 6; Gorg. B 11, 46 DK; AG IX, 17, 4; 159, 6), nicht auf οἶκους. Zu übersetzen ist ungefähr: “sie starb, das Haus des Ehegatten ihres blühenden Alters beraubend”. Vielleicht meint Peek jedoch genau das und verbindet “ihrer Jugend” mit “vereinsamt”. – Ob ζῆλος ἔχουσα den Eifer Pamphilas (wie bei Peek) oder das Beneidenswerte an ihr (so Alexander Verlinsky im Gespräch mit dem Verf.) meint, die Frau also als Subjekt oder als Objekt irgendeines Strebens gesehen wird, lässt sich nicht mit Sicherheit entscheiden, denn die Belege weisen in beide Richtungen (in GG 80 scheint mir Peek ζῆλος vorzüglich als ‘Stolz’ übersetzt zu haben); unzweifelhaft ist, dass ζῆλος in GG 84 positiv aufgefasst wird (vgl. Arist. *Rhet.* 1388 a 37).

86 (Komm. S. 299) – Peek erwähnt die zu dem Epigramm später hinzugefügten Namen der Mutter des verstorbenen Telemachos und deren Vaters, der “aus Oios” stammte; PHerm. verweist nun darauf, dass es in Attika lediglich einen Demos namens Οἶη oder Ὀή gab: W. Wrede, “Oe” in *RE* 17 (1937) 1996; auch Val. von Schoeffer (ein früh verstorbener Moskauer Philologe des späten 19. Jhds.), “Ἀῆμοι” als Nr. 106 (Ὀή / Οἶη), *RE* 5 (1903) 87. Allerdings vgl. *SEG* 53/1 (2003) 185 (Athens, Prytany catalogue), l. 59 sq.: ἐξ Οἴο Φανόστρατος etc.

87 (S. 77) – PHerm. findet die Übersetzung des letzten Satzes bei Peek allzu frei, was zwar zutrifft, aber angesichts der Übertragung so vieler Gedichte eines Genres ist Peeks Wunsch nach Abwechslung verständlich.

88 (S. 79 und 299) Statt “unter den Versen” in der Erläuterung Peeks müsste, worauf PHerm. hinweist, “über den Versen” stehen (nach GVI 1491). In der metrischen Übertragung (S. 333) wird außerdem das Anthroponym *Nikoptoleme* des Originals mit dem Toponym *Nikopolis* verwechselt.

89 (S. 78) – Zum Lemma mit dem Fundort der Inschrift “Istros (Mösien)” setzt PHerm. ein Ausrufezeichen und einen Verweis auf *SEG* 24 (1969) 1141, wo der Fundort *Histria* heißt. Anscheinend bevorzugt PHerm. für die nieder-mösische Stadt südlich des Donau-Deltas den geläufigeren lat. Namen *Histria*, obwohl dieser eine Verwechslung mit der gleichnamigen illyrischen Stadt zulässt. Vgl. jedoch N. Vulič s. v. *Istros* (5) in *RE* 9 (1916) 2268 f.; in *LAW* s. v. *Histria* werden beide Namen als Varianten behandelt (beide Namen auch in der Erstpublikation in *Studii Clasice* VIII [1966] 45 f.).

101 (S. 84) – PHerm. weist auf den Wechsel zum trochäischen Tetrameter in Z. 3–4 hin, welcher in der metrischen Übersetzung Peek (S. 334) direkt nachgebildet ist. – Merkwürdiger finde ich das am Anfang von V. 2 stehende φιλοῦντα, welches die zwei Hexameterverse unterbricht. In *IG II*, 3, 3931 (II–III², 3, f. 2, 12 067) resümiert U. Köhler die Meinung G. Kaibels zu *EpigrGr* 79; U. v. Wilamowitz-Moellendorff, *Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos I* (Berlin 1924) 126, entwickelt dieselbe: Onesimos habe aus guten Quellen etwas rührend Unbeholfenes “zusammengestümpert”. Das scheint z. T. wahr zu sein, es ist aber bemerkenswert, dass im ganzen Gedicht nur *ein* Wort den Rhythmus verdirbt, nämlich das *extra metrum* gebrauchte φιλοῦντα. Das bedeutet jedoch – *pace* Kaibel – wohl kaum, dass dieses Wort aus einer guten Vorlage stammen muss, in der ursprünglich etwas folgte, was in dem erhaltenen Gedicht “stümperhaft” ausgelassen wurde. Vielmehr war der Ehemann der Verstorbenen keinesfalls bereit, einen Hinweis auf *seine* Liebe neben ἀντιφιλοῦσα auszulassen; ungeachtet metrischer Erwägungen, die ihm wohl recht fern lagen, ließ er φιλοῦντα, also den Ausdruck *seiner* Liebe, – metrisch unbeholfen, menschlich zart – einfügen; daraus darf man schlussfolgern, dass Onesimos nicht der Verfasser des Gedichts ist. Dass seine Quelle mit ihrem ἀντιφιλοῦσα die Liebe des Gatten mit kunstvoller Brachylogie voraussetzt, ging wohl über den Kunstverstand des trauernden Witwers. – Aber zurück zu PHerm.s Notizen: Sein Fragezeichen begleitet die Wendung “wie keine vor dir”, welche offenbar ein Versuch Peek war, ἥσθα κρατίστη allzu genau wiederzugeben; die Deutung ist zu emphatisch, denn eigentlich handelt es sich bei κρατίστη, wie so oft, um einen Elativ (ex. gr. Athen. VII, 53, 13).

106 (S. 84 f.) – Bei dem Epitheton Ἡρακλειώτις bemängelt PHerm. das Fehlen von Überlegungen zur näheren Bestimmung der gemeinten Stadt Herakleia, von denen es mehrere gab. – Die Tote hieß Βελτίστη Νουμενίου. Die Lebenden (im Wort πᾶσιν mit inbegriffen) loben den (ungenannten) Sohn als ἄξιος εὐλογίας wegen der pietätvollen Haltung seiner Mutter Beltiste gegenüber. – Die Floskel (τοῖς) πᾶσιν ἰδέσθαι ([Hom.] *Hymn. Demetr.* 10; vgl. Hom. *Il.* V, 725; dazu auch πάντας ἀκοῦσαι, wie z. B. *GG* 107) wird durch “wie alle es sehen” mit zuviel Nachdruck wiedergegeben: “zur allgemeinen Kenntnis” würde m. E. ausreichen.

107 (S. 86) – In der Rede des Verstorbenen lenkt PHerm. die Aufmerksamkeit auf das Verhältnis von Singular und Plural und deren Wiedergabe in der deutschen Übersetzung. Das – sit venia – *pluralis matronae* in V. 3 seiner Prosaübersetzung (S. 86) gibt Peek (m. D. nicht unangebracht) mit dem Singular wieder. In seiner metrischen Übersetzung (S. 335) dagegen wird selbiges als *pluralis poeticus* des Originalgedichts nachgeahmt, was ich als Nachbildung der Dichtersprache befürworten würde, da die Variation des Plurals mit dem Sing. (ἐμήν) in der 1. Zeile desselben Vierzeilers ein Merkmal der literarischen Diktion ist.

113 (Komm. S. 300) – Die Bezeichnung von Kalymna als “nördlichste der Dorischen Inseln” (so Peek) hält PHerrm. für irreführend, vermutlich weil er es nicht begrüßt, eine eigentlich dialektgeschichtliche Kennzeichnung als geographischen Namen zu gebrauchen.

114 (S. 90) – Zum Fundort “Arkesine, Karpathos” verweist PHerrm. auf *LR-GVI*, S. 18 f., welcher angibt, dass die Stadt Arkesine nicht auf der dorischen Insel Karpathos (zwischen Kreta und Rhodos) liegt, sondern auf Amorgos, wie es den Inschriften der letzteren Insel (*IG XII*, f. 7 mit Karte als Einlage am Ende des Faszikels) zu entnehmen ist, von der Peek selbst Gebrauch machte.

115 (S. 90) – PHerrm. bemängelt die fehlende Präzision im Kommentar zu βασιλευσι und fragt: “Welche (Könige)?”

117 (S. 90 f.) – Herakleia. – “Wo?” fragt PHerrm., vermutlich eine Identifikation mit Herakleia Pontike erwartend (= *GVI* 905, wo auf Abonuteichos am Pontos, Paphlagonien (heute Ineboli), verwiesen wird), vgl. oben zu *GG* 106.

121 (S. 92) – Am Anfang der beiden Gedichtzeilen (= *IG XII*, f. 1, 146) notiert PHerrm. Lücken nach *GVI* 1663, mit dem Vermerk “häufig”; auch Peek führt im Apparat zu *GVI* 1664 für dasselbe Grabgedicht drei Belege für verschiedene Orte der griechischen Welt an.

123 (S. 92 f.) – In der Prosaübersetzung würde PHerrm. für μακάρων statt “Seligen” ein einfaches “Götter” bevorzugen.

124 (S. 92 f.) – PHerrm. hebt hervor, dass am Ende dieser pantikapäischen Grabinschrift eine Anrede an den Sohn des Verstorbenen gerichtet wird, der das Grab ausstattete. Zum Motiv “der Begrabende wird angeredet” wären nach PHerrm. auch *GG* 106, 298, 338 zu vergleichen. – ἄειμναστον bezieht sich, wie es auch die Peek’sche Prosaübersetzung voraussetzt, in einem schönen Hyperbaton auf χάριτα; vgl. *CIRB* 132 = *GVI* 679, wo jenes Epitheton ebenfalls an δῶρον anknüpft. Das Enjambement in V. 4 wird demnach von einem Hyperbaton begleitet, wodurch eine angenehme literarische Wirkung erzielt wird.

147 (S. 104 f.) – PHerrm. bekundet bei Peeks Übersetzung “in schönen Blumen” für ὁραίοις ἄνθεσι Zweifel. Der Grund war wohl nicht der allzu inflationäre Gebrauch von ‘schön’, sondern die Erwägung, dass es denkbar ist, ὁραῖος im Sinne von ‘zeitgemäß’ zu verstehen, wie es bei Peek selbst in der metrischen Übersetzung zu finden ist: “wie sie (scil. Blumen – A. G.) die Jahreszeit bringt”. In *TLG* findet man über tausend Belege für ὁραῖος, und es fällt trotzdem schwer, sich im angesprochenen Epigramm auf eine dieser Bedeutungen festzulegen, da beide seit Beginn der klassischen Zeit nebeneinander existierten. Bei Hesiod heißt das Wort ὁραῖος zwar noch ‘zeitig, zeitgemäß’ (*Erga* 32, 665, 695 etc.), was später in mehreren Wendungen haften bleibt (ὁραῖος θάνατος, πλόος etc.), aber daneben gibt es schon von alters her die Bedeutung εὖμορφος, wie die höchst gebräuchliche Fügung καλοὶ καὶ ὁραῖοι (“schön und jung”) deutlich vor Augen führt. Obwohl sich bei Athen. XII, 79 die Verbindung von ὁραῖα und ἄνθη mehrmals im Sinne von *Schönheit*

findet, fällt es nicht leicht, zwischen diesen Begriffsbestimmungen von ὀρικῶς / ὀρκῶς zu wählen, welche ein Nationalgrammatiker (*Suda*, ω 185, s. v. ὀρικῶς) geschickt (wenn auch für uns unergiebig) auf einen gemeinsamen Nenner, nämlich auf ἄρκμῶς, zu bringen vermochte.

148 (S. 104 sowie *Anhang*, S. 336) – Peek verleiht dem letzten Zweizeiler des Gedichts (obwohl der Text nicht von GVI 868 abweicht) grundverschiedene Deutungen: In der prosaischen Übersetzung ist der Vater glücklich gepriesen, da er – im Unterschied zu der noch lebenden Mutter – den Tod seiner Tochter nicht mehr erleben muss. Dagegen soll in der metrischen Übertragung der noch lebende Vater darin Trost finden, dass die Tochter ohne Leiden verschieden ist. PHerm. verweist auf die alte, im *Apparat* von GVI 868 angedeutete Lesart von V. 5 dieses von mehreren Forschern behandelten Textes, welcher für die dem Sinn nach abweichende metrische Übersetzung Peeks (S. 336) wohl als Grundlage diene.

154 (S. 106 f.) – Peeks “unbedeckt” für ἀσκέπτους (θαλάμους) als Beiname der unterirdischen Behausung der Toten ist von PHerm. verdienstermaßen mit Fragezeichen versehen worden. In der Tat wäre die Peek’sche Deutung eher durch ἀσκεπής / ἄσκεπος oder ἀσκέπαστος – etwa im Sinne ‘dach- bzw. obdachlos’ – ausgedrückt worden. PHerm. vermutet stattdessen bei ἀσκέπτους θαλάμους die Bedeutung ‘unsichtbar’. ἄσκεπος könnte tatsächlich im Sinne ‘undurchschaubar, uneinsehbar’ verstanden werden, was im allgemeinen Sprachgebrauch üblich war und dem Ethos des verstorbenen musischen Jünglings entsprechen würde.

161 (S. 110 f.) – V. 13. PHerm. hält “ihm” als Wiedergabe von νιν für inkorrekt, wovon seine Notiz “nicht οἱ!” zeugt. – Obwohl der Dativ in der Übersetzung Peeks aus der deutschen Konstruktion “jemandem zuteilwerden” stammt, hebt PHerm. die Bedeutung des *acc. duplex* in diesem Passus mit Recht hervor: Das Denkmal und der Held sind eins geworden.

162 (S. 112 f. und S. 303 f.) – PHerm. unterstreicht “euch beide”, was dem Ausdruck ἀμφοτέρους im Text entspricht, als bedenklich, denn er wartet auf einen Kommentar, wer mit diesen *beiden* eigentlich gemeint sei. Im Kommentar auf S. 303 f. zeichnet Peek folgendes Schema der Familienverhältnisse: *Charmadas sen.* und sein Schwiegersohn *Machaios* wohnen mit ihren Familien in Gaza. (Nach Peek als Anspielung auf die goldenen Agraffen zu deuten, die bei den Ptolemäern hohe Ämter symbolisierten.) PHerm. lenkt die Aufmerksamkeit nun darauf, dass ἀμφοτέρους γε im V. 9 nicht unbedingt als eine Anrede – Peeks “euch beide” – aufgefasst werden muss. – Die Familienbeziehungen sind nicht einfach verworren geschildert; wir haben es vielmehr mit einem Typus der Darstellung zu tun, der die Verhältnisse bewusst verrätzelt.

164 (S. 114) – PHerm. vermerkt mit einer Randnotiz, dass bei der Auslegung von V. 9–10 (= GVI 1150) V. 5 des darauffolgenden Gedichts 165 (= GVI

1151) zu berücksichtigen sei. Die Deutung der Verse 164, 9–10 (Ptolemaios als πυρφόρος im ägyptischen Heer) überzeugt PHerm. nicht. In der Tat, diesem kritischen Hinweis folgend, besinnt man sich darauf, dass in Apollonopolis Magna der Kult des Phöbus hätte heimisch sein müssen – nicht zufällig wird Φοῖβος in beiden Gedichten (164, 9 und 165, 10) an zentraler Stelle erwähnt. Ähnliches muss man über die Wendungen mit dem Wort συγγενικῆς sagen, welche Herodes, der Verfasser, sicher nicht umsonst in beiden Gedichten (164, 10 und 165, 5) gebraucht (es handelt sich um den bekannten Ehrentitel der ‘Verwandschaft’ – συγγένεια – mit den Ptolemäern). Außerdem würde PHerm. in 164, 13 Χρόνος als Personifikation großschreiben. Vgl. U. v. Wilamowitz, *Archiv für Papyrusforschung* 1 (1900) 219 ff.

165 (S. 114) – S. vorangehende Nummer. Außerdem findet PHerm. die Erläuterung Peeks im Komm. (S. 304), es handle sich “um eine der vielen Thronstreitigkeiten der Zeit”, d. h. des 2. Jhds. v. Chr., im Kampfe zwischen den Ptolemäern und Antigoniden, nicht präzise genug.

166 (S. 116) – Peeks Übersetzung von παρέφηβείης in Z. 6 als “Ephebenvorschule” macht PHerm. stutzig. *LSJ* kennt nur diese Stelle aus einer samischen Inschrift des 2.–1. Jhd. v. Chr., behandelt von Wilamowitz “Nordionische Steine”, *Abh. der Berliner AkW* 1909: 2, 62, Nr. 24. Allerdings findet sich in *IG* XII, f. 3, 339₂₃ und 340₁₉) von Thera, 1. Jhd. n. Chr., auch παρέφηβος /-ov. Das Wort παρέφηβείη aus der hier (Peek GG 166) untersuchten samischen Inschrift ist im Pentameter (V. 6) im Gen. belegt, und die lexikalische Bildung παρέφηβος vermag jenes *Hapax* zu stärken. Die Deutung dieses Worts als ‘Ephebenvorschule’ bei Peek hat PHerm. offensichtlich nicht überzeugen können. Zur Bedeutung äußerte sich L. Robert (*Bull. ép.* 1946/1947, 44), welcher sich das Wort als Synonym von ἐξέφηβος dachte, also ‘derjenige, der das Alter eines Ephebos überschritten hat’; zur lexikalischen Gruppe um παρέρτακτος, -έω würde ich noch Bildungen vom Typ παρηβηκότες, παρηβῆσαι et sim. heranziehen, welche insgesamt auf ein etwas reiferes Alter hinweisen. Die παρέφηβοι wären demzufolge junge Leute, die nach dem Ephebendienst als höhere Dienstgrade weiter in der Armee bleiben. – In V. 11 vermerkt er bei ὑμενοίων, dass es in *GVI* 1154 ὑμέναιον hieß, also in *GG* verbessert wurde. In der Übersetzung Peeks markiert PHerm. in V. 9 f. die Worte “und Glück jäh wendet in Leid” und fragt berechtigt “Wo steht das?” Dies scheint in der Tat eine verdoppelte Übersetzung des Ausdrucks κλωστήρι βιαίῳ neben der schon vorhandenen Wendung “an gewaltsamer Spindel” zu sein.

167 (S. 119) – Die Übersetzung von μυχοῦς (V. 19) als “Schlüfte” (süddeutsch, veraltet für ‘Schlucht’) veranlasst PHerm. zu einem Ausrufezeichen.

168 (S. 118) – PHerm. fordert V. 2 als Hexameter entsprechend V. 1, also ohne Einschub, zu drucken.

170 (S. 120) = *GVI* 1231 – PHerm. erinnert daran, dass in V. 2–4 einige Buchstaben am linken Rand rekonstruiert sind, was in dem *GG*-Band systematisch unerwähnt bleibt.

172 (S. 120) – Wie im vorigen Fall, nur handelt es sich hierbei um die fehlenden Zeichen am rechten Rand des vierzeiligen Gedichts.

173 (S. 120) – Zu Peek's Lemma "Bosporos. Rhodische Peraia" merkt PHerm. an: "Gibt es nicht! LR 19" (d. h.: LR–GVI, S. 19 mit Anm. 3).

176 (S. 122) – In GG steht die Lesung χαῖρ' εἰπὼν δις καὶ τὸς ἔχοις τόδε, während in GVI 1312, woran PHerm. erinnert, δις [δ' αὐτὸς gelesen wird; die Änderung von diesem zu jenem erschien ihm offenbar nicht zwingend: Denn es genügt das einfachere δις [αὐτὸς von Mario Segre, *Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie* 34 (1941) 27–29 (ed. princ. dieser Inschrift unbekannter Provenienz mit einer schwer lesbaren Abb.). Die Interpunktion kann man dabei verschieden gestalten, anstelle eines Kolons nach ἄπιθι, wie bei Peek, ließe sich ein Komma setzen, sodass der Passant einen vollständigen Satz ausspräche: σῆμ' Ἀλίνης ... χαῖρ'. Peek übersetzt dieses δις "nimm ihn (scil. deinen Segenswunsch) doppelt zurück". δις ließe sich auf εἰπὼν beziehen, weil der Vorbeigehende dieselbe Formel einmal zur Begrüßung, ein anderes Mal zur Verabschiedung verwenden könnte; eine andere Möglichkeit wäre, dass der Gruß des Passanten von dem Verstorbenen bzw. seiner Grabstele durch einen Gegengruß erwidert wird: die Doppelung entstünde dann einfach durch die gegenseitige Begrüßung (vgl. AG Append. II, 246, 9; 600, 1).

178 (124 f.) – Die Peek'sche Übersetzung von ὄργια als "Sakramente" findet PHerm. unangebracht.

186 (S. 126 f.) – Peek's Übersetzung "deiner Väter hohe Geltung hast auch du dir gewonnen" ist zu weitläufig, obwohl dem allgemeinen Sinn nach plausibel.

188 (S. 128 f.) – Der Name des Vaters Lykon ist bei Peek in der prosaischen Übersetzung ausgefallen.

189 (S. 128) – Die Übersetzung Peek's "das (scil. das Grab des Arideikes) den Mantel der nährenden Flur um deinen Leib gelegt hat" weckt bei PHerm. zu Recht Verwunderung. Denn τραφερήν, von τρέφω im Sinne 'nährend' abgeleitet, mutet als Epitheton von σπιλάς paradox an, da Fels ebenso wie Meer bei den Griechen als Inbegriff der Fruchtlosigkeit galt (die Übersetzung von σπιλάς als "Flur" ist eine verständliche, aber nicht ausreichend begründete Freiheit des Übersetzers). Es scheint, dass im Wort τραφερή, welches sicher von τρέφω kommt (so Chantraine, *DELG*, s. v. τρέφω), zuerst die Vorstellung von 'nähren' im Gegensatz zum 'Fruchtlosen' des Meeres bestimmend war, was wohl noch in der homerischen Wendung ἐπὶ τραφερήν τε καὶ ὑγρήν (Hom. *Il.* XIV, 308, *Od.* XX, 98 etc.) gemeint worden war; später führte diese Gegenüberstellung von festem Boden und (Meer-)Wasser zu dem einfacheren Gegensatz vom 'nass, feucht' vs. 'fest, hart'. τραφερός als 'solide' bei Chantraine ist also z. T. treffend, erfasst aber m. E. nicht die ursprünglichere, sondern die spätere Bedeutung, die aus einer Umdeutung der alten poetischen Formel entstand. Eine plausiblere Deutung von V. 1–2 wäre demzufolge "Nicht ein namenloses Grab auf dorischer Erde, gesetzt auf einen harten Felsen...",

denn νόνημονον könnte nicht wie bei Peek an σε, sondern mit schönem Hyperbaton an σῆμα gebunden werden.

191 (S. 128 f. und Komm. S. 305)– Peek gedenkt der glorreichen Kämpfe um Marathon und Plataä seitens der μηδοφόνων πατέρων. Bei einem salaminischen Denkmal würde PHerm. aber vor allem an Salamis denken.

193 (S. 130 f.)– Die Wiedergabe von V. 7 bei Peek, von PHerm. kritisch unterstrichen, ist in der Tat etwas schwerfällig und all zu breit.

196 (S. 132 f. und Komm. S. 306)– In der Junktur πρωτεύσαντα νέων εὐταξία hat PHerm. in marg. von Peeks Kommentar εὐταξία mit Fragezeichen versehen und auf *RE* s.v. “Neoi” verwiesen, doch den genaueren Sinn dieser Entscheidung vermag ich nicht zu erschließen. – Die Betrachtung zahlreicher Parallelen (vgl. insbesondere *AG Append.* II, 128, 2 πρωτεύσειν πάσης Ἑλλάδος εἰς ἀρετήν) zeigt, dass νέων ein Partitiv ist (häufig mit einem Artikel verwendet), während der Dativ εὐταξία sich ebenfalls limitativ auf πρωτεύσαντα bezieht ([Aristot.] *Epist. ad Alexandr.* 3, 5 Plezia, ταῖς ἀρεταῖς; Diod. Sic. IX, 13, 3 τῷ λόγῳ πρωτεύων).

197 (S. 132 f.)– Peek übersetzt ὀρπαλέη (νοῦσος) mit ‘plötzlich’, während PHerm. dafür ‘zehrend’, d. h. in zeitlichem Sinn ‘langwierig’, also beinahe das Gegenteil des Ersteren, bevorzugen würde. Dass die gesamte griechische Literatur nur wenige Belege dafür bietet, zeigt, dass dieses Wort längst eine Glosse war, wenn auch die Verbindung zu ὀρπάζω ungeachtet semantischer Verschwommenheit immer bestehen blieb. Im Geiste von Theognis I, 301 = II, 1353 (‘rasch, kühn’, vgl. lat. *rapidus* oder amerik. ‘aggressive’ im Sinne von ‘aktiv’) wäre ὀρπαλέη in der Bedeutung ‘raubgierig’ im angesprochenen Grabgedicht wahrscheinlicher (vgl. Ἀρπυιαί), was allerdings sowohl zu einer schnell fortschreitenden als auch zu einer langwierigen Krankheit passen würde. Über den Tod eines Kränkeldnen würde man jenes ὄφνω schwerlich sagen können. Es lässt sich von der Bedeutung ‘raubgierig’ so gut zu ‘plötzlich’ wie zu ‘zehrend’ gelangen. Aber das Wort ὄφνω in der letzten Zeile, von Peek als “mit eins” wiedergegeben, und der Hinweis auf die große Kraft des Jünglings, hilft m. E., sich für die Bedeutung ‘dahinraffend’ zu entscheiden. – Die syntaktische Struktur und der Tonfall des 2. Zweizeilers (μή τις ἔτ’ ἀλχέϊτω...) dieses pantikapäischen Grabgedichts erinnert an das bekannte Epigramm des Domitius Marsus auf den Tod Tibulls (*FPR* Baehrens, p. 318: *Domitius Marsus* 7, 3 sq.: *ne foret aut elegis molles qui fleret amores* etc).

199 (S. 132 f.) = *GVI* 1513 – PHerm. macht darauf aufmerksam, dass das Wort τρανές in der Bedeutung ‘klar’ von Peek nicht wiedergegeben ist, womit eine Nuance verloren geht: Auch in den späteren dichterischen Darstellungen werde man nicht nach besonderen künstlerischen Mitteln suchen müssen, um das von Tharsymachos auf dem Schlachtfeld Geleistete den Nachgeborenen vor Augen zu führen; τρανές heißt ‘klar und deutlich’ und ‘so, wie

es eigentlich gewesen ist', also *historisch*. Die Namensform $\Theta\alpha\rho\sigma\acute{\upsilon}\mu\alpha\chi\omicron\varsigma$ scheint nicht einfach metrisch günstiger gewesen zu sein: der Mann hieß wohl so, da er auch im Inschriftenkopf so genannt wird (vgl. *ICret.* 1, XVII, 15 = D. Levi, *Studi Italiani* 2 [1922] 377, wo dieselbe – gerade auf Kreta verbreitete – Namensform belegt ist). – Dazu noch zwei Bemerkungen: Erstens gelten die einleitenden Worte $\omicron\upsilon\delta\epsilon \theta\alpha\nu\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\alpha}\varsigma \omicron\nu\nu\mu' \acute{\omega}\lambda\epsilon\sigma\alpha\varsigma$ als *omen in nomine*: Der Name des Gefallenen versprach ja von Anfang an $\theta\acute{\alpha}\rho\sigma\omicron\varsigma$ in $\mu\acute{\alpha}\chi\alpha\iota\varsigma$. Zweitens, ist $\omicron\psi\alpha\gamma\acute{\omicron}\nu\omega\nu$ in V. 3 ein Hapax neben dem – sowohl als Personennamen wie als *appellativum* – gebräuchlichen $\omicron\psi\acute{\iota}\gamma\omicron\nu\omicron\varsigma$ (beide in *LSJ* vertreten). Wenn wir über die Zugehörigkeit zur Literatursprache ('der Spätgeborene') nachdenken und dabei die unsichere Rechtschreibung in diesem Gedicht berücksichtigen ($\phi\omicron\iota\lambda\acute{o}\pi\iota\delta\alpha\varsigma$ in V. 6 nach GVI 1513 statt $\phi\upsilon\lambda\acute{o}\pi\iota\delta\omicron\varsigma$, wie Peek in *GG* normalisierend schreibt), stellt sich die Frage, ob das Hapax ein integriertes Lexem oder eine okkasionelle Bildung ist. Eine Variation an der Kompositionsfuge (Schwyzer *GrGr* I, 447 f.) ist wenig plausibel.

200 (S. 134) – In Z. 3 schlägt PHerm. statt $\theta\rho\eta\nu\omicron\iota\varsigma$ (in GVI 1549, 3 ist der letzte Konsonant $\langle\varsigma\rangle$ von Peek in spitze Klammern gesetzt) vorsichtig $\theta\rho\eta\nu\omicron\iota$ vor, was einleuchtet.

201 (S. 134 f.) – $\omicron\upsilon \nu\acute{o}\theta\omicron\nu \acute{\epsilon}\kappa \pi\rho\omicron\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\iota\omicron \dots \eta\nu\epsilon\sigma\alpha\varsigma \acute{\epsilon}\rho\gamma\omicron\nu\dots$ wird bei Peek folgendermaßen übersetzt: "Nicht fremd dem Anfang war das Ende deines Lebenswerks"; PHerm. würde diese Wendung im Sinne "dem Vorherigen ebenbürtig" auffassen. Da es weiter $\acute{\alpha}\pi\omicron \pi\rho\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma \dots \acute{\alpha}\lambda\iota\kappa\acute{\iota}\alpha\varsigma$ heißt, wäre an die Jugendjahre des Philokrates zu denken, welche schon unter dem Zeichen der epikureischen Lehren standen. – Bei Kaibel *EpigrGr* 491 liest man am Ende der 1. Zeile: $\eta\nu\epsilon\sigma\alpha\varsigma \eta\beta\{\alpha\nu\}$; dazu schrieb er in seiner *adnotatio*: "noli $\eta\nu\sigma\alpha\varsigma$ corrigere; potuit enim ille doctrinae speciem vel maxime adfectans verbi $\acute{\alpha}\nu\omega$ aoristum adhuc ignotum formavisse". Mir scheint der Vorschlag, einen unsicher belegten Aorist vom Verb $\acute{\alpha}\nu\omega$ anzunehmen – s. *LSJ* s. v. $\acute{\alpha}\nu\omega$ als Nebenform von $\acute{\alpha}\nu\acute{\upsilon}(\tau)\omega$ ⁵ – riskant, während die Form $\eta\nu\epsilon\sigma\alpha\varsigma$ – in *GG* ebenso wie in GVI 1516 (= *IG* VII, 3226) ohne *iota subscriptum* – einer weiteren Betrachtung wert ist. Der Form nach kommt dieses $\eta\nu\epsilon\sigma\alpha\varsigma$ dem Aorist von $\alpha\acute{\iota}\nu\acute{\epsilon}\omega$ am nächsten, aber diese Aoristform ist recht selten und hier dem Sinn nach befremdlich, während die sehr ähnlich klingende Form $\eta\nu\sigma\alpha\varsigma$ nicht nur gebräuchlich war, sondern auch besser in den gegebenen Kontext passen würde (ex. gr. *CIRB* 140, 3: $\epsilon\upsilon\phi\eta\mu\omicron\nu \beta\acute{\iota}\omicron\tau\omicron\upsilon \tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma \eta\nu\sigma\alpha\varsigma$ oder *AG Append.* II, 182, 4, vgl. *ibid.* 667, 1 etc.). Nicht ohne Grund wurde also dieses Verb bei Kaibel (sei es auch negativ) erwogen. Entsprechend werden wir die belegte Form $\eta\nu\epsilon\sigma\alpha\varsigma$ nicht korrigieren,

⁵ So auch im neueren Wortverzeichnis zu Peeks GVI: V. Citti, E. Degani, G. Giangrande, G. Scarga, *An Index to the Griechische Vers-Inschriften* (ed. W. Peek, Berlin, 1955) H. 1 (Amsterdam 1985) 12, s. v. $\acute{\alpha}\nu\omega$ (ein Hapax neben den frequenten $\acute{\alpha}\nu\acute{\upsilon}\omega$ und $\alpha\acute{\iota}\nu\acute{\epsilon}\omega$).

sondern als eine Kontamination von ἀνύω und αἰνέω deuten, und dabei gänzlich ohne ἄνω auskommen; vor dem itazistischen Hintergrund hätte diese komplexe phonetische und semantische Kontamination noch leichter als sonst zustande kommen können.

204 (S. 136 f.) = GVI 1552 – Merkwürdig in diesem Gedicht ist die zweimalige Erwähnung von ἄρης (zuerst mit dem Epitheton λάθριος) in der mannigfaltig poetisch geformten Sprache. Peek hat in beiden Fällen die Versinnbildlichung in der Gestalt eines “mörderischen Dolches” eingeführt. PHerm. weist darauf hin, dass in GVI 1552 diese Metonymie großgeschrieben wurde; außerdem würde er zumindest am Ende des Gedichts einen weniger bildhaften Ausdruck – wie beispielsweise “(mörderischen) Anschlag” – empfehlen. Das Wort λάθριος kommt nicht selten in erotischen Kontexten vor, was allerdings in diesem Fall durch die direkte Erwähnung der klagenden Ehefrau Moschion ausgeschlossen wird; wir haben es in der Tat mit einem Überfall von Übeltätern zu tun. Es gibt weitere, vergleichbare Meuchelmorde betreffende Epigramme (vgl. CIRB 135; s. auch GVI 1822, 2085), welche bekanntermaßen öfter auf das berühmte AG VII, 516 zurückgehen.

207 (S. 138 f.) – Der in V. 7 im Akk. als Κλειῶν erwähnte Frauenname sollte nach PHerm. im Nom. wohl nicht Κλειώ (wie bei Peek), sondern in Analogie zum Gen.-Akk. Κλειοῦς lauten. Obwohl nun zwei Belege in LGPN III B die Basis Κλειου- nahelegen, scheint es wenig plausibel, dass die Analogie sich auch auf die Nominativform erstrecken sollte.

208 (S. 138) – PHerm. macht darauf aufmerksam, dass der Begrabene im Apparat von GVI 1572 einen vollen Namen trägt: Ἀγαθοκλῆς Ἀγαθωνόμου Κορίνθος.

210 (S. 138 f.) – PHerm. findet die Übersetzung von V. 5 unklar, was berechtigt ist, obwohl dies m. E. nicht die Schuld Peeks ist. Der Sinn scheint im Original selbst eigenartig. Möchte der Dichter das Tragische hervorheben, indem er sagt, dass Ammonios, der nie und nimmer an kriegerischen Handlungen weder auf dem Meer noch an Land teilnahm, dennoch sterben musste?

211 (S. 140) – PHerm. erinnert daran, dass in GVI 1584, V. 7 nicht πηοί, sondern ἦ ρ' οἱ, und in V. 9 ὦ [μητρ] τε, nicht wie in GG πανόδυρτε, gelesen wurde.

213 (S. 140 f.) – In VV. 7 und 8 hebt PHerm. die Schwierigkeit bei der Identifizierung der Person hervor: “Wer ist gemeint? Sosandros?” Es ist in der Tat merkwürdig, dass der 2. Teil des Grabepigramms nicht dem Verstorbenen, sondern dem Stifter gilt. Das wird noch plausibler dadurch, dass der Name Σώσανδρος in der Art einer Scharade in zwei Teilen umschrieben zu werden scheint: (1) ἄνερα weist auf das Element -ανδρος hin, wohingegen (2) βιότου πείρατα wohl ein Hinweis auf σώζειν ist.

214 (S. 140) – PHerm. macht auf die var. lect. in GG: αἴση, GVI αἴση<ς> aufmerksam. Die Parallelen zeigen, dass die dichterische Sprache dieses Le-

xem gern, doch nicht zwangsläufig, an den Ausgang des Hexameters stellt, wobei entweder ἐκ Διὸς (δαίμονος et sim.) αἴσης ([Hom.] *Hymn. Apoll.* 433) oder der Dativ αἴση verwendet wird (wie *Il.* IX, 608). Diesem Befund gemäß ist es ratsamer, entweder wie Peek in GVI 1655 einen Genitiv zu rekonstruieren oder – mein Vorschlag – einen (instrumentalen) Dativ. In beiden Fällen wäre eine Pause nach dem Ausgang des ersten Verses nötig; demnach wäre nicht vor, sondern nach αἴση ein Interpunktionszeichen zu setzen; der nächste Vers bezöge sich in diesem Fall auf τοῦτο. Bemerkenswert ist, dass das Epigramm unbeabsichtigt eine Reflexion über die soziale Gerechtigkeit beinhaltet.

218 (S. 140) – Dass es sich um einen Selbstmord am steilen Felsenufer handelt, liegt auf der Hand (vgl. Eur. *Ion* 1268 πετροῖον ὄλμα – dies ist bei Euripides auch sonst eine häufig auftretende Todesart). – PHerm. gefällt die im Komm. Peeks (S. 307) vorgeschlagene Erklärung der im Epitaph angesprochenen Geschehnisse nicht: Der Selbstmörder habe sich “von schlechten Ratgebern zu Handlungen verleiten lassen, deren Folgen ihn schließlich zum Selbstmord getrieben haben”. Nach Boeckh, den Kaibel *EpigrGr* 225 zitiert, warf sich der Mann entweder von bösen Menschen verfolgt ins Meer oder ‘Unvernünftige’ hatten ihm diese fatale Entscheidung eingeredet. Es scheint mir, dass die κοκοῦργοι – allem antiken Intellektualismus zum Trotz – nie der ‘Unvernunft’ bezichtigt wurden; dagegen ist es typisch, dass Intellektuelle andere Intellektuelle sehr gerne als ὀξύνετοι ἄνθρωποι bewirten, wie es im Herakleitospruch (22 B 1 DK) der Fall war. Hat nicht der Verfasser des Gedichts seinerseits an jene Philosophen gedacht, die sogar jungen Leuten gegenüber dem Tod seinen Schrecken nehmen und dadurch auch den Suizid schönreden (so z. B. AG VII, 473: ein Sprung vom Dach nach der Platonlektüre; ähnlich XI, 354; VII, 123), ohne dabei an das Alter der Rezipienten zu denken (s. AG VII, 470: für einen alten Mann eignet sich diese Lösung viel besser als für einen jungen)? Oder waren die ‘unvernünftige Leute’, die diesen frühen Tod verursacht hatten, solche mit einer bösen Zunge, wie etwa in AG VII, 71 (über die Opfer des Archilochos)?

219 (S. 144 f. = GVI 350) – Die Deutung von H. Goldman in der *ed. princ.* dieses kleinen Textes (*AJA* 32 [1928] 179 ff.) sah in dem Toten des böotischen Gedichts einen “humorist and master mole-catcher”, also einen rhodischen Maulwurffänger: deswegen sei hier von σπαλάκων ὄλεθρος die Rede. In Peeks Übersetzung hingegen liest man: “was die Maulwürfe verderben über die ganze Erde hin, lasse ich beiseite”, was die Aufmerksamkeit PHerm.s auf sich zog, sodass er am Rande vermerkte: “Anders AM 1931, 120. cf. Robert 12. *Bull. ép.* 1955, 118”. – Es lohnt sich nun, diesem Sachverhalt etwas mehr Aufmerksamkeit zu widmen. In den *Ath. Mitt.* 56 (1931) S. 120, a. a. O., äußerte sich Peek etwas ausführlicher, indem er außer Goldman auch Überlegungen J. U. Powells referiert. In *LR-GVI*, S. 12, wird die ursprüngliche Deutung Peeks ohne Sympathie dargelegt: Die Idee, dass alle Menschen Maulwürfen ähnlich seien, findet Robert zu Recht abwegig. Denn die Vorstellung, die Menschen seien ebenso

blind wie Maulwürfe und würden wie diese agieren, hätte zwar etwas für sich und es heisst in V. 1 auch “auf der ganzen Erde” (κατὰ γαίαν ὅπασαν), während sich καταβὸς δεῦρο in V. 3 schon ausschließlich mit dem unterirdischen Geschehen befasst. Die Deutung Peeks in der metrischen Übersetzung (S. 338) “was nur den Würmern ein Fraß, das lasse ich gerne dahinten” gibt zwar einen Sinn, aber Maulwürfe, (ὀ)σπάλακες, sind mit Würmern, σκόληκες, nicht zu verwechseln. Vielmehr sprachen die Alten außer von der Blindheit von Maulwürfen auch gerne von ihrer Gefräßigkeit, welche sich in ihren ununterbrochenen zerstörerischen Aktivitäten unter dem Boden äußerte. Aristoteles fokussiert auf ihr Sehvermögen sowie Ethologie und Verbreitung, was dann Schule machte: vgl. *HA* 605 b 31; [Arist.] *Mirab.* 842 b 3, 847 b 3, Galen. *De semine* II, 5, 60 (638) de Lacy; Aelian. *NA* XVII, 10, 1, Erwähnungen bei Simplicius u. a. m.; dabei bezog er sich gerade auf Böotien, wo – mit rätselhafter Ausnahme von Orchomenos – Maulwürfe gerne leben sollten; diesen Umstand hat Robert im *Bull. ép.*, loc. cit., 118 a erneut angesprochen – es ist in der Tat bemerkenswert, dass die Maulwürfe gerade in einem böotischen Grabepigramm vorkommen. Wichtiger für die Deutung ist m. E., was Maulwürfe anrichten. Denn (nach Suda α 4198, 1 und τ 1216, 1) schon Stesimbrotos ging von einer Schädigung des Wurzelsystems der Bäume durch Maulwürfe aus und Pausanias VII, 24, 11, 8 sprach sogar von einer Gefahr für die menschlichen Bauten. σπολάκων ὄλεθρος weist dann offenbar auf diese beeindruckende Boden-Zerstörung durch Maulwürfe hin, in Böotien wohl noch ausgeprägter als sonstwo. Die Hauptaussage des Grabgedichtes scheint in λείπω zu liegen, das τὸ γελοῖα σιωπῶ aus V. 1 weiterführt: Der Tote meldet durch Aposiopese, dass die einzigen Wesen in dieser ansonsten (abgesehen von den Leichen) leeren Unterwelt eben... emsige Maulwürfe sind; die sogenannte Unterwelt der Dichter könne man getrost beiseite lassen (λείπω im Sinn von παραλείπω ist zwar denkbar: Oppian. *Cyneget.* II, 571, 586, 605, aber untypisch; gebräuchlicher ist das Verb in der Bedeutung von εἶν wie *Il.* XVII, 13, *Od.* IX, 238 oder *AG Append.* VI, 291, 23). Im Verfasser eines solchen Gedichtes erahnt man einen griechischen Freidenker, welcher den Volksglauben als ‘Lächerlichkeit’ betrachtet. Zu dieser (sarkastischen) Einstellung vgl. Callim. *Epigr.* XIII Wilam. = *AG* VII, 524; auch *GVI* 1906 oder Ovid. *Met.* XV, 154 sq.: *quid Styga, quid tenebras et nomina vana timetis, / materiem vatum, falsique pericula mundi?* (vgl. unten zu 324).

222 (S. 145) – PHerm. fragt sich, ob die “Kunst” (τέχνας) nicht auf irdigeine τέχνη, sondern auf einen richtigen “Künstler” hinweise.

227 (S. 147) – Zu Καδανάδη Peeks im V. 2 vermerkt PHerm. Καδανάδη “nach v. d. Mühl; cf. Robert 6”. In *LR–GVI*, S. 6, wird die Sachlage dargestellt: Der Text ist nur bei Diog. Laert. IV, 31 erhalten, nämlich als ein Epigramm des Akademikers Arkesilaos auf den Tod des Menodoros, der offenbar ein Penest war (etwa *colonus*, wörtlich ‘Unbemittelter’), wohl ein Bediensteter und gleichzeitig der Liebling des Eudamos, eines Mitschülers des Arkesilaos an der

Athener Akademie. Die Textgeschichte dieses Gedichts ist bei P. Von der Mühl (Studi U. E. Paoli [Florenz 1955] 717 ff. = Kl. Schr. [Basel 1976] 280–285) verzeichnet. Die Übersetzung “Sohn des Kadanās”, also im Sinne eines Patronyms, bei Peek gibt eine – nach Von der Mühl und Robert schlechtere – *varia lectio* wieder, wohingegen das *patronymicum* Καδανάδης als Vokativ der ehrenden Anrede Καδανάδης (nach einem in Lydien heimischen Personennamen) besser belegt ist, was L. Robert in *Bull. ép.* 1956, 61 (Nom indigène, Thyatire) sowie in *LR–GVI*, S. 6, referiert.

229 (S. 148 f.) – *Lapsus typi* im griechischen Text Peeks: Natürlich ist Τμῶλος zu lesen. Zu der (*metri causa* gekürzten) Namensform Λυσίνου merkt PHerm. an: “Homerisch Λυσίνους?”

231 (S. 148 f.) – In V. 4 ist PHerm. mit der Wiedergabe von βωμός als ‘Stein’ unzufrieden, weil die Diktion des griechischen Dichters dadurch vereinfacht wird. Vgl. unten zu GG 233.

232 (S. 148 f.) – PHerm. notiert (aus GVI 1792) einen Lit.-Verweis auf U. v. Wilamowitz’ *Sappho und Simonides. Untersuchungen über griechische Lyriker* (Berlin 1913) 110 f. (Der Verweis auf dieses Buch, welchen auch Peek in GVI erwähnt, zeigt, dass es PHerm. nicht nur um die Textgestalt der Inschriften und Geographie der Funde ging, sondern auch um die Sitten- und Literaturgeschichte.)

233 (S. 150 f.) – βωμός ist wieder auf die Weise übersetzt, die PHerm. schon bei Epitaph 231 missbilligte: Diesmal heißt βωμός bei Peek ‘Denkstein’. Dass das Wort βωμός später einfach ‘Grabhügel’ meinen konnte (s. den berühmten paradoxen Spruch des Simonides βωμός δ’ ὁ τάφος), vermerken Wörterbücher des Griechischen (*LSJ* zitiert Kaibel *EpigrGr* 319, 2; *AG Append.* II, 460).

234 (S. 150 f.) – Hier verweist PHerm. kurz auf die Untersuchung A. Wilhelms, *Aegyptiaka*. 1. Teil (SB der Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Klasse [1946] Bd. 224, 1. Abh.) 51 = idem, *Akademieschriften zur griechischen Inschriftenkunde, 1895–1951* (Leipzig 1974) 189, wo der Verfasser dazu neigt, das Gedicht wegen des Namens *Apion* mit Ägypten bzw. Kyrenäike zu verbinden. In der Auffassung von παστός näherte sich Peek allerdings selbst der Deutung von O. Crusius und A. Wilhelm.

235 (S. 150 f.) = GVI 1232 – PHerm. findet das Gedicht zu dunkel, vor allem V. 3–4, wo er wie in GVI 1232 ὡς Ἰαπῶ καλῶ liest, und setzt ein dickes Fragezeichen. Indes gab es bei Peek im Apparat zu GVI 1232 eine geistreiche Konjektur zum Ende von V. 4: ὡς ἀπ’ Ἀσκόλω<ν>, was für eine Φοίνισσα exzellent passt. – Eigentlich sind schon die Verse 2–3, insbesondere die Wortgruppe κευθμὼν ἔγκυον πεπλωμένης, in vieler Hinsicht nicht zufriedenstellend. Der Versuch, den Genitiv aus dem übertragenen Gebrauch von ἔγκυος abzuleiten, als ein Suffixoid ‘-schwanger’ / ‘-trächtig’ im Sinne ‘voll von’ (wohl dachte auch Peek an so etwas, vgl. Nonn. *Dionys.* I, 87 sqq.; III, 10, 29; *AG* IV, 1, 7 etc.), führt nicht zu einem zufriedenstellenden Ergebnis. Es ist also wahrscheinlicher, wie

mir mein Kollege A. Verlinsky rät, ἔγκυος wortwörtlich aufzufassen: Die Phönizierin wäre desto mehr zu beklagen, als sie nicht nur bedürftig und fremd, sondern auch schwanger war. Das hilft uns aber wenig mit dem Gen. πεπλωμένης. Da ἐπὶ ξένης bei griechischen Schriftstellern nach *TLG* häufig und meist ohne Attribute vorkommt, und die Formen des medialen Perfekts von πλώω im Unterschied zum aktiven Perfekt in *TLG* keine Parallele finden, scheint es m. E. am wahrscheinlichsten, dass die Lesung am Ende des 3. Verses – obwohl Peek im Apparat von *GVI* 1232 verzeichnet, dass er Original, Abklatsch und Photo verglichen habe, – ebenso unsicher bzw. irreführend war wie das Ende von V. 4. Hat auf dem Stein etwa der Akk. (ἄπ- oder ἔπ-) ἄλωμένην gestanden? ἀλώσθαι ἐπὶ ξένης ist wie auch ἐπὶ ξένης τεθνάναι eine Formel, von der man gerne Gebrauch machte, vgl. Diod. Sic. *Hist.* XIII, 92, 5, 6). Die bei Peek präsente Vorstellung vom Meer entstand wohl dadurch, dass eine Φοίνισσα ihre Grabinschrift auf einer griechischen Insel erhielt sowie durch das überaus verdächtige πεπλωμένης; jedoch wird κευθμών (wie μυχός) mit den Tiefen der Erde, nicht denjenigen des Meeres assoziiert (κευθμός und κεῖθος sind in beiden Kontexten belegt). Da wanderte also die notleidende schwangere Phönizierin Aline im Ägäischen Raum, bis sie in der Fremde der dunkle Schlupfwinkel einer hellenischen Insel in sich aufnahm...

236 (S. 152 f.) – Auf dem Stein ist Παξίλλης zu lesen; die Korrektur Π<ρ>αξίλλης, die PHerrm. nicht aus den Augen verlieren will, stand in *GVI* 92 noch im Apparat.

250 (S. 156 f.) – Zum Ort des Denkmalfundes bei Peek (*“Nakoleia, Phrygien”*) verweist PHerrm. auf *LR-GVI*, S. 20, welcher unter Hinweis auf den von Peek gelesenen, aber – so Robert – nicht verstandenen W. H. Waddington klar macht, dass die in Ankara aufbewahrte Inschrift zwar aus der Nähe von Ankyra, aber gerade nicht aus dem ferner liegenden Nakoleia stammen dürfte.

252 (S. 156 f. und Komm. S. 309) – Die Floskel “zehnte Muse” kommentiert PHerrm. am Rand von *GG* 380, V. 5, wo die Schauspielerin Basilla mit demselben Ausdruck gekennzeichnet wird. Eigentlich wäre es notwendiger, bei “zehnte Muse” den Bezug auf einen *Mann* zu erklären, wenn auch die Gleichsetzung eines Mannes mit einer Muse in unserem Gedicht dadurch abgemildert wird, dass der Dichter im Grunde nicht einen Mann, sondern seine ψυχή einer Muse gleichsetzt, was weniger auffallend wirkt. Vgl. *GVI* 797 und 1323 (in beiden Fällen in Bezug auf eine musische Frau).

254 (Komm. S. 309) – Die Behauptung Peeks, dass Tarsos an der Küste von Kilikien liegt, will PHerrm. präzisieren: Gemeint ist Tarsos am Kydnos, etwas abseits der Küste.

256 (S. 158) – Zu Trachonitis würde PHerrm. der Bequemlichkeit des Lesers wegen einen Hinweis auf das “Jordanland” hinzufügen. Φθόνος hat zwar die Person namens Δύνατις (merkwürdigerweise als Männernamen aufgefasst,

obwohl Δύνατις in *LGP*N nur als Frauennamen belegt ist und die verzeichneten Männernamen Δύνατος oder Δυνάτων lauten) aus der Welt der Lebenden geraubt, aber dann fragt sich der Dichter: μή τι καὶ οὐκ ἐθέλων; Peek's Übersetzung: "ob er es wirklich *mit freiem Willen* tat?" wird bei PHerrm. missbilligt. Ein einfacheres "ob er es nicht *gegen seinen Willen* tat?", also "ob es ihm um diese – vermutlich junge – Person nicht schade war", wäre überzeugender: Der Dichter weiß zwar, dass auch die Götter oft von den Moiren zu ihnen selbst unerwünschten Handlungen veranlasst werden; die Pointe besteht jedoch darin, dass sogar der böse Dämon dieses Mal ein solches Opfer bereut.

257 (S. 159) – φίλανδρος als schmückendes Beiwort Lainillas ist in der Übersetzung Peek's unbeachtet geblieben.

264 (S. 160 f.) – ἀπενθήτοις ἐπὶ τέκνοις hat Peek in dem Sinne verstanden, daß der Verstorbene kein Kind verloren hatte; sie bleiben also alle samt der Frau des Verstorbenen am Leben, was ihm und den Angehörigen sicher Trost spenden könnte. ἀπένθητος wird in diesem Fall passiv verstanden. Ebenfalls passiv wird ἀπένθητος bei einem griechischen Lexikographen im Rahmen eines zynischen Volksspruches überliefert (Suda, γ 202, 2): γέρων βοῦς ἀπένθητος δόμοισιν. PHerrm. findet jedoch die (passive) Deutung Peek's zweifelhaft. In der Tat ist bei diesem verbalen Adjektiv auch eine aktive Bedeutung denkbar, wie es in manchen Bildungen dieser Art – z. B. ἀστένακτος⁶ – der Fall war. Die passive Auffassung passt in dem analysierten Epigramm m. E. jedoch besser zum Trostmotiv.

269 (S. 160 f.) – Statt *Charon* steht bei Peek aus Versehen *Hades*.

278 (S. 166 f.) – δεδαηκότα πάσας / τύξιας εὐιέροις ἀγλαὸν ἐν θυμέλαις heißt bei Peek "eine glänzende Erscheinung war auf der Bühne des göttlichen Meisters", was Fragen aufkommen lässt. Woher ist das Epitheton 'göttlich' für Menander genommen worden und was heißt eigentlich τύξιας? Das Wort τύξις ist nur in dieser Inschrift belegt (= *IG* II–III², 3, f. 2, 12 664), abgesehen von Erwähnungen bei den späten Grammatikern, welche hiermit die Existenz des Wortes bestätigen und seine Bedeutung erschließen lassen. Neben der Gleichsetzung dieses Wortes mit τεῦξις bei Aelius Herodianus (*Peri orthograph.* in *GrGr* 3, 2, 595 Lentz) gibt es bei Hesych (*Lex.*, τ 1649 und 698, s. v. τύξιν und τεῦξις resp. = vol. IV p. 87 und p. 39 Hansen) einen semantischen Hinweis durch Synonyme, nämlich παρα- bzw. κατασκευή oder – aufschlußreich! – ποίησις. Der Ausdruck scheint technisch gewesen zu sein und die *innere Struktur* einer dramatischen Handlung, ihr *dramaturgisches Wesen* bezeichnet zu haben, also eigentlich das, was für Schauspieler und Regisseur den Kern ihrer Kunst bildet. – In Peek's Komm. zu diesem Gedicht

⁶ Darüber u. a. der Verf.: A. K. Гаврилов, "Боспорский воин Аполлоний и его поэт (КБН 119)" ["Der bosporanische Krieger Apollonius und sein Dichter, *CIRB* 119"] I, *Hyperboreus* 11 (2005): 1, 69–72.

(S. 310) beanstandet PHerm. die Behauptung Peeks, dass der Eros “die Haupttriebfeder aller Verwicklungen” in der Neuen Komödie sei, was nicht unbedingt zutrifft, wie wir aus Menanders *Dyskolos* ersehen. Der letzte Vers des Epitaphs, ein jambischer Trimeter, steht auch formal außerhalb des Ganzen und nennt endlich den Verstorbenen, den Schauspieler Straton aus Athen – es sind drei Schauspieler namens Straton im ersten vorchristlichen und zweiten nachchristlichen Jahrhundert belegt (s. M. Bonaria, “Straton 23–25”, *RE Suppl.* 10 [1965] 925).

280 (S. 166 f.) – σκῆνος ist bei Peek etwas farblos als “Leib” wiedergegeben; der Autor des Epigramms strebte offenbar einen ambitionierteren Ausdruck wie ‘Gebeine, (irdene) Reste, (leibliche) Gestalt’ an; wie so oft geriet Peek bei der Suche nach dem Exquisiten gerade etwas Schablonenhaftes unter die Hand.

283 (S. 168 f.) – Offensichtlich tröstet sich der Verstorbene Miletos aus Milet mit der Überlegung ἀλλὰ κακῶν οὐδ’ ἄκρα γευσάμενος selbst. Mit der Übersetzung Peeks: “gewiß, doch des Leides hatte ich nicht eine Neige gekostet”, ist PHerm. nicht ganz zufrieden; zu den Worten (οὐδ’) ἄκρα vermerkt er “das Äußerste”. Es ist zwar richtig, dass ἄκρα oft πρῶτα bedeutet (AG VI, 118, 6; VII, 78, 3), dieses “Äußerste” kann jedoch sowohl *in malam* wie *in bonam partem* aufgefasst werden (das letztere s. in AG VII, 448, 2 sq.; VIII, 93, 2 etc.). Das “Äußerste” meint in diesem Kontext offensichtlich nicht eine Erfahrung des größten Übels, sondern kennzeichnet dessen völliges Ausbleiben. Denn es wäre seltsam, sich damit zu trösten, daß einem Jüngling das Allerschlimmste im Leben erspart geblieben sei; ihm war überhaupt nichts Übles zuteil geworden. οὐδ’ ἄκρα heißt in diesem Fall ‘gar nichts’, ‘kein Quentchen’, ‘nicht die Spur’, wie etwa im Text, welchen Suda, κ 586, 2, s. v. κατακορῆς anführt: σιτίοις καὶ ποτῶ κατακορῆς οὐδαμὴ γέγονεν, ἀλλὰ σχεδὸν ἄκρῳ δακτύλῳ γευσάμενος ἀπηλάττετο; vgl. dazu AG *Append.* III, 101, 4 (ἄκρα μόνον) et sim. Mit seiner Übersetzung ‘nicht eine Neige’ meinte Peek wohl das Gleiche, drückte es aber auf Deutsch undeutlich aus. Mit anderen Worten: Das Traurige im Menschenleben blieb dem jungverstorbenen Miletos *gänzlich* unbekannt.

287 (S. 170 f.) – ὠκυμόροιο τύχης πείσματα λυσάμενος wird bei Peek zu “schnell holte mein Lebensschiff die Anker ein zur Fahrt an das andere Ufer”. πείσματα λύσασθαι wird gerne für die Abfahrt eines Schiffs gebraucht (Callim. fr. 327, 1 Pfeiffer; AG VII, 266, 2; 675, 1; IX, 90, 4 etc.) und bedeutet demnach so viel wie ‘vom Ufer abstoßen’: Miletupolis löste das Ankertau seines Schicksalsschiffes – und starb. Dass die Übersetzung Peeks allzuweit in die Breite geht, ist für uns weniger von Belang.

291 (S. 172 f.) – Zu der Übersetzung “aus Synnada” bemerkt PHerm.: “Wo? Keine Erklärung”. Der Ortsname Σύν(ν)αδα, ein Ort in Phrygien, zu dem Pape, *Griechische Eigennamen*, s. v., mehrere Belege gibt, wird im Kommentar Peeks nicht weiter erläutert.

294 (S. 174 f.) – Cheliden statt Chelidon ist ein Druckfehler in GG. Dass der Dichter die verstorbene Alte als εὐτεκνον ἄστονάχητον bezeichnet, sollte ihr Trost spenden: Die würdige Zeuspriesterin musste zumindest nicht über ihre Kinder trauern (vgl. GG 264 und dort das zu ἀπένθητος Gesagte).

300 (S. 176 f.) – Zu νυκτιμανοῦς ... Ἀπαρκίω. Der Name des “Nordsturms”, so Peek, verlangt laut PHerm. eine Erklärung im Kommentar. Es geht um den Wind Ἀπαρκτίας, von dem antike Autoren gerne als eine Art von Nordwind sprachen, der dem καικίας ähnelte. Bemerkenswert ist u. a., dass man diesem Winde die besondere Fähigkeit nachsagte, das finstere Gewölk mit sich fortzureißen, was für unser Gedicht nicht irrelevant ist, da man in diesem Fall das Epitheton νυκτιμανής sowohl alltagssprachlich als poetisch besser zu bewerten vermag. Das Fehlen des Buchstabens τ im Namen Ἀπαρκτίας ist bei antiken Autoren mit einigen Stellen belegt (siehe LSJ s. v. Ἀπαρκτίας). Die Erstpublikation der Inschrift s. A. M. Fontrier, *Ath. Mitt.* 12 (1887) 262 f., welcher auf eine weiterführende Stelle in *ThLG* s. v. verweist. Vermutlich war Ἀπαρκτίας eine alltagssprachliche Schnellform, die man als Vereinfachung des im Volksmund wohl häufig gebrauchten Wortes Ἀπαρκτίας auffassen könnte.

301 (S. 177) – Peek druckt in V. 1 und 3 ἡρπᾶσθη, obwohl – so PHerm. – auf dem Stein ἡρπᾶχθη steht, was in GVI 851 noch zu finden ist. Dieses Detail wäre sprachhistorisch eventuell relevant.

303 (S. 178 f.) PHerm. macht auf den römischen Namen der Liebesgöttin in einem griechischen Epigramm aufmerksam, der in dieser stadtrömischen Inschrift allerdings verständlich ist.

304 (S. 178 f.) – Peeks Hinweis “Relief” im Apparat weckt in PHerm. bei diesem Denkmal sowie an mehreren ähnlichen Stellen (so z. B. zu GG 449) den Wunsch nach Informationen über den plastischen Befund.

305 (S. 178) – Nach V. 5 vermerkt PHerm.: “Wilhelm: Versausfall”. Das geht nicht aus dem entsprechenden Text in GVI 1098 hervor, sondern bezieht sich auf *Bull. ép.* 1951, 193, wo Robert die Meinungen Wilhelms zu Kaibel *EpigrGr* 336 referiert.

310 (S. 180 ff.) – Die Bemerkungen PHerm.s stehen zwischen den Nummern 310 und 311. Mit *Öjh* meint er die *Wiener Jahreshfte*, hrsg. von der Zweigstelle Wien des Archäologischen Institutes des Deutschen Reiches, Bd 35 (1943), Beiblatt, Sp. 25. PHerm. nennt weiterhin: *Latom.* 2 (1949) 313, Taf. 26; *REA* 54, 283 ff.; *Bull. ép.* 1944, 206 a; 1950, 236 (zu J. Keil); auch 1954, 286 wäre zu vergleichen. Nach Konsultierung der von ihm zitierten Lit. wird klar, dass PHerm.s Marginalie sich auf GG 310, nicht auf das nachfolgende Gedicht bezieht.

311 (S. 182) – In GVI 1113, V. 8 las Peek, wie PHerm. notiert, θείας ἐξ ἄθανάτων φωσὶ φράσας ἀρετάς. So stand es auch bei Kaibel *EpigrGr* 615, während in GG die Präposition ἐξ ausgelassen ist, was zwar metrisch naheliegt, aber in einer Edition vermerkt werden müsste. – Was die Deutung Peeks “ich ... zeigte den Kindern der Unsterblichen göttliche Tugenden” betrifft, findet

PHerm. diese Übersetzung recht befremdend. Man könnte überhaupt fragen, woher die Vorstellung von den “Kindern” in diesem Gedicht kommt, wahrscheinlich ist die Wendung in V. 2 bestimmend: ἄρτιτόκου φωτός ψυχίον ἔνδοθ’ ἔχων, wozu Kaibel bemerkt: “φωτός vocabulo et hic abutitur et in v. 8”. – κύτος war ein bei Beschreibungen des Weltraums übliches Wort: Plat. *Tim.* 44 a 6, AG *Append.* II, 426, 7 κύτος κόσμου, etc.

323 (S. 190 f.) – Die vox *nihili* “jäch” in der Übersetzung Peeks ist aus einem “jähē” entstanden (ἄφνω in der Z. 2).

324 (S. 190) – Die Übersetzung von οὐχὶ πονηρὸς ἐὼν als “ohne ein Leiden” ist sehr merkwürdig – leitete denn Peek physische πόνοι des Verstorbenen aus der vermeinenden Erwähnung von πονηρία ab? Schien ihm sogar der *Gedanke* an Untugenden des Verschiedenen auf einem Grabstein unpassend? Jedenfalls ist Peek dieses Mal der griechischen Neigung zur Antithese nicht gerecht geworden. Indes tritt der einprägsame existentielle Sinn im Vers οὐχὶ πονηρὸς ἐὼν, ἀκρισίᾳ δὲ Τύχης deutlich hervor: Es war nicht Theopeistos’ Schuld, dass er früh starb, sondern lediglich die Blindheit des Schicksals; vgl. das Motiv der Auflehnung gegen die Weltordnung in der griechischen Grabesdichtung, wovon das oben (Kommentar zu GG 219) schon erwähnte Epigramm GVI 1906 eine lebhafte Vorstellung gibt.

325 (S. 190) – Im Komm. (S. 312) begeht Peek, wie PHerm. bemerkt, einen Flüchtigkeitsfehler: Statt der Verstorbenen Laodike nennt er den Namen ihres Mannes.

328 (S. 192) – GG ἐ<ν>ί, GVI 1366 ἐπὶ. Die Verbesserung in GG sollte man dankbar annehmen; denn ἐν, ἐνί, εἰν verbunden mit δώμοισι oder δόμοις sind im griechischen Epigramm gang und gäbe, und zwar in dem Sinn, den der Kontext an der besprochenen Stelle fordert (seit Hom. *Od.* IV, 97; V, 6 bis Quint. Smyrn. *Posthomer.* VII, 349; IX, 143; zu vergleichen wäre Arsph. *Nub.* 1159 mit ἐνί, ebenso AG IX, 287, 5). – Stilistisch unglücklich findet PHerm. die Wendung “machte ich voll”, von welcher Peek auch in 330 (S. 194 f.) Gebrauch macht.

333 (S. 194) – PHerm. setzt ein Fragezeichen als Ausdruck eines nachvollziehbaren Bedürfnisses nach mehr Klärung im rätselhaften, obwohl mehrfach behandelten Gedicht (GVI 1812 = CIRB 121).

334 (S. 196 f. = GVI 1485) – ἐκ μακάρων deutete Peek als “glücklicher Eltern Sohn”, womit gemeint ist, dass die *Eltern* des Gorgias gestorben sind. PHerm. dagegen schreibt: “mit dem Willen der Seligen (*Götter*)” und verweist dabei auf GG 343, 8, wo der Bezug von μακάρων auf die Götter außer Zweifel steht. Die von PHerm. vertretene Deutung kann nach der Sichtung vieler Belege in TLG als sicher gelten (so z. B. Apoll. Rhod. I, 901; II, 606; AG VII, 359, 2; 533, 2 etc). Im Komm. Peeks bezweifelt PHerm. (S. 313, *in marg.*) die Auslegung im Sinne eines Gymnasiums der Älteren (πατέρες) neben einem der Junioren (νέων). PHerm.s Zweifel aufgreifend, möchte ich – unter Voraussetzung eines beachtlichen Hyperbaton in Z. 7–8 – vorschlagen, dass die Senioren (πατέρων) einst jung waren (πρόσθε νέων); Gorgias leitete nun jene und die

nachfolgende Jugend sowohl in allgemeinen Leibesübungen (ἐπὶ γυμνάδος) als auch in der militärischen Ertüchtigung an (ἐπὶ φιλόπλου ἀγέλας, s. *LSJ* s. v. ἀγέλη). Oder doch im Geiste Peeks: Sind πατέρες einfach junge, aber schon verheiratete Männer?

335 (S. 196 f. = *GVI* 1545) – Zu παῖδά σ' konjiziert PHerrm. vorsichtig παῖδας, was geistreich, wenn auch nicht ganz sicher ist. Am Ende des Gedichts fällt PHerrm. noch eine Schwierigkeit auf: οὐ σοι Φερσεφόνη ... οὐδέ τις Ἄϊδη ("noch irgendwer sonst im Hades" bei Peek), wie auch J. Keil, *Anz. Wien* 1, 20 mit Taf., den Text las (in *GVI* liest Peek: οὐδέ τι σ', Ἄδη). – Bei Alkyon ist wesentlich, dass bevor sie und ihr Gatte Keyx sich als Vögel jedes Jahr treffen, um in der 'alkyonischer Stille' Nachkommen zu zeugen (*coeunt fiuntque parentes*: Ovid. *Met.* 11, 744), hatten sie zuerst eine Schar Kinder verloren – deswegen war Alkyon nicht nur Sinnbild der treuen Gattin, sondern auch einer klagenden Mutter. Deswegen prägt der Dichter von *GG* 335 das Bild der Alkyone als Mutter, die um ihre Tochter Paula klagt (W. Roscher, *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* I [Leipzig–Berlin 1884–1886] 250).

340 (S. 198 f.) – Da Peek "Pisidien" für PHerrm. zu weitläufig ist, setzt er eine genauere Ortsangabe hinzu, nämlich *Adada*, unter Verweis auf *LR–GVI*, S. 22 (s. außerdem: ders. *Bull. ép.* 1977, 553, wo Robert in Zusammenhang mit dem Ethnikon Ἀδαδεύς ebenso über *Adada* in Pisidien Auskunft bietet).

343 (S. 200 f.) – Die astronomische Z. 6 (παρ' κέρασ ὠλενίης αἰγὸς ἀνερχόμενος) ist schwierig. Peek übersetzt: "Horn der Ziege (Capella) im Ellbogen des Wagenlenkers (Auriga)"; PHerrm. unterstreicht die letzten Worte. Der Vers erinnert an Arat *Phaenom.* 163 f. Könnte das ein Hinweis auf die Todes- oder auf die Geburtsstunde des nunmehr Verstorbenen sein? Vgl. Peek im Komm. zu *GG* 304.

347 (S. 202 f.) – PHerrm. scheint der V. 8 "wenn er ihm (d. h. ein milder Gott dem Witwer – A. G.) die Hand aufs Haupt legte" (so Peek) zur Besänftigung des Leids des Verlassenen einer Erläuterung zu bedürfen. Den Kummer des einsamen Gatten vermag kein Gott durch eine heilbringende Auflegung der Hand zu lindern, obwohl die Götter dies mitunter vollbringen; typisch ist Hom. *Il.* I, 194 sqq., wo Athena auf diese Weise den Zorn Achills beschwichtigt: ξανθῆς δὲ κόμης ἔλε Πηλεΐωνα.

350 (S. 204 f.) – PHerrm. will in der Anrede ὦ Φθόνε καὶ Πλουτεῦ die Konjunktion beibehalten: "O du Neidgott *und* Pluteus". Peek erklärt im Kommentar (S. 314), dass er in Pluteus-Pluton-Phthonos ein und dieselbe (böse) Gottheit sieht, was kaum zu überzeugen vermag.

351 (S. 204 f.) – Vorsichtiger und wahrscheinlicher wäre es, θρεπτὴ als t. t. '(freigelassenes) Pflegekind', und nicht, wie Peek, als 'Tochter' zu übersetzen. Denn man kennt viele Inschriften, in denen Kinder und Pflögetöchter in ein und demselben Text – auch gefühlsmäßig auf einer Ebene – in einem Atemzug genannt werden: *IK, Prusa ad Olymp.* I, 2, 101, 2 τῇ ἐαυτῆς θρεπτῇ καὶ

ἀπελευθέρῃ oder TAM V, 1, 168, 6 wo θρεπτή und θυγάτηρ nebeneinander stehen; umgekehrt steht in TAM II, 1–3, 926, 10 θρεπτή (teilweise rekonstruiert) neben, aber getrennt von τέκνοις etc.

352 (S. 204 und Komm. S. 314) – Bei der (m. E. gelungenen) Rekonstruktion des Familienstammbaums des Rusticus in Peeks Kommentar streicht PHerrm. bei Pompeia das falsche Epitheton “die Erste”.

353 (S. 206 f.) = GVI 1763 – Mit dem Verweis auf *Sabini* – eine Region statt einer konkreten Ortschaft – als Fundort (in beiden Ausgaben Peeks) ist PHerrm. unzufrieden. Schon bei Kaibel *EpigrGr* 651 hieß es präziser ‘Scandriglia, in vico Sabinorum’.

354 (S. 206 f.) – Das Partizip im letzten Vers (ἀνέρος ἐν μνήμῃ πάντα φυλασσομένη) deutet Peek medial: “bewahrt sie (*scil.* die Verstorbene – A. G.) im Gedächtnis, was auch immer (πάντα) sie von ihrem Manne empfangt”. Indes ist hier nach PHerrm. das Passiv wahrscheinlicher und dem muss man mit Bestimmtheit beipflichten. Der Sinn wäre dann: “sie bleibt jung wie sie war und immer oder ganz (πάντα) im Gedächtnis ihres am Leben gebliebenen Mannes”. *Pape-Sengebusch* führen zu diesem Wortgebrauch Hesiod. *Erga* 263, 561, 694 und Soph. *El.* 1000 an; zu einem adverbialen πάντα im Sinne ‘immer, ewig’ im griechischen Epigramm vgl. AG XII, 248, 2; 254, 2, v. a. jedoch eine sehr ähnliche Aussage bei Meleager (AG XII, 106, 3): πάντα δὲ κείνος ἐμοὶ φαντάζεται. Mit anderen Worten: Nicht im Himmel wird an Irdisches gedacht, sondern auf Erden an die nunmehr Verstorbene.

361 (S. 210 f. und Komm. S. 315) – PHerrm. fehlt ein Hinweis auf den Dialekt dieses Gedichts; seiner Meinung nach hat sich außerdem Peek im Kommentar zu undeutlich über einen ‘Rundschild’ geäußert, auf dem der Text angeblich geschrieben stehe (in GVI 1645 war dieses Detail etwas klarer dargelegt). – In der letzten Zeile der Übersetzung ist natürlich ‘weiterlebenden’ zu lesen.

372 (S. 214) – Statt *Antium* in GG stand im Lemma von GVI: *Rom*.

374 (S. 214) – PHerrm. verlangt nach einem genaueren Hinweis auf den dorischen Dialekt des Gedichts.

375 (S. 214 und Komm. S. 316) – Zum Stil hätte Peek erwidern können, dass auch beim griechischen Verfasser die Metrik am Anfang der ersten Zeile inkorrekt ist. Mit der Übersetzung Peeks, welcher in Kommentar die Worte ἐποίει Διόδωρος als “Von Diodoros” wiedergibt, ist PHerrm. unzufrieden, denn die Formel bezeichnet v. a. die Errichtung des Denkmals und das müsste deutlich gesagt werden. Von den eigentlichen Pflichten des Witwers (der wohl mit Diodoros identisch ist) spricht der Epigramm-Dichter in seinem Zweizeiler selbst.

380 (S. 216 f.) – Peek setzt hier eine durch Punkt markierte Pause: ταῦτα οἱ σύσκηνοί σου λέγουσι, entsprechend seine Übersetzung von ταῦτα als “soweit davon”. Er fasst also dieses Einwort-Kolon als Abschlussfloskel auf – im Griechischen existieren in der Tat Wendungen wie καὶ ταῦτα μὲν τοιαῦτα (Soph.

El. 696) oder καὶ ταῦτα μὲν ᾧδε ἔχει (Hdt. III, 3, 1). PHerm. findet jedoch – soweit man seinen Gedanken nachvollziehen kann – einen brachylogischen Kolloquialismus dieser Art auf einem Grabstein, und sei es in einem prosaischen Zusatz zu einem poetischen Text, merkwürdig. Bislang wurde keine Parallele dazu vorgeschlagen. Deswegen wäre eine andere Möglichkeit zu erwägen: Ohne den Punkt nach ταῦτα würde der Abschluss der Inschrift heißen: “Das (d. h. Folgendes, vgl. Beispiele in *LSJ* s. v. οὔτος, C. I, 2: *Il.* XIII, 377; *Od.* II, 306; Aesch. *Prom.* 370 etc.) sagen dir deine Kollegen”, worauf die übliche Ermunterungsformel an die Verstorbenen folgt: εὐψύχει <N. N.>, οὐδεὶς ἀθάνατος.

385 (S. 218 f. und Komm. S. 316) – Peek spricht von unter dem Epigramm abgebildeten Symbolen der Kunstfertigkeiten des Verstorbenen: PHerm. möchte wissen, welche Symbole dies wären.

393 (S. 224 f.) – In V. 8 der Flüchtigkeitsfehler ‘Schöne’ statt ‘Schönheit’.

394 (S. 227) – ‘hochgepriesen’ ist bei Peek falsch geschrieben.

395 (S. 226) – Zu *Bithynien* (so auch *GVI* 1324) vermerkt PHerm. präzisierend: *Nikaia*.

396 (S. 226 f.) – Zu der Ortsangabe φίλοις σταδίοισιν, die Peek mit “in dem Umgang deines geliebten Gartens” wiedergibt, setzt PHerm. auf die Fragwürdigkeit dieser Erklärung hinweisend, ein Fragezeichen. Man sollte allerdings berücksichtigen, dass στάδια in der Tat auch ein Platz für Bestattungen sein konnte, wie uns *AG Append.* II, 658 lehrt: ἐν σταδίοις ἐσορᾷς με νέκυν... Die Namen Κατάφρονις und Μεσσία mögen auf den ersten Blick seltsam anmuten, jedoch geht der letztere Name auf den Frauennamen *Messia* (masc. *Messius*, beide aus *gentilicia* gebildet) zurück (H. Solin, *Die stadtrömischen Sklavennamen. Ein Namenbuch* [Stuttgart 1996] 19).

397 (S. 228) – Der Lesart ‘Ομόρας in *GG* entsprach in *GVI* 1480 ‘Ομόρης.

398 (S. 228 f.) – Die Worte “als jungen Ehemann” in der Übersetzung Peeks sind von PHerm. unterstrichen – Peek fügte sie als eine Selbstverständlichkeit hinzu. Wichtiger ist m. E. die Erwähnung der “Klägerin der Frühe” (ὀρθρογόη, in Hes. *Erga* 568 auch ὀρθογόη), also der Nachtigall, welche zusammen mit der Schwalbe einen jahreszeitlichen Rahmen schafft. Nymphios – ein Name wie geschaffen für das im Epitaph beschriebenen Los! – durfte seine Ehe mit Epiphania nur etwa ein halbes Jahr genießen, nämlich von der sommerlichen Zeit der Nachtigallen bis zur Wiederkehr der Schwalben im Frühling. – καὶ γὰρ ἔοικε könnte man als relativierende Floskel oder als deontologische Beteuerung auffassen – Letzteres würde besser zu einem Trauergedicht passen.

399 (S. 228 f.) – Eine *conjectura palmaris* PHerm.s zum verdorbenen deutschen Text Peeks: statt “lebst in Leben” in Peeks *GG*-Übersetzung (S. 229) ist “lebst ein Leben” zu lesen (im Original: ζῶεις).

400 (S. 228 f.) – Die Übersetzung von ὑπάτοις als “Senatoren” macht PHerm. zu Recht stutzig, da Konsuln (ὑπατοὶ / ἄρχοντες / στρατηγοί) und

Senatoren (βουλευταί / γέροντες / πρόβουλοι / σύμβουλοι / σύνοδοι) keinesfalls identisch sind; zu den griechischen Bezeichnungen der römischen Magistrate s. H. J. Mason, *Greek Terms for Roman Institutions* (Toronto 1974) 165–167, 121–124 *resp.*

409 (S. 232 f.) – ἱατρῶν πρόμος heißt mutmaßlich “der beste der Ärzte”, nicht deren “Vorsteher” wie Peek übersetzt. Vielmehr könnte gerade der später genannte Theodoros ἀρχίατρος – bei Peek als ‘Gemeindearzt’ interpretiert – ein ‘Vorsteher der Ärzte’, gleichsam ein ‘Oberarzt’, bedeuten. Dass PHerm. mit seinem Vermerk “Erklärung?” etwas mehr über den familiären Hintergrund hören möchte, ist begründet und kann m. E. beantwortet werden. Zwei Theodore aus einer Familie begruben einen dritten und älteren, der Acilius Theodorus hieß und ein hervorragender Arzt war; die Frau eines dieser drei – vermutlich des Sohnes des Verstorbenen, versorgt das kleine Kind, beständig in tiefer Trauer verweilend.

412 (S. 234 f.) – PHerm. notiert, dass ein Vergleich mit GG 378 für einen inhaltlichen Komm. nützlich sein könnte.

414 (S. 234 f.) – V. 2 ist mit seiner Wendung παντάπασιν ἐξιῶσας τὸν λόγῳ hermeneutisch spannend; die Übersetzung Peeks “der jedem Dichtertext in Vollkommenheit gerecht wurde“, die im Komm. zusätzlich als auf Melodie und Rhythmus bezogene Kunstfertigkeit eines Sängers oder Schauspielers erläutert wird, verdient durchaus jenes Fragezeichen, welches PHerm. *in marg.* setzte. Nach der Durchsicht der hier gebrauchten Wörter in TLG wird klar, dass τὸ ἐν λόγῳ vorwiegend die intellektuelle Sphäre bzw. das theoretische Wissen in der Mathematik, Philosophie oder Medizin bezeichnet. Dem Wortlaut des Gedichts folgend, war Menekles als Pyrrhoniker, d. h. ein regelrechter Skeptiker, diesen Disziplinen vollkommen gewachsen: παντάπασιν ἐξιῶσας. Aber nicht nur hierdurch zeichnete sich der kritische Geist des jüngst Verstorbenen aus, sondern auch durch seine Fähigkeit, den bewusst gewählten Lebensweg gelassen zu wandern.

417 (S. 237 und Komm. S. 318) – PHerm. ist mit der Peek’schen Wendung “der mir die Ehren einer Heroine erwies” als Übersetzung von ἀφηροίξας nicht zufrieden, welche jedoch angesichts der Spezifik des griechischen Ausdrucks dem Sinn zu entsprechen strebte. Ein ähnliches Zeichen der Unzufriedenheit PHerm.s steht bei der prosaischen Überschrift zu GG 417 (“zur Heroine erklärt”), bei Peek im Komm. ad loc. in lateinischer Transliteration, im Lemma zu GVI 1197 im griechischen Original zitiert: Οὐλπίαν Νοβίαν Οὐλτεινία Βασιλόκληαν. Peek sagt nun, dass die Heroisierte u. a. *Ultinia* hieß – dies ein Irrtum Peeks bzw. eine wesentliche Verbesserung vonseiten PHerm.s. Denn Οὐλτεινία in der Überschrift verweist – wie PHerm. mit seinem *Voltiniā* mit dem langen Vokal am Ende und dem Abl. *tribu* daneben andeutete – auf die römische *tribus Voltinia* (z. B. *testes de Voltinia* bei Cic. *Pro Planc.* 54, 2), zu der viele *coloni Romani* an verschiedenen Orten gehören sollten. Über *Voltinia* –

in den lateinischen Inschriften oft zu VOL(T) verkürzt – s. den Artikel *Voltinia* von Chr. Habicht, einem lebenslangen Freund P. Herrmanns, in *RE Suppl.* 10 (1965) 1113–1125. Besonders bekannt als römische, der *Voltinia* zugörige Bürger, waren viele Bewohner der Stadt Philippi; wegen des Paulusbriefes *ad Philipp.* kommt der Bezug auf *Voltinia* öfter vor. Es bleibt nur hinzuzufügen, dass in der griechischen Überschrift zu GVI 1197 bzw. bei Hiller v. Gaertringen in *IG XII*³, 870₂ die Form Οὐλτεινία als Dativ zu verstehen wäre und ein *iota subscriptum* gedacht werden müsste, also Οὐλτεινία, wie es in einer von Habicht, *op. cit.* 1123₅₂, zitierten Inschrift belegt ist.

418 (S. 237) – Peek hat λείπουσα δεσμόν als “die Fessel gelöst” übersetzt; PHerm. schreibt in *marginē* “zurückgelassen” und behält damit recht: Der Tod löst den Körper, der Verstorbene *verlässt* ihn.

419 (S. 238 f.) – PHerm. vermerkt nach dem Apparat von GVI 1713, dass die Büsten der beiden Brüder an der Grabstätte erhalten sind. Zum Akk. ζήσαντα in Z. 8 notiert er, dass hier ein Genitiv zu erwarten wäre. Am ehesten ist dieser Anakoluth eine Nachlässigkeit des Steinmetzen, und Z. 6 mit ihrem (berechtigten) Akkusativ (σπεύσαντα) klingt nach.

427 (S. 244 f.) – Dass Peek πάτρης ἄνθος εὐστεφάνου mit den Worten “schön ummauerte Heimatstadt” übersetzt, überzeugt kaum. Bei dieser Metapher geht es nicht um die Stadtmauer als etwas Kranzähnliches, sondern um die Personifikation der mit Glück bekränzten Heimatstadt – so schon bei Hom. *Il.* XIX, 99 (Theben) oder *Od.* II, 120 εὐστέφανος τε Μυκῆνη; vgl. ἰοστέφανοι als Epitheton Athens in Arsph. *Equ.* 1329.

430 (S. 246 f.) – In V. 5 des Dialogs mit dem Toten heißt es vor dem Abschiednehmen γενναῖά σου καὶ χαῖρε, was syntaktisch rätselhaft wirkt. Die Übersetzung “Dank für deine Freundlichkeit” bei Peek ist von PHerm. unterstrichen und verdiensterweise angezweifelt worden. Aus *LSJ* s. v. γενναῖος kann man allerdings sehen, dass dieses Lexem im kolloquialen Griechisch in einigen Floskeln vorkam. Tatsächlich lässt sich mit Hilfe des elektronischen Thesaurus eine vorzügliche Parallele zu unserer Stelle finden, nämlich Lukian, *Vit. auct.* 564 Iacobitz γενναῖά σου καὶ δεινῶς ἀνδρικά und *Pisc.* 594 Iacobitz γενναῖά σου ταῦτα, wo γενναῖα ein Neutrum und die ganze Wortverbindung beinahe zu einer Interjektion wie σοφῶς oder ‘bravo’ geworden ist.

437 (S. 250) – Das Wortpaar ὁμοτόκοις ὠδῖσι hat Peek mit “unzeitigen Wehen” übersetzt, was zwar nicht falsch ist, aber PHerm. nicht präzise genug erschien, da mit diesem Ausdruck eine Frühgeburt gemeint wird (Callimach. *Hymn.* 4 [*In Delum*] v. 120: ὁμοτόκους ὠδῖνας, vgl. scherzhaft von der wilden Rebe AG IX, 561, 8). Im zweiten Grabgedicht für dieselbe Ammonia findet PHerm. die Wiedergabe des Syntagmas νήπιον ἡλικίην (Z. 14) als “törichte Jugend” mit Recht unpassend. Peek dachte wohl, dass eine 35jährige Frau schon halberwachsene Kinder haben müsste. Aber νήπιος fordert eine andere

Lösung: War es nicht vielleicht die zweite Ehe der Mutter und wäre der Ausdruck “unbesonnenes Kindesalter” nicht am vorsichtigsten?

438 (S. 252 f.)– In V. 10 möchte PHerm. ζῶας ἀμετέρας nicht mit dem Personalpronomen im Sing., sondern gemäß dem Ausgangstext im Plur. wiedergegeben sehen. Hierbei tauchen folgende Fragen auf: (a) Hatte Peek nicht das Recht, den *plur. pro sing.* formal zwar anzuerkennen, dem Sinn nach aber einen Singular vorzuziehen? – und (b) Las PHerm. in dieser Wendung einen einfachen Plural? Aus meiner Sicht wäre die Übersetzung mit Sing. einsichtiger, diejenige mit Plural aber geschickter, da hiermit die stilistische Ambivalenz des Originals beibehalten wird.

447 (S. 260 f.)– Peek übersetzt μήπω με βίου σχεδὸν ἔνδοθι βάντα mit “kaum ... die Fahrt meines Lebens angetreten”, was in der Tat banaler wirkt als die Wendung im Original.

449 (S. 262)– PHerm. macht auf den Unterschied in Peeks Apparat zu GVI 1938 aufmerksam, wo man “Basis und Relief (Büste)” liest, und nicht wie hier “Altar mit Büste”.

454 (S. 266 f.)– ‘sonsten gar nichts’ für ἄλλο δ’ οὐδὲ ἔν verurteilt PHerm. offenbar vom Standpunkt des deutschen Stils.

459 (S. 270 mit Anhang S. 350)– In metrischer Übersetzung gibt Peek rührenderweise der verstorbenen Aristopolis (V. 8) den Kosenamen Aristo.

460 (270 f.)– Statt ‘wie’ bei Peek würde PHerm. ‘als’ übersetzen; die Übersetzung von κρέσσονα Φερσεφόνων als “die seine Persephone hinter sich ließ” findet PHerm. ungeschickt. Aber wie soll es angemessener übersetzt werden?

461 (S. 272 f.)– Neben den hier genannten möglichen Fundort *Korkyra* stellt PHerm. die in GVI 2002 von Peek als mögliche Variante erwogene Insel *Rheneia*. – Die Übersetzung Peeks “die feierliche Schur der Sprossen auf meinem Kinn” für ἱερὰν στόχυν findet PHerm. ungelenk. – Zwingend hingegen PHerm.s Korrektur eines Flüchtigkeitsfehlers von Peek am Ende des Gedichts: Der Name des Vaters, wie der griechische Text *en regard* sofort erkennen lässt, lautet *Heliodoros*, nicht *Hekataios*.

463 (S. 274)– “Die Reihenfolge gegenüber GVI verändert”, notiert sich PHerm. Zur komplexen Textgeschichte dieser Serie von lateinischen und griechischen Versen (= *AG Append.* VI, 236, 12 = GVI 2005 = Kaibel *EpigrGr* 547) s. Peeks Komm. in GG ad loc.

466 (S. 278 f.)– In einem Grabgedicht für eine Frau (*AG Append.* II, 410 β 4 = GVI 1981, Z. 10), vom Dichter ihrer alten Mutter in den Mund gelegt, übersetzt Peek, wie PHerm. vermerkt, bei der Wiedergabe von οἰκτροτάτῃ “mir Elendstem” statt “mir Elendster”. Offensichtlich ein Druckfehler.

471 (S. 282 f.)– Zweimal macht Peek in diesem Gedicht vom veralteten Wort “preislich” Gebrauch, welches PHerm. nicht gutheißt. Zumindest teil-

weise könnte sich Peek in diesem Fall dadurch rechtfertigen, dass das Original ebenso zweimal – in V. 7 und 18 – das Epitheton εὐκλείης bemüht.

Im *Anhang* mit Peeks *metrischen Übersetzungen* gibt es mehrere Spuren von PHerm.s Lektüre, die meist unter dem Gesichtspunkt der Stilistik entstanden sind und zuweilen sein Unbehagen an der Diktion Peeks Ausdruck verleihen. Zudem fehlt bei Peek in den Versübersetzungen von GG 99 und 100 (S. 334) jeweils der letzte, zusätzliche Vers (vgl. S. 82). Die schöne Junktur κυδιάνειρα κόνις im Gedicht 130, 2 wird von Peek als “Wiege von Männern der Tat” wiedergegeben, was wirklich nicht jeden Aspekt des griechischen Ausdrucks nachbildet; im Gedicht 288 haben die Wörter “du und die Moiren” im Original keine Stütze; und dgl. mehr.

Im *Verzeichnis der Gottheiten, Heroen etc.* wird zu Χρόνος zusätzlich 164, 13 genannt. In demjenigen der *Geographischen Namen* sind Ἄνδριος aus GG 286 und Ἀντινοόπολις aus GG 420 hinzugefügt; neben Νεῖλος ist nach PHerm. auch Νειλογενής zu verzeichnen. Im *Sach- und Motivregister* schlägt PHerm. folgende Zusätze vor: Am Ende der Auflistung s. v. *Aufforderung* nennt er noch GG 470, 480. Nach *Charon* könnte das Lemma *Christen* eingeführt werden und dort 296 (evtl.), 345, 413, 467. Unter der Sparte *Dienerinnen* vermerkt PHerm. zu 338 ‘der Begrabende’; zu *Epheben* noch 167. Zu *Frauen, unverheiratete* bemerkt PHerm.: “sehr unsicher”. Als eine Unterart von *Frömmigkeit* notiert er zu 298, 6: ‘(Frömmigkeit) des Begrabenden’. Zu *Gerechtigkeit* unter 477: “Aufforderung an Vorübergehenden”. Unter *Haus, durch den Tod verödet* setzt PHerm. hinzu: “verdunkelt 56”. Zu *Himmel, Seele im* fügt er 391 hinzu; *Juden*: 429. Unter *Jugend, Tod in der* / “Wen die Götter lieben, lassen sie in der Jugend sterben” ergänzt PHerm. 273, 4 um 314 und 324. Es finden sich weitere Vervollständigungen: *Junge* – 70; *Kindeskinder* – 68, 179, 468; *Künstler* – 222, 313; *Liebe* – 239; *Philosophen* – 312, 423; *Platoniker* – 189, 6. Im Lemma *Sänger(in)* ist statt 132 nach PHerm. 133 zu schreiben. Unter *Säugling* ist 401 zu ergänzen; bei *Sklaven* ließen sich im Falle von 336 *Freigelassene* als eigene Untergruppe ausnehmen. Unter *Sterne* nennt PHerm. zur Wortgruppe “ein Stern geworden” bzw. “unter Sterne versetzt” weitere Belege. Bei *Tränen* wäre 79 hinzuzufügen; zu *Trostgründe* 314, 324, 333, 343, 347, 391.

Im *Griechischen Index* (S. 375 f.) möchte PHerm. δίκαιος aufgeführt sehen und auf das Lemma *Gerechtigkeit* im *Sach- und Motivregister* einen Verweis finden; in δόξα zu 281, 8 vermisst er die Erläuterung ‘der Lebenden’; zu εὐλογία in 106, 2 präzisiert er “der Begrabende” (scil. wird gelobt).

Zusammenfassung und Schlussfolgerungen: P. Herrmanns punktuelle, jedoch über das ganze Buch verteilte Bemerkungen zum Peek’schen Band der *Griechischen Grabgedichte* gingen natürlich in viele Richtungen. Seine Marginalnotizen gelten verschiedenen Aspekten dieser Anthologie und betreffen solche Kategorien wie die Textkritik, *aliter supplenda*; *grammatica*; Deutungen einzelner Motive und Stellen; Kritik an Peeks Übersetzungen; Realien; *geographica* etc. Aus der Summe der oft nur aus Unterstreichungen bestehenden Marginalien PHerm.s folgt m. E.:

a) Diplomatisch ist GG noch weniger verlässlich als GVI, obwohl man von GG als einer *editio minor* mehr Präzision als in den vorangegangenen GVI erwarten dürfte (z. B. 463, 481 et passim). In Peeks GG werden weder rekonstruierte Stellen noch kleine, dem Kontext entnommene Zusätze angezeigt.

b) Was Geographie und Realien betrifft, zeigt Peek öfter Schwächen; man muss zwar zugestehen, dass er anders als L. Robert oder P. Herrmann, die ihre geographischen Kenntnisse des griechischen Kulturgebiets vor Ort überprüfen konnten, diese Möglichkeiten in der Nachkriegszeit kaum hatte; aber selbst dem früher Erreichten gegenüber war er in dieser Hinsicht viel nachlässiger.

c) Von Zeit zu Zeit unterlaufen Peek im GG-Band Flüchtigkeitsfehler, welche auch im Komm. und sogar in den Lemmata (so zu 461, 466 et al.) auftreten. Wenn auch von vornherein klar ist, dass die Übersetzungen, bes. die metrischen, nicht allen gleich gefallen können, ist Peeks Stil bisweilen etwas eigenwillig.

d) Peeks hermeneutische Kunst zeigt natürlich ihre Grenzen; ich würde sie aber insgesamt beachtlich finden. Peek dichtete, besonders wenn es um die breiteren Lücken ging, nicht nur *gerne* auf Griechisch, sondern auch aus guter Kenntnis der Materie heraus. Desto bemerkenswerter ist es, dass PHerm.s sorgfältige Lektüre bei W. Peek zweifelhafte und sogar falsche Deutungen ausmachte, sowie eigene Verbesserungsansätze vorschlug. Dabei stellte PHerm. in seinen Marginalien oft gleichsam kleine hermeneutischen Aufgaben, die ich auszuarbeiten versuchte.

Obwohl hinter diesen Randnotizen nicht zuletzt PHerm.s Wunsch steht, L. Roberts Besprechung von GVI auf GG anzuwenden, kam seine Lektüre in ihrer Gründlichkeit einer eigenen Besprechung der Peek'schen GG gleich, und zwar in allgemein-hermeneutischer sowie in technischer Hinsicht. Mögen Peter Herrmanns *Marginalien* – und sei es in der Ausdeutung eines Dritten – künftig als eine Art vorbildliche Lektüre der griechischen Grabdichtung gelten.

Über die Ausarbeitung und Interpretation seiner Notizen hinaus sind auch zu anderen Details der von ihm angesprochenen Gedichte einige Überlegungen des Verf., die sich im Besonderen auf die Sprache der Gedichte beziehen, in die Darstellung eingegangen. Diese seien nun dem enzyklopädischen Epigraphiker und dem Freund der klassischen Studien im europäischen Osten Peter Herrmann gewidmet.⁷

Alexander Gavrilov

*St. Petersburger Institut für Geschichte, RAdW;
Bibliotheca classica Petropolitana*

Среди книг, которые *Bibliotheca classica Petropolitana* получила из собрания выдающегося эпиграфиста П. Херрманна (1927–2002), было малое издание гре-

⁷ Der Verf. ist Christina Riedel (Halle–Wittenberg) und Marion Rutz (Trier / St. Petersburg) für die sorgfältige sprachliche Korrektur bzw. Redaktion des Textes sowie Alexander Verlinsky für seine produktive Lektüre des Aufsatzes höchst verbunden.

ческих надгробных стихотворений В. Пеека (*Griechische Grabgedichte. Griechisch-deutsch von W. Peek* [Berlin 1960]), о котором автору настоящего материала случалось говорить с Херрманном в 1992 г.: речь шла о предметном индексе к корпусу греческих эпитафий в этом изд. Пеека и о черновых заготовках А. И. Доватура к изд.: *Griechische Vers-Inschriften. Hrsg. von W. Peek* (Berlin 1955); позже опубли.: *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья* (СПб. 1993) 203–218. В экземпляре Херрманна оказалось множество почти всегда требующих некоторого истолкования маргиналий (иногда в виде вопросительного или восклицательного знака), которые несомненно интересны тем, кто занимается греческой эпиграммой. Как эпиграфист, Херрманн сверял помещенные в *GG* тексты с *GVI* и другими изданиями надписей, требовательно относясь к географической, археологической, искусствоведческой и исторической стороне дела; проявлял он внимание и к экзегезе, и к стилю. Во многих местах Херрманн находил, что издание *GG* погрешает против строгих требований работы с надписями и не дает того, что ожидается от *ed. minor*. Особенно интересны замечания Херрманна к *GG* 84, 148, 162, 214, 218, 227, 235, 283, 311, 334, 354, 375, 380, 396. 414, 417 и др. Постоянно имея в виду рецензию Л. Робера на *GVI*, Херрманн своими маргиналиями к *GG* наметил то, что можно рассматривать как разбор *GG*, выполненный в том же ключе. Экзегетические соображения Херрманна по поводу многих эпиграмм, участвуя в непрерывном процессе осмысления текстов, показывают, что в герменевтическом отношении Пеек, конечно, не всегда неоспорим, но был хорошим знатоком “греческих голосов на могилах”.

От автора настоящего материала лаконичные пометы Херрманна требовали толкования и обдумывания экзегетических возможностей применительно к затронутым деталям, а иногда и рассмотрения эпиграммы в целом. Сделанные Херрманном пометы и угадываемые за ними идеи служили толчком к дальнейшей работе. Так появляются соображения, касающиеся особенностей поэтического языка надгробных текстов; иногда предпринимается попытка уяснить черты тех житейских ситуаций, которые стояли за надгробными стихами. См. в особенности *GG* 22, 101, 166, 189, 201, 219, 235, 278, 283, 354, 380, 430.

HORAZ, SAT. 1, 1: TEKTONIK UND ZIEL

Das Lesen von Horazens Satire 1, 1 verläuft bekanntlich nicht ganz glatt, denn auf die Eingangsfrage¹ *qui fit ut nemo quam sibi sortem seu ratio dederit seu fors obiecerit, illa contentus vivat* gibt es keine befriedigende Antwort, vielmehr beginnt bei v. 28 nach dem offenkundigen Neueinsatz (*sed tamen amoto quaeramus seria ludo*) eine Abrechnung nicht, wie angekündigt, mit der in v. 1–6 angesprochenen Unzufriedenheit, sondern mit dem Geldraffen. Der Übergang ist jedoch dadurch flüssig gestaltet, dass die meisten der Typen aus v. 4–12, nämlich der Bauer, Kaufmann, Soldat und Seemann, in 28–30 wieder auftauchen; die meisten, aber gerade das Fehlen dessen, der lange schläft und dessen, der gern bei sich zu Hause bleibt, und die Kennzeichnung des Kaufmanns nicht mehr als *mercator* (v. 4), sondern als eines durchtriebenen Gastwirts² (*perfidus caupo*, 29) verdeutlicht, dass der Akzent verschoben, dass jetzt von etwas Neuem die Rede ist, von der Geldgier nämlich.³ Mit dem großartigen Schlussakkord *fortissima Tyndaridarum* (100) findet die “Diatriben” gegen das Raffen und Horten ihr Ende, mit *quid mi igitur suades?* beginnt der zweiteilige Schluss in v. 101 und mit dem Rückverweis auf v. 1 nimmt er seinen Fortgang: *illuc, unde abii, redeo: nemon ut avarus se probet* (108 f.).⁴ Die Antwort auf die

¹ Man könnte die lateinischen Worte mit Wilhelm Meisters Sentenz wiedergeben: “Wie selten ist der Mensch mit dem Zustande zufrieden, in dem er sich befindet! Er wünscht sich immer den seines Nächsten, aus welchem sich dieser gleichfalls herausseht” (*Wilhelm Meisters Lehrjahre* 1, 14).

² Zum *caupo* vgl.: H. Herter, “Zur ersten Satire des Horaz”, *RhM* 94 (1951) 22 mit Anm. 18. Die Typen des Langschläfers und des Schollenverhafteten fehlen, haben sie doch nichts mit Geldgier zu tun.

³ Auf die Unterschiede der Typen in v. 1–22 und auf die Differenz der Typenreihen in 1–22 und 28–30 wird bei J.-W. Beck (*Mempsimorie und Avaritia. Zu Einheit und Programm von Horaz’ Satire 1, 1*, Göttinger Forum für Altertumswissenschaft. Beiheft 13 [Göttingen 2007]) zu wenig geachtet, obschon auch hierüber längst Gutes geschrieben war (W. Wimmel, *Zur Form der horazischen Diatribensatire* [Frankfurt a. M. 1962] 13; Th. K. Hubbard, “The Structure and Programmatic Intent of Horace’s First Satire”, *Latomus* 40 [1981] 309); man vergibt damit die Gelegenheit, den feinen Sinn dieser Unterscheidung zu erfassen: Die Ansicht von Wimmel, die Vergrößerung in der zweiten Typenreihe solle dem Gattungscharakter des Satirischen Rechnung tragen, könnte eine Ergänzung in dem Gedanken finden, dass die Vergrößerung auch den Sinn haben könnte, die anschließende schroffe Demaskierung (*ne sit te ditior alter*, 40) der zweiten, weniger achtbaren Typenreihe plausibler erscheinen zu lassen.

⁴ Auf diese Lesart führen alle Handschriften außer dem Blandinianus, s. E. Fraenkel, *Horace* (Oxford 1957) 100: “Ist es wirklich so, dass niemand – wie der eben

Frage aus v. 1, die nämlich nach dem Grunde, warum “niemand”, wie es übertreibend heißt, mit seinem Lebensweg zufrieden ist, lautet dann am Ende in v. 110–113: Weil niemand zusehen mag, wie andere ihn überholen, ein Grund, der schon in v. 40 (*dum ne sit te ditior alter*) anklang. Der Schluss greift auf den Anfang zurück, das Gedicht scheint also gerundet, und doch bleibt der Themensprung von v. 27/28 deutlich spürbar und hat eine Fülle von Erklärungsversuchen hervorgerufen.⁵ Man hat ja seit mehr als hundert Jahren recht verschieden auf diesen Sprung, den man als Mangel empfand, reagiert.⁶ Die einen warfen dem Dichter Unfähigkeit zu glattem Komponieren vor,⁷ andere verstiegen sich gar zu der Annahme, Horaz habe eine Parodie auf schlechtes Ordnen geben wollen;⁸ ernster zu nehmen sind die, welche aus der Tatsache, dass Horaz seine Satiren als “Gespräche” bezeichnete (*Sat.* 1, 4, 42 und 48), eine Entschuldigung für eine lockere Gedankenführung ableiteten,⁹ oder aber die, welche aus der Einleitung, der “Mempsimoirie”, und dem Hauptteil der Satire insgesamt ein Generalthema abstrahierten, um so wenigstens eine gedankliche Einheit zu retten;¹⁰ so fand Beck¹¹ als das “eigentliche Thema” der Satire das Fehlen des Maßes (S. 37), verbunden mit Neidgefühlen (S. 25).¹² Das ist m. E. nicht unrichtig,¹³ nur bleibt jener Themasprung nach wie vor bestehen.

Beck fand nun einen ebenso einfallsreichen wie neuartigen Ausweg: Er verstand den großen Mittelteil v. 41–107 als “Digression” (S. 31) und verglich diese Einfügung einer sehr langen Ekphrase in einen kürzeren Hauptgedanken mit Catulls Einfügung seiner langen Ekphrasis über den Bildschmuck

beschriebene Geizhals – mit sich zufrieden ist?” Das *ut* verstand als vergleichendes Beck (o. Anm. 3) 24; Hubbard (o. Anm. 3) 311 Anm. 23 stimmte zu, als kausales fasste es E. Lefèvre, *Horaz* (München 1993) 90 auf. Ganz anders Herter (o. Anm. 2) 39–41, der ein “elatives quam” in den Text setzen wollte (*quam nemo ut*); hierzu wird unten in Anm. 82 Stellung bezogen.

⁵ Eine Liste derer, die den Sprung tadelten, bei Beck (o. Anm. 3) 12.

⁶ Die Literatur hierzu vor 1950 nennt ausführlich Herter (o. Anm. 2), die spätere führen Beck (o. Anm. 3) und O. Knorr, *Verborgene Kunst. Argumentationsstruktur und Buchaufbau in den Satiren des Horaz* (Hildesheim – Zürich – New York 2004) sorgfältig an.

⁷ Knorr (o. Anm. 6) 7 f. mit Anm. 3–7 und Beck (o. Anm. 3) 12.

⁸ Beck, *ebd.*, 9.

⁹ Vgl. bei Beck (o. Anm. 3) 12 Anm. 17. Es gab auch die Meinung, Horaz habe verschiedene Quellen ineinander gearbeitet, wobei dann jene holprige Nahtstelle entstand (Beck, *ebd.*, 14 Anm. 24).

¹⁰ Vgl. Knorr (o. Anm. 6) 7 f.

¹¹ Beck (o. Anm. 3) 35–38.

¹² Vom Neid als einem Hauptgedanken der Diatribe hatte bereits U. Knoche gesprochen, s. Beck (o. Anm. 3) 9 und 25.

¹³ Die gleiche Ansicht bereits bei G. Maurach, *Horaz. Werk und Leben* (Heidelberg 2001) 59 f.

der Bettüberdecke in die verhältnismäßig knappe Beschreibung der Hochzeit von Peleus und Thetis in C. 64. Beck stellt damit Horaz in eine kallimacheisch¹⁴-neoterische Tradition (S. 43). Nun ist der Beginn von Cat. 64 mit seiner folgenreichen Vorgeschichte jener Hochzeit ersichtlich etwas anderes als die fragende Einleitung bei Horaz, die zunächst ohne Antwort bleibt, und zudem hätte zuerst geklärt werden müssen, ob an eine Abhängigkeit des Venu-siners von Catull überhaupt zu denken ist.

I

Natürlich kannte Horaz das Werk des Catull, der nur etwa fünfzehn Jahre, bevor Horaz begann, verstummt war: Wenig freundlich spricht Horaz von epigonalen Poeten, die da Calvus und Catull herbeten (Sat. 1, 10, 19);¹⁵ und spätestens seit Friedrich Leo hat man Catulls Einfluss auf Horaz genau untersucht¹⁶ und verlässliche Beweise gefunden. Vor allem die Epoden weisen mehrere beachtliche Anklänge auf.¹⁷ *Epod.* 1, 11–14 (Horaz verspricht Maecenas, er werde ihn über die Alpen, den abweisenden Kaukasus oder “des Westens letzte Buchten” begleiten) scheint auf Cat. 11, 2–12 zu deuten (Catull sendet seine Boten zu Lesbia, mag sie auch nach Indien und östlichen Gestaden gegangen sein, zu den Hyrkanern am Kaspischen Meer oder zu den Arabern, nach Persien oder zu den Parthern, zum Nildelta oder nach Germanien, wo Caesar Ruhm gewann, oder zu den Britanniern), eine straffende Nachahmung, die Watson¹⁸ bereit war anzuerkennen (“Horace’s immediate model”),¹⁹ obschon Syndi-

¹⁴ Kallimacheisch wegen der Verse 108–112 im Apoll-Hymnus (S. 43), die vom Gegensatz klaren Quellwassers zu schlammigem Flusswasser sprechen, und zwar als Metaphern für zwei Weisen des Dichtens; diese Verse des Kallimachos nähert Beck der Sat. 1, 1, 52–60 an, wo davon die Rede ist, dass, wer lieber aus der Fülle eines großen Flusses als aus einer kleinen Quelle trinken möchte, nur zu leicht sich zu weit vorbeugt und in den Strom fällt; doch die Gedankenrichtung ist bei beiden Dichtern verschieden, wörtliche Entsprechungen fehlen, die Metaphoriken haben nichts miteinander zu tun: Man halte die beiden Stellen doch besser auseinander.

¹⁵ Das *cantare Catullum* verstand R. Heinze (Q. Horatius Flaccus, *Satiren*, erkl. von A. Kiessling, em. von R. Heinze [Berlin 1957] 162) als “nachleiern”, was immerhin dem Catull den Range des Klassikers einräumt (Fraenkel [o. Anm. 4] 129 f.; ebenso R. Mayer, *Horace. Epistles Book I* [Cambridge 1994] 160 zu *Epist.* 1, 7, 17), womit von Heinzes Bemerkung, Horaz fühlte sich von Calvus’ und Catulls Stil “abgestoßen”, abgerückt wird.

¹⁶ Vgl. die Literaturangaben bei L. C. Watson, *A Commentary on Horace’s Epodes* (Oxford 2003) 18 Anm. 119.

¹⁷ Vgl.: R. Tarrant, “Horace and Roman Literary History”, in: S. Harrison (Hg.), *Cambridge Companion to Horace* (Cambridge 2007) 70.

¹⁸ Watson (o. Anm. 16) 65.

¹⁹ C. Becker, *Das Spätwerk des Horaz* (Göttingen 1963) 241 sprach ebenfalls von Cat. 11 als dem “literarischen Vorbild”, relativierte allerdings in Anm. 11 zu der Ansicht, Catull habe das Motiv “vorgefunden”: Dann wäre das Motiv doch nur ein längst bekannter “Topos”?

kus²⁰ das Motiv “üblich” nannte und nur davon sprach (Anm. 6), dass Horaz “den Topos gekannt haben” müsse. Doch wird man eher geneigt sein, an eine bewusste Erinnerung an Catull zu denken. Horaz hätte dann die ausufernde Fülle Catulls energisch beschnitten. Auch *forti pectore* bei Horaz (v. 14) sei aus Catull hergenommen, nämlich aus C. 64, 339, wie Watson²¹ vermutet; aber diese Phrase ist zum einen viel zu allgemein, viel zu unspezifisch, um beweisend zu sein, und zweitens haben die Kontexte der beiden Stellen nichts miteinander zu schaffen: An eine Abhängigkeit wird man nicht glauben.

Von dem, was Watson weiterhin zu möglichen Catull-Übernahmen in den Epoden vorzubringen hat, davon bleibt als sicher oder auch nur möglich allzu Weniges: Gewiss ist Horazens *Epod.* 3 der catullischen Klage über ein übles Gastgericht, nämlich über ein frostiges Buch, das ihm eine Erkältung eintrug (C. 44), gut vergleichbar, und Fraenkel²² hat die Gedichte denn auch verglichen und in ihrem Unterschied gekennzeichnet, aber mehr als “remarkably Catullan in their tone of jocular familiarity”²³ kam nicht heraus.²⁴ Beachtenswert scheint dagegen die Ähnlichkeit von *Epod.* 5, 69–72 mit Catull. Canidias Liebhaber schläft, so stellt sie sich vor, auf Polstern, die sie mit allerlei Zaubermitteln gegen etwaige Liebesempfindungen für andere Hetären eingerieben hat (*unctis omnium cubilibus oblivione paelicum*). Doch ihre Mühe des Lockens und Gefeitmachens war umsonst, denn offenbar wandelt er (*ambulat*, 71) frei von aller Verzauberung umher. Watson²⁵ nähert die Wortfolge *omnium cubilibus...ambulat* den Catull-Versen C. 29, 6 f. an (*perambulat omnium cubilia*), und auch Fraenkel²⁶ hatte gestutzt: Man könne wohl an eine Reminiszenz, vielleicht an eine unbeabsichtigte denken. Auch *Epod.* 8 ist zu beachten: Der widerwärtigen Alten attestiert Horaz *mammae putres* (v. 7), was Watson²⁷ nach Kroll²⁸ mit der Metonymie “Ganzes (Oberkörper) für Teil (Brust)” in Cat. 64, 351 *putrida pectora* vergleicht; man wird ein Zitat angesichts der Natürlichkeit der Kennzeichnung nicht für gesichert halten,²⁹ aber eine vage Möglichkeit

²⁰ H. P. Syndikus, *Catull, Erster Teil (Einleitung, Die kleinen Gedichte 1–60)* (Darmstadt 1984) 122.

²¹ Watson (o. Anm. 16) 66.

²² Fraenkel (o. Anm. 4) 68.

²³ Watson (o. Anm. 16) 19.

²⁴ Vgl. Watson, *ebd.*, 37 zu v. 4 vage: “possibly” und “something”.

²⁵ Watson, *ebd.*, 237.

²⁶ Fraenkel (o. Anm. 4) 65 Anm. 1.

²⁷ Watson (o. Anm. 16) 299.

²⁸ W. Kroll, *Studien zum Verständnis der römischen Literatur* (Darmstadt 1924, 21964) 189.

²⁹ Ähnlich wie mit Cat. 64, 351 steht es mit *Epod.* 12, 5 f., verglichen mit Cat. 69, 6–8: Im “Tal der Achsel wohnt ein schlimmer Ziegenbock”, und mit dem wolle kein Mädchen

bleibt, dass nämlich Horaz die hohe Stilisierung Catulls auf das Niveau des Satirischen reduzierte.

Erheblich sicherer scheinen die Entsprechungen zwischen Horazens 17. Epode und Catull. In dieser Palinodie erbietet sich das Ich, der Zauberin Canidia einen Lobgesang zu widmen und zu singen: "Du Züchtige, Du Rechtschaffene! (Du wirst das Sternenreich als goldenes Gestirn durchwandeln)"; Horaz spricht die Frau mit *tu pudica, tu proba* in 40 f. an und beruft sich anschließend darauf, dass auch *Castor... fraterque magni Castoris* (42 f.) versöhnt dem Dichter, der ihre Schwester gekränkt hatte, später doch verziehen habe. *Tu pudica, tu proba* ähnelt doch sehr dem catullischen *pudica et proba* (C. 42, 24), mit welchen Worten das Ich diejenige, die er eben noch als *moecha putida* angefahren hatte (v. 11 und 19), umzustimmen sucht. Die Formulierung des Horaz in v. 42 f. nannte Kroll³⁰ "Nachahmung",³¹ ähnlich Watson ("reminiscence").³² Nimmt man hinzu, dass *Castor... fraterque magni Castoris* nach einer Variation von Cat. 4, 27 *gemelle Castor et gemelle Castoris*³³ klingt, wobei das Metrum den Epodendichter gewiss nicht zu seiner Umschreibung zwang, dann scheint in der Tat eine Catull-Reminiszenz³⁴ vorzuliegen.

Was sich bisher ergeben hat, könnte man so beschreiben: Einige Phrasen des Horaz, die spezifisch genug scheinen, um eine gewisse Seltenheit zu garantieren, können sehr wohl auf Catullisches zurückgehen, dessen der

"liegen" (*cubet*, 8); bei Horaz weist das sprechende Ich eine Frau ab, die übel riecht, wegen eines Nasenpolyps vielleicht oder weil *gravis hirsutis cubet hircus in alis* (5). Horazens "immediate model" sei auch hier Catull (Watson [o. Anm. 16] 387). Bei Horaz erinnert die Frau zudem daran, dass sie dem Liebhaber Kleidergeschenke gemacht habe (v. 21–24), und auch bei Catull in v. 3 ist von solchen die Rede – ein Zitat? Bedenklich ist aber, dass bei Catull der Liebhaber mit seinem Bockstal daliegt, bei Horaz ist es die Frau, bedenklich auch, dass bei Horaz die Frau Kleidergeschenke macht, bei Catull der Mann. Aber ein solcher Tausch der Geschlechter wiegt angesichts der Gleichheit der Motive nicht schwer, und in der in Rede stehenden Epode 12 (v. 21) findet sich auch die Wortverbindung *vellera lanae*, die bei Catull ebenfalls in einem seiner Gedichte auftritt (C. 64, 318 f.): Dachte Horaz also bei der Abfassung seiner Epode an Catullisches? Die Annahme einer wie auch immer gearteten Reminiszenz scheint nicht unmöglich.

³⁰ Kroll (o. Anm. 28) 79.

³¹ Syndikus (o. Anm. 20) 229 Anm. 24 beließ es bei einem "Wie Hor. *Epod.* 17, 40 f."

³² Watson (o. Anm. 16) 562.

³³ Man beachte, dass Horazens Umschreibung nicht so verspielt ist wie die des Catull, der auch *gemelle* spielend wiederholt.

³⁴ Fraenkel (o. Anm. 4) 65 Anm. 1 rechnete allerdings mit der Möglichkeit eines unbeabsichtigten Anklangs. Das *perambulabis* bei Horaz v. 41 sollte man nicht mit Cat. 29, 7 zusammenbringen, wie Watson (o. Anm. 16) 563 versucht, ohne allerdings von einer direkten Nachahmung zu sprechen.

Iambendichter sich beim Formulieren entsann, und zwar wird man das aus heutiger Sicht dann behaupten dürfen, wenn weder in der griechischen noch in der lateinischen Literatur genau Vergleichbares nachgewiesen ist, aus welchem Nachweis man dann schließen dürfte, dass Horaz seine Formulierung auch von anderswoher bezogen haben könnte als aus Catull. Ergeben hat sich aber auch, dass ein hohes Maß an Misstrauen nötig ist, bevor man von Abhängigkeit oder Reminiszenz von Wörtern und Wortverbindungen spricht; insbesondere sollte man dann misstrauisch sein, wenn jemand aus sehr weit auseinander liegenden Stellen auf “Anklänge” schließt; und immer dann wird man vorsichtig bleiben, wenn zwei Texte lediglich thematisch oder motivisch ähnlich sind ohne deutliche Wortbezüge.³⁵ Als sichere Nachwirkungen Catulls könnten dann gelten: Hor. *Epod.* 1, 11–14 ~ Cat. 11, 2–5; *Epod.* 5, 69–72 ~ Cat. 29, 6 f.; *Epod.* 17, 40–47 ~ Cat. 42, 24 zusammen mit 4, 27.

II

Wenden wir uns jetzt den Satiren und Oden zu. Um es gleich zu Beginn zu sagen: In den Satiren ist kein einziges Beispiel einer Catull-Nachahmung aufgedeckt worden. Zwar ist *Sat.* 1, 7, der Wortwettkampf zwischen dem griechisch wortgewandten Persius und dem grobschlächtig polternden Pränestiner Rex, der mit einer überraschenden Pointe endet, zuweilen mit Cat. 53 und seiner Schlusspointe, dem Witz über das beredte Kerlchen, das *salaputium disertum*, verglichen worden,³⁶ die Stücke ähneln einander nur im Bau, in der überraschenden Schlusspointe, sonst nicht. Auch *Sat.* 1, 8, 1 *olim truncus eram... deus inde ego* hat Fraenkel³⁷ dem Catull-Gedicht C. 4, 10–12 (ein Schiff, jetzt aus dem Verkehr gezogen, war einst aus gutem Holz) angenähert; er leitete beide gemeinsam von einem griechischen Erzähltypus der Form “Einst – Jetzt” her, sprach jedoch nicht von Imitation. Wohl aber könnte die Identität der Wortverbindung *tarda podagra* in *Sat.* 1, 9, 32 (nicht Schwert, nicht Gift werde das Ich töten, sondern ein *garrulus*)

³⁵ In diesem Zusammenhang sei erwähnt, dass viel zu oft eine Abhängigkeit zwischen Einzelwörtern ohne Motivähnlichkeit angenommen wird, wenn diese nur bei unseren beiden Dichtern belegt sind: Wer weiß aber, ob in der zahlreichen, uns verlorenen Poesie sich nicht weitere Belege fanden; man beherzige, was V. Pöschl, *Horazische Lyrik* (Heidelberg 1970) 148 Anm.1 dazu zu sagen hatte.

³⁶ Fraenkel (o. Anm. 4) 120, der die Kontrahenten als Typen mediterraner Menschen bezeichnet und so der leichten Satire einiges Gewicht verleiht, kontrastiert die Gedichte, ohne von direkter Übernahme zu sprechen; ähnlich Syndikus (o. Anm. 20) 265 (er spricht von “nahe Stehen”, nicht von Nachahmung). N. Rudd, *The Satires of Horace* (Bristol 1994) 147 macht darauf aufmerksam, dass Horazens Satiren keine gesicherte neoterische Namensverhüllung aufweisen.

³⁷ Fraenkel (o. Anm. 4) 122.

und bei Cat. 71, 2 (Rede vom stinkenden und hinkenden Liebhaber) auf eine Imitation deuten.³⁸ Aber der thematische Unterschied scheint die Annahme einer Abhängigkeit zu verbieten: Eine bloße Wort- oder Phrasengleichheit bei grundverschiedenen Kontexten schließt die Annahme einer Übernahme aus.

Nun die Oden. Gewiss ist Horaz Erbe mancher Neuerungen durch die Neoteriker, der Inversionen z. B.³⁹ Aber gibt es deutliche Nachahmungen einer catullischen Stelle? Man wird nicht leugnen wollen, dass in C. 1, 22, 23–24 *dulce ridentem Lalagen amabo, dulce loquentem* so deutlich wie nur irgend wünschbar Cat. 51, 5 (*dulce ridentem*), also Catulls Sappho-Übertragung,⁴⁰ zitiert ist, wobei Horaz außer dem “süßen Lachen” zugleich auch das “süße Sprechen” des Sappho-Textes, das Catull ausließ, überträgt.⁴¹ Was die übrigen Carmina angeht, so liest man sehr allgemeine Urteile wie dies, dass Catulls strophisch gegliederte Gedichte bei Horaz “nachwirken”.⁴² Ferner äußern Abhängigkeitsvermutungen Nisbet und Hubbard⁴³ zu Hor. C. 1, 8 (*quid latet*) und Cat. 55, 1 f. (*ubi sint tuae tenebrae* und v. 12 *latet*).⁴⁴ Es äußert auch Fraenkel⁴⁵ eine solche zu C. 1, 27 und Cat. 42, aber bloße Motiv-Ähnlichkeit eröffnet zwar die *Möglichkeit* einer Nachbildung (Fraenkel a. O. “perhaps”), gibt jedoch keinerlei Sicherheit. Wohl aber denkt man bei C. 2, 6 (“Septimius, Du würdest mich nach Süd- und auch Nordspanien, auch nach Nordafrika begleiten”) motivgemäß an Cat. 11, 2 ff.⁴⁶ und das Lob seiner Boten bis an die Enden der Welt, und es scheint, als ließe sich der Annahme einer Abhängigkeit nicht widersprechen, doch nennt Syndikus⁴⁷

³⁸ Rudd (o. Anm. 36) 79: “The phrase may derive comic overtones from the disreputable passage of Catullus”, nota bene: “may”. H. P. Syndikus, *Catull, Dritter Teil, Die Epigramme (69–116)* (Darmstadt 1987) 7, Anm. 2 nannte das Beiwort allerdings “üblich” wegen der häufigen Phrase *tarda senectus*, worauf schon Heinze im Satiren-Kommentar hingewiesen hatte.

³⁹ Z. B. Watson (o. Anm. 16) 66 (zu *Epod.* 1, 12) und 543; F. Muecke, *Horace. Satires II* (Warminster 1993) 207.

⁴⁰ Vgl. G. Maurach, “Zu Pindar fr. 75 und zu Catull 51”, *Gymnasium* 105 (1998): 5, 412–418.

⁴¹ Vgl. R. G. M. Nisbet, M. Hubbard, *A Commentary on Horace: Odes Book 1* (Oxford 1970) 273.

⁴² Becker (o. Anm. 19) 242 Anm. 12.

⁴³ Nisbet–Hubbard (o. Anm. 41) 109.

⁴⁴ H. P. Syndikus, *Die Lyrik des Horaz. Eine Interpretation der Oden. I: Erstes und zweites Buch* (Darmstadt 1990) 110 Anm. 10, nennt Catull, aber ohne die Annahme einer Abhängigkeit, ebenso 209 Anm. 1 (gegen Becker [o. Anm. 19] 160); allein in Bezug auf die Diana-Gedichte spricht er von einem “Wettbewerb” mit Catull.

⁴⁵ Fraenkel (o. Anm. 4) 182.

⁴⁶ Becker (o. Anm. 19) 241 Anm. 11; R. G. M. Nisbet, M. Hubbard, *A Commentary on Horace: Odes, Book II* (Oxford 1978) 97 zu *aditure*: Horaz “imitates and compresses the deliberately fantastic hyperboles”.

⁴⁷ Syndikus (o. Anm. 44) 368.

die Übereinstimmung “eine recht übliche poetische Formel”. Oder man denkt beim Polypoton in C. 2, 8, 21 ff. (*te suis matres metuunt iuencis, te senes parci... tua nec retardet aura maritos*) an Cat. 61, 51–56 (*te-te-tu*) und mag mit Nisbet und Hubbard⁴⁸ eine Parodie spüren,⁴⁹ ob aber die bloße Wortwiederholung mehr ist als nur ein Spiel mit einer gewohnten Hymnenform, ist undeutlich, deutet ja sonst in diesen Versen nichts auf eine Nachbildung.⁵⁰ Dass nun aber C. 3, 22 (*montium custos*) etwas mit Catulls Dianahymnus C. 34 zu tun hat, dürfte deutlich sein:⁵¹ Syndikus,⁵² sonst eher skeptisch, meinte, dass Horaz den catullischen Diana-Hymnus “wohl direkt im Auge hatte” und zählt in Anm. 17 die wörtlichen Entsprechungen auf.⁵³ Es besteht kein Anlass, daran zu zweifeln, dass Horaz hier straffend in Konkurrenz zu Catull getreten ist, und dies in einer Weise, die lehrt, wie er den Stil verstanden hat, den wir gern den “klassischen” nennen (s. dazu Anm. 51).

Auch im vierten Odenbuch⁵⁴ hat man Catulls Nachwirken zu spüren geglaubt; Becker⁵⁵ verwies auf Cat. 5: Das *nos ubi decidimus* des Horaz (C. 4, 7, 14) stellte er neben das catullische *nobis cum semel occidit brevis lux* in v. 5, da in beiden sich eine sehr “persönliche Wendung” des an sich überall geläufigen Gedenkens der Vergänglichkeit fände; doch verweist Becker selbst auf noch “andere Prägungen dieses alten Gedankens”, wohingegen Fraenkel⁵⁶ nach Orelli – Baiter ein Zitat für zweifelsfrei erachtete

⁴⁸ Nisbet – Hubbard (o. Anm. 46) 132.

⁴⁹ Syndikus (o. Anm. 44) 381 f. sprach dagegen von einem Gegenbild gegen die elegische Dichtung Catulls in C. 64, nahm aber keine direkte Abhängigkeit an.

⁵⁰ Ähnlich hört Fraenkel (o. Anm. 4) 213 in 2, 16, 1–4 aus der Wiederholung des Wortes *otium* “polemic against Catullus” heraus, nämlich gegen C. 51, 13 ff., was deswegen plausibel erscheint, weil Horaz dies Sappho-Lied ja auch anderswo anklängen ließ, wie eben gesehen.

⁵¹ R. G. M. Nisbet, N. Rudd, *A Commentary on Horace: Odes Book III* (Oxford 2004) 255; H. P. Syndikus, *Die Lyrik des Horaz, II: Drittes und viertes Buch* (Darmstadt 1990) 191. Die Texte verglich Fraenkel (o. Anm. 4) 209 f. in meisterhafter Klarheit. M. Putnams Annahme einer direkten Abhängigkeit (ein Referat seiner Arbeit aus dem Jahre 1977 bei Nisbet und Rudd, *ebd.*, 134) zwischen Hor. C. 3, 9 und Cat. 45, hat Syndikus, *ebd.*, 106 relativiert.

⁵² Syndikus (o. Anm. 51) 191.

⁵³ Zu C. 3, 22 vgl. G. Maurach, *Interpretation lateinischer Texte* (Darmstadt 2007) 62–68.

⁵⁴ Im *Carmen Saeculare* vermeinte Becker (o. Anm. 19) 114 f. Anklänge an Cat. 34 zu hören, es seien “eine Reihe von Wendungen übernommen” (vgl. auch S. 118 mit Anm. 9), auch Heinze (Q. Horatius Flaccus, *Oden und Epoden*, erkl. von A. Kiessling, besorgt von R. Heinze [Berlin 1958]) nenne zu v. 33 des Säkularliedes eine Parallele, doch weder nennt Heinze zu v. 33 eine solche noch kennt er im vierten Odenbuch Übernahmen aus Catull überhaupt.

⁵⁵ Becker (o. Anm. 19) 151.

⁵⁶ Fraenkel (o. Anm. 4) 420 Anm. 2.

(“deliberate ‘variation’”), ebenso den horazischen v. 21 *cum semel occideris* als “Echo” von Catulls *cum semel occidit* verstand. Auch Syndikus⁵⁷ meinte, Horaz habe das Motiv aus der catullischen Dichtung entlehnt, verwies jedoch auch auf eine hellenistische Parallele. Man wird hier die Wahrscheinlichkeit einer bewussten Reminiszenz nicht ausschließen. Im Falle von C. 4, 12 verglich Syndikus⁵⁸ Horazens Frühlingsgedicht, wie schon Lambin getan,⁵⁹ mit Catulls *cenabis bene*: “Offenbar bezieht sich Horaz auf ein ganz bestimmtes Catullgedicht, auf das C. 13”, das Horaz in sein Gegenteil umkehre; Fraenkel⁶⁰ nahm dagegen einen gemeinsamen “Topos” für die zweite Hälfte des horazischen Gedichtes an, die er als von einander unabhängig ansah. Da keine wörtlichen Ähnlichkeiten vorliegen, wird man wohl eher zurückhaltend bleiben.

III

Gesondert betrachten müssen wir mögliche Struktur-Übernahmen, da es J.-W. Beck ja auf eben solche angekommen war. Watson⁶¹ wies auf die Form des “Bathos” (“undercutting”) mittels eines Aprosdoketon hin, und zwar anlässlich der *Epod.* 2, 67 ff., wo nach all dem Sehnen nach der Ruhe des Landlebens ein scharfer Ab- und Aufbruch zu neuerlichem Erwerbsleben in der Stadt folgt. Diese Verse verglich er mit Cat. 11, 15–25 (*pauca nuntiate meae puellae non bona dicta*). Nun findet sich eine solche pointenhaft wirkende Schluss-Überraschung bei Horaz auch sonst (C. 1, 22, 23 f. und noch deutlicher in 3, 14, 24; vgl. Syndikus⁶²), ja auch schon viel früher, so im Straßburger Papyrus,⁶³ auch in Epigrammen des Kallimachos (*Epigr.* 51, 55, [63] Pfeiffer), so dass man das überraschend konterkarierende Finale der *Epod.* 2 ungern allein auf Catull zurückführen möchte. Übrigens nennt Fraenkel⁶⁴ nur einen einzigen Fall, in dem Horaz einer catullischen Struktur, einem “lay-out” Catulls verpflichtet sei, und auch diese Ansicht ist nicht gesichert.⁶⁵

⁵⁷ Syndikus (o. Anm. 51) 341 mit Anm. 16.

⁵⁸ *Ebd.*, 384.

⁵⁹ Vgl. Becker (o. Anm. 19) 160 mit Anm. 23.

⁶⁰ Fraenkel (o. Anm. 4) 418 Anm. 2.

⁶¹ Watson (o. Anm. 16) 86.

⁶² Syndikus (o. Anm. 51) 384 Anm. 23.

⁶³ Vgl. Archil. 99 a, 16 Diehl, bzw. Hipponax 115, 16 West.

⁶⁴ Fraenkel (o. Anm. 4) 209 Anm. 6.

⁶⁵ Vgl. oben Anm. 51. Fraenkel (o. Anm. 4) 209 Anm. 6 nennt mehrere Gelehrte, die eine Abhängigkeit des horazischen Diana-Hymnus (C. 1, 21) von dem des Catull (C. 34) annahmen, und stimmt selber insofern zu, als er den “lay-out” Catulls bei Horaz wieder findet. Nun war die Motiv-Abfolge weitgehend von der Hymnenform und der Tradition vorgegeben, dennoch unterscheiden sich die beiden Texte in der Abfolge der

IV

Wir sind an einem Haltepunkt angekommen und sollten nun Bilanz ziehen, sachlich und methodisch. Auf die Sachen gesehen, hat sich ergeben, dass einige wenige Stellen bei Horaz in seinen Epoden und Carmina so gut wie sicher Catull anklingen lassen, keine in den Satiren. Da eine solche Untersuchung sich anheischig macht, einen Blick in das dichterische Schaffen zu werfen, ohne dass der Dichter selber darüber ausreichend Auskunft gäbe, muss die Untersuchung sich notgedrungen mit Wahrscheinlichkeiten begnügen, muss auch die persönliche Überzeugung des Untersuchenden in Rechnung stellen. Eine solche Überzeugung muss jedoch auf einer methodischen Überlegung beruhen, und diese Überlegung war schon nach wenigen Vergleichen und Überprüfungen von moderner Literatur von der folgenden Art (s. oben I Ende):

Unterscheidet man das Thema, das ein ganzes Gedicht, z. B. die Begrüßung des Frühlings, bestimmt, vom Motiv, das innerhalb eines Themas einen Teil bildet, z. B. die beginnende Schifffahrt, die Unruhe des Stallviehs im Frühling, usw. wie in C. 1, 4, und weiter vom Wort oder von Wortverbindungen (Phrasen wie *pallida Mors* ebendort in v. 13), dann wäre des hier Untersuchenden "persönliche Überzeugung" so zu formulieren: Wenn in einem horazischen Text eine Ähnlichkeit im Thematischen oder im Motivlichen durch eine Wort- oder Phrasenähnlichkeit unterstützt wird, dürfte man wohl über eine Nachfolge Überlegungen anstellen; liegt allein eine Motiv- oder Themenähnlichkeit vor, sollte man Zurückhaltung üben; bei bloßer Wort- oder Phrasengleichheit (nicht nur Ähnlichkeit) wäre nur dann über eine Nachahmung nachzudenken, wenn diese Wörter oder Phrasen spezifisch, nicht jedoch, wenn sie traditionell sind und des Öfteren auftreten. Vielleicht ist diese methodische Überlegung von einigem Nutzen.

V

Nun hat sich Michael Putnam⁶⁶ in einem breit angelegten, verführerisch angenehm geschriebenen Buch anheischig gemacht, eine große Fülle von Übernahmen aus Catull in Horazens Oden nachzuweisen. Sein Beweismittel ist besonders die Wortgleichheit, z. B. das Wort *angiportum*, bzw. *angiportus* bei Horaz C. 1, 25, 10 und Catull C. 58, 5 (S. 11). In beiden Gedichten ist von einer

Gedanken erheblich: Bei Catull singen die Mädchen und Knaben, und sie singen allein von Diana; bei Horaz lehrt der Chorleiter, und gesungen wird sowohl von Diana als auch von ihrem Bruder Apoll, und dies in einer von der catullischen Fülle abgewandten, "klassischen" (Syndikus [o. Anm. 44] 215) Einfachheit. Das Verhältnis des Horaz zu Catull kann man allenfalls als ein Verbessern beschreiben; dass er den "lay-out" Catulls übernommen habe, ist dagegen kaum richtig.

⁶⁶ M. C. J. Putnam, *Poetic Interplay: Catullus and Horace* (Princeton 2006).

Frau die Rede, die nicht mehr liebt, bei Horaz von einer, die alt geworden, bei Catull von Lesbia, die sich anderen, unwürdigeren zugewandt hat. Macht dieser Unterschied der Personen gegenüber einer Übernahme schon bedenklich, so ruft die Tatsache, dass der Ausdruck “Gasse” doch sehr allgemein verbreitet ist und dass alles andere um dies Wort herum keineswegs den Gedanken an eine Nachahmung nahe legt, berechnete Skepsis hervor, sind die Verse doch von derart verschiedener Bildvorstellung, dass der behutsame Philologe an eine Imitation nur schwer glauben mag, auch wenn Nisbet und Hubbard schrieben: “He no doubt remembers Catullus’ *diffamatio* of Lesbia”.⁶⁷ Auch soll in Horazens Lied v. 7 f. *me tuo longas pereunte noctes, Lydia, dormis?* (“Wie kannst du, Lydia, schlafen, wo ich, der deine, lange Nächte dahinsiehe?”) Catulls C. 5, 5 f. *nobis cum semel occidit brevis lux, nox est perpetua una dormienda* verwendet sein (S. 14), wobei aus *perpetua* von Horaz variierend ein *pereunte* gemacht worden sei (15); die Themata – Tod und glühendes Leben bei Catull, Verwittern einer vereinsamenden Alten – sind nun aber derart verschieden, die zusammen gezwungenen Wörter von einer so unterschiedlichen Bedeutung, dass der umsichtige Philologe Putnam den Glauben versagen wird.

Auch Catulls 46. Gedicht habe in Horazens Werk Spuren hinterlassen: In Hor. C. 1, 4 heißt es in v. 17–21, komme Sestius erst einmal in den Hades, werde er den zarten Knaben Lycidas nicht mehr bewundern können, Lycidas, an dem all die jungen Männer sich jetzt noch “erwärmten” (*quo calet iuventus*, v. 19), durch den bald aber die jungen Frauen “warm” würden (*tepebunt*, v. 20). Putnam macht nun auf ein bestimmtes Wort aufmerksam, mittels dessen Horaz den Leser (sic!) auffordere, beide Gedichte nebeneinander zu legen: Das *tepebunt* des Horaz sei ein “Echo” des catullischen *tepores* in *iam ver egelidos refert tepores* (C. 46, 1), so S. 18. Die sich nähernde Freudlosigkeit des Hades bei Horaz und der Frühlingssjubiläum bei Catull: Die thematische Unterschiedenheit ist allzu deutlich, und die Entsprechung der beiden Wörter ist hoffnungslos überfordert, wenn sie als ein Aufforderungszeichen seitens des Dichters dienen soll, die beiden Gedichte als intertextuell verbunden zu lesen.

Bleiben wir einen Augenblick bei C. 4, 7, worin Putnam ebenfalls Übernahmen aus Cat. 46 verspürt (S. 22): *frigora mitescunt Zephyris, ver proterit aestas* (Hor. C. 4, 7, 9) sei ein “clear reminder of 46. 1–3”, denn an beiden Stellen ist vom Zephir die Rede (was bei gedichteten Frühlingsgedanken nicht erstaunlich scheint), beide Male sei dieser Wind ferner mit einem inchoativen Verb verbunden (Horaz v. 9: *mitescunt*; Catull v. 3: *silesceat*),⁶⁸ was nicht unbedingt und ausschließlich auf Abhängigkeit deutet.

⁶⁷ Nisbet–Hubbard (o. Anm. 41) 296.

⁶⁸ *Mitescio* ist nicht auffällig, da es ein *miteo* nicht gab; wohl aber ist *silesco* zu bedenken: Hat Catull es gewählt, um einen weiteren s-Laut zu gewinnen, der das Säuseln

Die thematische Schnittmenge zwischen beiden Gedichten ist minimal, denn bei Horaz ist der Frühling Vorbote des Todes, bei Catull mahnt er zu fröhlichem Aufbruch. Allein die Lautung des -sc- stimmt überein; unterstützt werde diese "Anspielung" auf Catull durch die Präfixe *re-*: Catull (*re-fert* und *re-portat*) 46, 1 und 11, Horaz *re-parant* und *re-stituet* in v. 13 und 24, was ersichtlich Unverbindbares zusammen zwingt. Von einer Themenähnlichkeit zwischen dem catullischen Reisegedicht und dem horazischen Klagelied kann nur insofern die Rede sein, als in beiden Gedichten das Frühlings-erwachen der Ausgangspunkt ist, doch von sehr ungleichen Wegen.⁶⁹ So geht es weiter bei Putnam, gnadenlos werden Massen von mehr oder weniger unglaublichen Angleichungen gehäuft, der behutsame Philologe empfindet Unbehaglichkeit, wenn er dies Buch wissenschaftlich nennen soll.⁷⁰

VI

Das Ergebnis solcher Literaturkritik ist nun, dass unserer Meinung nach Horaz in den Epoden und Oden sehr wohl Catull anklingen ließ, doch selten und wenn, dann deutlich und kaum anzweifelbar; ferner, dass Catull in den Satiren überhaupt nicht zugegen ist,⁷¹ und drittens, dass Horaz nie mit evidenter Klarheit catullische Strukturen nachahmt. Dies aber macht Becks

des Zephirs wiedergibt? Oder ahmt Catull nur Griechisches nach, das Syndikus (o. Anm. 20) 240 Anm. 5 nennt?

⁶⁹ In gleicher Weise bringt Putnam (o. Anm. 66) 26 Catulls zwei Anfangszeilen mit Hor. C. 3, 29, 17–21 zusammen: Die Iteration des *iam* bei Catull in v. 1 und 2, in v. 17 f. bei Horaz, dann die Wortähnlichkeit des *fur-* (*furor* bei Catull, *furit* bei Horaz) seien beweisend, was in den Kommentaren von Nisbet–Rudd (o. Anm. 51) 352 f. und Syndikus (o. Anm. 51) 342 keine Stütze findet, und das ist angesichts des verschiedenen Frühlingspersonals (Kepheus, Prokyon bei Horaz und *ver*, bzw. *caelum* mit personalen Verben bei Catull) auch nicht verwunderlich.

⁷⁰ Man lasse als einen ersten Gipfelpunkt der Unglaublichkeit S. 37 auf sich wirken: Catulls C. 11 sei ein "song about song", weil der Dichter Gattungen vermischt (sapphisches Metrum mit jambischem Gehalt, S. 36), ähnele dadurch Horazens C. 1, 22 (wobei Putnam den Nachweis einer Stilmischung über den bloßen Motivwechsel hinaus hier schuldig bleibt), und das Wort, das beide Gedichte dann auch lexikalisch vereint, sei *tango* (*tactus* bei Cat. C. 11, 24), was dem *in-teg-er* bei Horaz (C. 1, 22, 1) entspreche – tour de force.

⁷¹ Es fällt ins Gewicht, dass F. Muecke in ihrem Satiren-Kapitel bei Harrison (o. Anm. 17) 105–120 keine Übernahmen aus Catull feststellt. In dem von M. B. Skinner herausgegebenen Werk: *A Companion to Catullus* (Oxford 2002) kommt L. B. McNeill in seinem Kapitel: "Catullus and Horace" S. 357–376 zu einem ganz ähnlichen Ergebnis, setzt sich jedoch mit Putnams Buch, das er anscheinend zu spät in die Hand bekam, nicht auseinander; immerhin nennt er es eine "sensitive investigation", was man wohl nicht ganz unterschreiben wird.

Annahme, Horaz habe in Sat. 1, 1 ein catullisches Verfahren, nämlich das Einschleiben eines langen Exkurses in ein relativ kurz behandeltes Hauptthema, nachgeahmt, unglaublich.

Kehren wir jetzt zu der Frage nach der Komposition von Sat. 1, 1 zurück. J.-W. Beck hatte sie als Einschub einer ausgedehnten "Digression" in seinen kürzeren Hauptteil gekennzeichnet und diese Anordnung auf Catull C. 64 zurückgeführt. Doch hierzu gibt es eine Alternative, nämlich das Verständnis der ersten 27 Verse nicht als Beginn des knapperen Hauptthemas, in das ein langer Exkurs eingelassen ist, sondern als wohlbedachte, absichtlich "schiefe" Hinleitung zu ihm, wie O. Knorr nach U. Knoche nahe legte. Weder den Tadel ungenügender Themenverschmelzung ließ er gelten (S. 7) noch auch die verkrampfte Suche nach einem "gemeinsamen" Nenner (7 f.), weder Nonchalance (9) noch rauhe Zusammenführung verschiedener Quellentexte (9 Anm. 12), sondern um eine *insinuatio* handle es sich (11 und 30),⁷² um eine Einleitung auf Umwegen wie sie U. Knoche schon viel früher konstatiert hatte (s. Anm. 12), und diesen Kunstgriff fand Knorr⁷³ in Sat. 1, 2 und 1, 3 ebenfalls angewendet.⁷⁴ Horaz beginnt seinen Text demnach mit einer Einleitung,⁷⁵ die scheinbar auf einen Nebenweg führt, denn der Rechtskundige will schlafen und der Bauer nicht von seinem Hof gehen, was mit dem späteren Hauptthema (Habgier und Neid) nichts zu tun hat; dennoch wird diese "Nahtstelle" elegant dadurch überbrückt, dass auch in v. 28 ff. derlei Typen auftauchen, nur jetzt streng auf das Hauptthema bezogen, darum ohne Langschläfer und Schollengebundenheit.

Diese Erklärung von Sat. 1, 1 arbeitet mit der Annahme eines gewissen Überraschungseffekts zwischen v. 27 und dem Folgenden, und diese Erkenntnis lässt sich nun in einen weiteren Zusammenhang einfügen. Ich hatte festgestellt,⁷⁶ dass Horazens frühe Dichtung sich durch Überraschungen und harte Fügungen sowohl in den Satiren als auch in den als früh erkannten Oden auszeichne, durch Effekte also, die der Dichter später meidet. Wir können also auf die Annahme einer Catullnachfolge, die in den Satiren nach den obigen Untersuchungen ohnehin unglaubwürdig erscheint, verzichten und vermögen die Tektonik von Sat. 1, 1 nunmehr widerstandslos sowohl

⁷² Zur *insinuatio* vgl. H. Lausberg, *Handbuch der literarischen Rhetorik* (Stuttgart 1990) 160.

⁷³ Knorr (o. Anm. 6) 11.

⁷⁴ C. A. van Rooy ("Arrangement and structure of satires in Horace, *Sermones*, Book 1", *Acta Classica* 11 [1968] 41–44, 55) dachte eher an eine Anordnung zu Paaren im ersten Satirenbuch; P. M. Brown (*Horace: Satires I. With an Introduction, Text, Translation and Commentary* [Warminster 1993] 9) hingegen sprach von einer einleitenden Dreier-Gruppe, wohl zu Recht (Maurach [o. Anm. 13] 70).

⁷⁵ Hubbard (o. Anm. 3) 309 sprach ähnlich von einem "elaborate build-up".

⁷⁶ Vgl. Maurach (o. Anm. 13) 144 ff.

von Knoches Entdeckung aus als auch von meinen Beobachtungen her doch wohl in das Frühwerk des Horaz einzuordnen, dürfen die so oft erhobenen Vorwürfe gegen die Bauweise der Satire als gegenstandslos *ad acta* legen.

Nicht aber werden wir voreilig die Frage nach der Grund-Substanz der ersten Satire unbeantwortet lassen. Was wollte Horaz, Dichter und Philosoph,⁷⁷ nahe legen? Er hatte von Anbeginn⁷⁸ die ethischen Fragestellungen im Sinn, die sein Vater aufgeworfen, die Athen ihm theoretisch beantwortet und die er selber in der Praxis seiner Lebensführung versucht hatte zu beherzigen.⁷⁹ Um welche Frage aus diesem Bereich geht es in *Sat.* 1, 1? Horaz nennt zwei Themenkreise: Die Unzufriedenheit mit dem eigenen Lebensweg und die Besitzgier.⁸⁰ Horaz beginnt nach der Einleitung v. 1–27 im Hauptteil damit, dass er die Besitzgier anprangert (28–100) und zur Begrenzung rät (92 und 106: *finis*), er rät zu dem, was C. A. van Rooy⁸¹ die “change of the attitude to riches” nannte. Danach greift er auf das erste seiner Themata, auf das der v. 1–26 zurück, nämlich auf die Unzufriedenheit mit dem eigenen Lebensweg, die aus dem Vergleichen und Konkurrieren herkommt. Gleich, wie man v. 108 liest,⁸² soviel ist klar, dass in der Frage nach dem Grunde solcher Unzufriedenheit nicht schon mit *ut avarus* die Antwort mitgegeben sein kann; *ut avarus* vergleicht, wie Hubbard und Beck betonten.⁸³ Die Frage lautet also: Warum ist keiner mit sich zufrieden, warum will er immer mehr (und anderes) wie ein Habesüchtiger? Warum sagt niemand: “Es ist genug”? Die Antwort gibt das andere Thema dieser zweigleisigen Satire: Man vergleicht; man vergleicht den eigenen Erfolg mit dem anderer, man gerät in das, was wir heute “Fremdbestimmung” nennen. Weiter geht Horaz hier nicht; weiter wird er am Ende des Epistelbuches gehen, aber über dieses herrscht immer noch kein Einvernehmen.⁸⁴ Die Botschaft des Briefpaares

⁷⁷ Sehr zu Unrecht wird das Buch von O. Gigon, *Die antike Philosophie als Maßstab und Realität* (Zürich–München 1977) kaum je genannt; darin findet sich das ebenso schöne wie ausführliche Kapitel “Horaz und die Philosophie” auf S. 437–487.

⁷⁸ Man denkt an *Epod.* 4 und 13, s. Maurach (o. Anm. 13) 35 f., bzw. 44–47.

⁷⁹ Der Scherz des Augustus, den Sueton aufbewahrt hat (in Klingners Horazausgabe S. 2*, 18 f.), ist gewiss authentisch.

⁸⁰ *Avaritia* ist eine Sucht für Horaz, vgl. *Epist.* 1, 1, 33 und *C.* 3, 29, 61.

⁸¹ “Horace’s Satire 1, 1 as Prooemium and its Relation to Satires 2–10”, in: *Latinität und Alte Kirche, Festschrift für R. Hanslik* (Wien–Köln 1977) 265.

⁸² Fraenkel (o. Anm. 4) 99 entscheidet sich gegen den Blandinianus mit Bentley und anderen Großen für *nemon ut avarus*, wofür dann auch Rudd (o. Anm. 36) 13 und 275 plädierte.

⁸³ S. oben Anm. 3.

⁸⁴ Meine Ansicht in Maurach (o. Anm. 13) 376.

Epist. 1, 18 und 19 lautet m. E. so: Frei ist nur der, welcher seinen Erfolg und sein Glück nicht nach äußerem Besitz oder äußerlichem Vorankommen (etwa in der Form einer Karriere) bemisst, sondern nach dem Erwerb eines Gutes, das ideell und damit der Wechselhaftigkeit alles Äußeren entzogen ist, in Horazens Fall: der geistigen Hochleistung des *Exegi Monumentum*. Aber bis dorthin war es noch ein weiter Weg.⁸⁵

Gregor Maurach
Münster

Связь начальной и заключительной частей Hor. *Sat.* I, 1 (каждый недоволен своей участью) с центральной частью (диатриба против стяжательства) вызывала различные интерпретации. Согласно гипотезе Й.-В. Бека, стк. 41–107 представляют собой пространное отступление, превышающее по объему краткую основную часть, причем такая композиция навеяна воспоминанием о Cat. 64. Однако анализ показывает, что катулловские реминисценции у Горация в “Эподах” и “Одах” редки, хотя и очевидны, в “Сатирах” же не встречаются, а явных следов подражания композиции Катулла обнаружить вообще не удастся. Таким образом, гипотеза Бека неправдоподобна. Гораций в ранних произведениях тяготеет к неожиданным поворотам, но две рассматриваемые темы – всеобщее недовольство собственной жизнью и безудержное стяжательство – все же имеют нечто общее: причина того и другого – в оглядке на других; чужая жизнь кажется предпочтительнее, чужое богатство – больше своего. Логическое развитие этих размышлений Гораций представит позже (*Epist.* 18 и 19): критерий истинного счастья должен быть не внешним, а внутренним.

⁸⁵ Diesen Weg habe ich in “Horazens Weg nach Rom”, *Hyperboreus* 12 (2006) 165–194 zu beschreiben versucht. Die Fortsetzung, die Interpretation von *Epist.* 1, 18 und 19, erscheint in *Eos* 96 (2009).

PER UNA NUOVA EDIZIONE CRITICA DI CURZIO RUFO. I

A Widu Wolfgang Ehlers

Nel secolo scorso sono state pubblicate quattro edizioni importanti di Curzio Rufo: quella di Th. Stangl per la casa editrice Freytag–Tempusky,¹ quella di Hedicke nella collezione Teubner,² quella di Bardon nella collezione “Les belles lettres”,³ quella di K. Müller nella collezione “Tusculum”.⁴ La recente edizione di J. E. Atkinson,⁵ utilissima per il commento storico-fontistico, non riveste invece molta importanza dal punto di vista testuale, poiché riproduce il testo del Müller, aggiungendo soltanto qualche proposta pubblicata dopo la metà degli anni Cinquanta.

Io ho appena pubblicato una nuova edizione teubneriana di Curzio Rufo;⁶ mentre della tradizione manoscritta ha discusso nella *praefatio* di tale edizione, delle scelte testuali ho dato solo di rado conto in alcune note dell’apparato e in un altro contributo già pubblicato.⁷ La maggioranza di tali scelte cercherò invece di giustificare nel presente contributo.

¹ Q. Curti Rufi *Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt*, für den Schulgebrauch hg. von Th. Stangl (Leipzig–Wien 1902).

² Curtius Rufus, *Historiae Alexandri Magni*, ed. E. Hedicke (Lipsiae 1908). Lo Hedicke aveva già pubblicato, più di quarant’anni prima, un’altra edizione di Curzio: Q. Curti Rufi *Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt*, E. Hedicke rec. (Berolini 1867).

³ Quinte-Curce, *Histoires*, texte établi et traduit par H. Bardon (Paris 1947–1948).

⁴ Q. Curtius Rufus, *Geschichte Alexanders des Grossen*, hg. von K. Müller, übers. von H. Schönfeld (München 1954).

⁵ Curzio Rufo, *Storie di Alessandro Magno*, a cura di J. E. Atkinson, trad. di V. Antelami e T. Gargiulo (Milano 1998–2000).

⁶ Q. Curtius Rufus, *Historiae*, ed. C. M. Lucarini (Berolini et Novi Eboraci 2009).

⁷ C. M. Lucarini, “Alcune esegesi dimenticate di Curzio Rufo”, in *Esegesi dimenticate di autori classici*, a cura di C. Santini e F. Stok (Pisa 2008) 273–283. Ulteriori verifiche sul mio apparato mi hanno mostrato come, nel riportare le collazioni di B nell’apparato critico, me ne siano sfuggite alcune all’interno del libro IV (le ragioni per cui devono essere registrate tutte le *lectiones singulares* di B sono spiegate a p. XXXI della mia *praefatio*); eccole: 4, 1, 13 *Repello*] *respello* B a. c.; 4, 1, 23 *cunctanti*] *tunc tanti* B a. c.; 4, 5, 7 *a victis*] *auctis* B a. c.; 4, 5, 13 *recusantes*] *recussantes* B a. c.; 4, 8, 7 *flore in*] *florem* B a. c.; 4, 12, 11 *degeneres*] *degeneres degeneres* B a. c.

Oltre alle edizioni appena citate, sono assai utili le vecchie edizioni commentate di Snakenburg,⁸ di Zumpt⁹ e quella, preparata *für den Schulgebrauch*, da Th. Vogel:¹⁰ se citerò intere note esegetiche da queste edizioni e da altre opere vecchie, è perché tali osservazioni mi sembrano illuminanti e siffatte opere sono difficilmente reperibili.

Iniziamo dunque a discutere i singoli passi. Citerò sempre secondo la mia edizione.¹¹

3, 1, 17: *Circa regem erat et Phrygum turba et Macedonum, illa expectatione suspensa, haec sollicita ex temeraria regis fiducia: quippe serie[s] vinculorum ita adstricta, ut, unde nexus inciperet quove se conderet, nec ratione nec visu perspici posset, solvere adgressus iniecerat curam [ei], ne in omen verteretur inritum inceptum*. L'episodio è dei più celebri: Alessandro è davanti al nodo gordiano e ha deciso di tentare comunque di scioglierlo, creando attesa e apprensione fra gli indigeni e i Macedoni. Ho espunto *ei*, che del resto era già assente da δ ; gli editori recenti lo hanno sempre accolto, ma Vogel giustamente annotava: "*ei zurückweisend auf haec (turba Macedonum)*. Deutlicher wäre der Plural *iis*". Io non ritengo possibile il dimostrativo *ea* riferito al singolare collettivo *turba*, tanto più che una geminazione da *ne in*, che segue immediatamente, appare assai probabile.

3, 2, 8: *Cum iis erant ignobiles aliae gentes: duo milia peditum, equitum duplicem paraverant numerum*. In apparato ho proposto *duo milia equitum, peditum duplicem*; il motivo della proposta è che, in tutti i passi di Curzio in cui viene indicato il numero dei cavalieri e dei fanti di un esercito, il numero dei secondi è sempre superiore al numero dei primi.

⁸ Q. Curtii Rufi *De rebus gestis Alexandri Magni ... cum omnibus supplementis ... notis perpetuis* Fr. Modi, V. Acidalii, T. Popmae ..., cur. H. Snakenburg (Delphis et Lugduni Batavorum 1724): questa edizione è fondamentale per aver un'idea del lavoro critico dal Cinquecento ai primi anni del Settecento.

⁹ Q. Curtii Rufi *De gestis Alexandri Magni libri qui supersunt*, rec. C. Th. Zumpt (Brunsvigae 1849).

¹⁰ Q. Curtii Rufi *Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt*, für den Schulgebrauch erklärt von Th. Vogel (Leipzig 1875–1880).

¹¹ Se qualche riferimento bibliografico risulterà poco chiaro, prego il lettore di consultare le pp. LVI–LXVI della mia edizione. Disponiamo per fortuna di due lessici di Curzio: O. Eichert, *Vollständiges Wörterbuch zu dem Geschichtswerke des Quintus Curtius Rufus über die Taten Alexanders des Grossen* (Hannover 1893; rist. Hildesheim 1967); J. Therasse, *Quintus Curtius Rufus. Index verborum. Relevés lexicaux et grammaticaux* (Hildesheim–New York 1976).

3, 2, 15: *fatigatis humus cubile est; cibus, quem occupati parant, satiat; tempora somni artiora quam noctis sunt*. Ho mantenuto il testo tràdito, sebbene la maggior parte degli editori abbia ritenuto necessario intervenire su *occupati parant, satiat*; in realtà a me pare che il testo non ponga particolari problemi: Caridemo vuol dire che i Macedoni si accontentano del cibo che essi possono preparare nel mezzo delle loro attività, che cioè essi dedicano poco tempo alla preparazione del cibo: per *parant* cfr. 6, 2, 3 (*parco ac parabili victu*), per *occupati* cfr. e. g. Sen. Brev. 7, 3 (*nullam rem bene exerceri posse ab homine occupato*).

3, 3, 2: *Anxium de instantibus curis agitabant etiam per somnum species imminuentium rerum, sive illas aegritudo, sive divinatio animi praesagientis accersit*. Il testo che ho dato è quello dei manoscritti, ma alcuni editori non ne sembrano soddisfatti, poiché il costrutto *anxium de* è stato emendato in *deinde* da Hedicke ed espunto da Müller, su proposta di Castiglioni.¹² *Anxius, a, um* è attestato (a parte il nostro passo) quattro volte in Curzio, delle quali una assolutamente (7, 1, 36), le altre tre (7, 5, 9; 9, 4, 19; 9, 10, 17) legato all'ablativo semplice. D'altra parte però il costrutto con *de* e l'ablativo è attestato anche in scrittori cronologicamente vicini a Curzio (cfr. *TLL* s. v. *anxius* col. 202, 80–82), quali Quintiliano e Svetonio. In una situazione di tal genere credo convenga lasciare nel testo *anxium de instantibus curis*; in apparato mi è parso opportuno citare una congettura completamente dimenticata eppure, a mio avviso, brillante *anxium d<i>e instantibus curis*, dell'Alanus, che ben si armonizzerebbe con *etiam per somnum* che segue.

3, 3, 7: *Ceterum ipse et vatum responso, quod edebatur in vulgus, et specie, quae per somnum oblata erat, admodum laetus castra ad Euphraten movere iubet*. Ho conservato *movere*, senza accogliere *moveri* (Freinsheim) e così mi son comportato in tutti quei casi (piuttosto numerosi, cfr. e. g. 7, 8, 8) in cui un infinito attivo senza soggetto espresso segue un verbo iussivo: cfr. Vogel, 37–38.

3, 4, 11: *obruui potuisse vel saxis confitebatur, si fuissent, qui <in> subeuntes propellerent*. Ho accolto senza esitazioni l'integrazione <in> della giuntina, cfr. Tac. Hist. 3, 29, 1: *ipsam postremo ballistam in subeuntes propulere*.

3, 6, 10: *Ille, epistula perlecta, plus indignationis quam pavoris ostendit proiectisque vinculo et litteris ante lectum...* Al posto di *vinculo* i mss. hanno *amiculo* e di questa lezione mai si era dubitato fino al 1980 e

¹² L. Castiglioni, "Osservazioni critiche e grammaticali a Curzio Rufo", *SIFC* 19 (1912) 129–130.

anche nell'edizione di Atkinson essa è accolta, senza che in apparato si dica alcunché in proposito. Eppure già nel 1980 W. A. Camps si era accorto che *amiculo* andava corretto in *vinculo*.¹³ La congettura va senza dubbio accolta. Prima di dare la lettera in mano a Filippo, Alessandro (§ 7) la aveva gettata sotto il *pulvinus* su cui giaceva *sigillo anuli sui impresso*. Mi pare evidente che la coppia *epistula et sigillum* del § 7 debba ritornare anche nel nostro passo, ciò che noi otteniamo accettando l'emendamento del Camps. Per i casi di *vinculum* nel significato di *sigillum epistulae* cfr., oltre ai passi segnalati dal Camps (Corn. Nep. *Paus.* 4, 1; Ov. *Trist.* 4, 7, 7; *Epist. ex Ponto* 3, 7, 5–6), lo stesso Curzio Rufo 7, 2, 24–25: *Polydamas epistulam a rege scriptam ei [scil.: Parmenioni] tradidit*.²⁵ *Parmenion vinculum epistulae solvens...*

3, 6, 19: *Aetas quoque, vix tantis matura rebus, sed abunde sufficiens, omnia eius opera honestabat, et, quae leviora haberi solent, plerumque militari gratiora vulgo sunt...* Ho posto la virgola dopo *solent*, ma c'è chi la pone anche dopo *plerumque* (Hedicke) e, come ha dimostrato Büttner,¹⁴ nessuna delle due soluzioni è impossibile.

3, 7, 12: *Nabarzanes, praetor Darei, miserat eam hortabaturque Sisenem, ut dignum aliquid nobilitate atque m<ai>oribus suis ederet*. L'emendamento *m<ai>oribus* è dell'Acidalius ed è stato accolto da molti, ma non dal Müller, che accetta il testo tràdito; io accetto invece la congettura dell'Acidalius, soprattutto per il confronto con 4, 13, 12: *Ipse cum ducibus propinquisque agmina in armis stantium circumibat, Solem et Mithrem sacrumque et aeternum invocans ignem, ut illis dignam vetere gloria maiorumque monumentis fortitudinem inspirarent*; cfr. anche 4, 14, 24 e Verg. *Aen.* 12, 649: *magnorum haud umquam indignus avorum*.

3, 8, 13: *Forte eadem nocte et Alexander ad fauces, quibus Syria aditur, et Dareus ad eum locum [...] pervenit*. Un errore di collazione di Hedicke, iterato da Bardon, ha creato confusione: P omette *et* che precede *Dareus*, non *et* che precede *Alexander* (l'errore sembra peraltro provenire da Π, cfr. il mio apparato).

3, 8, 16: *Motis ergo castris properat ad Pinarum amnem, in tergis, ut credebatur, fugientium haesurus*. A differenza degli altri editori, ho accolto *properat ad* di Meiser in luogo di *superat* dei manoscritti. A dimostrare quanto sia assurdo *superat* basti il commento di Atkinson

¹³ W. A. Camps, "Some Conjectures", *AJPh* 101 (1980) 445.

¹⁴ O. Büttner, *Quaestiones Curtianae criticae et grammaticae* (München 1902–1903).

(che pure accoglie il testo tràdito):¹⁵ “The statement that Darius crossed the Pinarus before Alexander turned to approach him for the battle is not supported by Arrian nor by Polybius’ version of Callisthenes’ account [...]. Curtius appears to contradict himself at 28”. In effetti al § 28 leggiamo: *Praeter haec viginti milia praemissa cum sagittariorum manu Pinarum amnem, qui duo agmina interfluebat, transire et obicere sese Macedonum copiis iusserat*. Per il costrutto *propere ad* cfr. TLL s. v. *propere* col. 1981, 70 sgg.

3, 11, 10: *Macedonum quoque non quidem multi, sed promptissimi tamen caesi sunt; inter quos Alexandri dextrum femur leviter mucrone perstrictum est*. Durante la battaglia di Isso morirono molti Persiani, ma anche i Macedoni riportarono gravi perdite. Crea difficoltà *caesi* ... *inter quos*, poiché Alessandro fu soltanto ferito, non *caesus*. Walch e, indipendentemente da lui, Shackleton Bailey hanno proposto di aggiungere il concetto di “ferito”: *caesi* <vel vulnerati> *sunt* (Shackleton Bailey), *caesi sunt* <vulneratique> (Walch). A me era venuto in mente di correggere *caesi* in *laesi* (“feriti”), anche perché, mi pare, se alcuni fra i *promptissimi Macedonum* fossero morti in battaglia, forse Curzio non avrebbe ommesso di dircene il nome. Tuttavia credo che il testo tràdito vada salvato, come mostra 6, 5, 18 (passo già richiamato da Mützell): *Sed ignotis locis plerique oberrabant exceptique sunt quidam, inter quos equus regis (Bucephalam vocabant)*. A rigor di logica anche qui *inter quos* non funzionerebbe, poiché un cavallo non può essere compreso nei *quidam* del periodo precedente. Bisognerà, in entrambi i passi, supporre un uso poco rigoroso dell’espressione *inter quos* da parte di Curzio.

3, 11, 22: *Omni[a] planctu tumultuque, prout cuique fortuna erat, castra repleverant, nec ulla facies mali deerat, cum per omnes ordines aetatesque victoris crudelitas ac licentia vagaretur*. Dopo la battaglia di Isso i Macedoni entrano nell’accampamento persiano e mettono tutto a sacco e a ruba. *Omni* è emendamento di Hedicke pel tràdito *omnia*, mentre Freinsheim e, con maggiori argomentazioni, Castiglioni¹⁶ proponevano l’espunzione di *castra*. A giudizio del Castiglioni “un passaggio di *omni* a *omnia* è difficile a spiegarsi”; questo è tuttavia falso, anche perché tale corruzione ricorre anche in un altro passo di Curzio (10, 3, 9), del quale occorrerà nuovamente di parlare. Questo per quel che concerne l’aspetto paleografico; per quanto riguarda invece l’aspetto stilistico, a sostegno dell’emendamento di Hedicke mi pare si possa-

¹⁵ J. E. Atkinson, *A commentary on Q. Curtius Rufus’ Historiae Alexandri Magni. Books 3 and 4* (Amsterdam – Uithoorn 1980).

¹⁶ Castiglioni (n. 12) 144–145.

no citare un paio di passi non lontani dal nostro: 3, 11, 20 *illa ... omni quidem opulentia ditia*; 3, 11, 23 *tabernaculum ... omni luxu et opulentia instructum*. Bisogna dunque accettare la congettura di Hedicke, non quella di Freinsheim e Castiglioni.

3, 11, 27: *At a parte Alexandri ad quattuor <milia> et quingenti saucii fuere, ex peditibus CCC omnino et duo desiderati sunt, equitum centum quinquaginta interfecti*. Ho accolto CCC di Glareanus per l'inverisimile XXX dei mss. Per la confusione fra i numerali X e C cfr. 6, 4, 9; 9, 8, 15; 10, 9, 18. Cfr. anche la mia nota d'apparato a 7, 10, 1.

3, 12, 11: *itaque mater et coniunx provolutae ad pedes orare coeperunt, ut, priusquam interficerentur, Darei corpus ipsis patrio more sepelire permetteret; functas supremo in regem officio, inpigre esse morituras*. Ho accolto la proposta di Stangl *inpigre esse* (difficile capire cosa avesse ω: cfr. l'apparato della mia edizione), cfr. 10, 3, 5 (*denuntiantes protinus esse morituros*).

4, 1, 16: *Regnabat in ea Strato, Darei opibus adiutus; et, quia deditio-nem magis popularium quam sua sponte fecerat, regno visus indignus*. Ho scritto *et* per il trådito *sed*, mutato in *is* da Hedicke, mentre Vogel ha congetturato una lacuna dopo *adiutus*. In appoggio alla mia congettura cfr. 4, 15, 17; 6, 4, 8; 6, 6, 25.

4, 1, 30: *Potitus ergo Pelusii Memphim copias promovit; ad cuius famam Aegypti<i>, vana gens et novandis quam gerendis aptior rebus, ex suis qui<s>que vicis urbibusque velocissimi concurrunt ad delenda praesidia Persarum*. Ho accolto *qui<s>que* di BoMb, non accolto da Müller; cfr. 3, 3, 25; 3, 5, 14; 3, 6, 17; 3, 9, 7; 4, 4, 14; 4, 7, 14; 5, 2, 6; 7, 1, 25; 7, 4, 20; 7, 6, 8; 7, 11, 7; 10, 5, 15; 10, 10, 6; 10, 10, 7. Ho congetturato *velocissimi* per il trådito *hoc ipsum* (l'aggettivo è usato da Curzio al superlativo anche a 7, 4, 14; per il concetto di *velocitas* unita a *concurrere* cfr. Liv. 30, 34, 2).

4, 3, 12: *Nec Tyrii, quamquam classem habebant, ausi navale inire certamen: tris omnino ante ipsa moenia opposuerunt, quibus rex invec-tus, ictas demersit*. Non facile è dire donde venga la lezione *ictas*; ω aveva *ipsas*, che Vogel propose di correggere in *ictu ipso*, Hedicke in *ipse eas*, Damsté in *impulsas*. L'emendamento decisivo è, secondo me, *ictas*, che credo si debba all'ingegno congetturale di Castiglioni. Tuttavia, l'insigne filologo lombardo affermava di aver trovato tale lezione in F;¹⁷ questo è falso, come mi ha rivelato una nuova collazione di

¹⁷ Castiglioni (n. 12) 127.

F. È probabile che Castiglioni, che aveva collazionato personalmente F, abbia confuso una propria congettura con una variante di F; se, come fanno molti filologi, aveva riportato sui margini del proprio esemplare sia le proprie congetture sia i risultati delle proprie collazioni, una confusione del genere non è difficile da immaginare. In ogni modo *ictas* è senz'altro la congettura risolutiva (cfr. Liv. 4, 19, 4; 36, 37, 4; 37, 11, 11; 37, 30, 10) e va attribuita a Castiglioni.

4, 3, 22: *Syraculis id simulacrum devexerant Poeni et in maiorum locaverant patria multisque aliis spoliis urbium a semet captarum non Carthaginem magis quam Tyrum ornaverant*. Ho accolto, in luogo di *maiore* dei mss., *maiorum* di Kinch, il quale, col consueto acume, annotava:¹⁸ “sic maior vetus significet necesse est, sed haec verbi vis frequens et usitata tamen hominibus continebatur: rem aliam ‘maiorum’ id est vetustiore esse, Latini non dicebant”.

4, 5, 4–5: *transeundum esse Alexandro Euphraten Tigrimque et Araxen et Choaspen, magna munimenta regni sui; veniendum in campos, ubi paucitate suorum erubescendum sit; iam Mediam, Hyrcaniam, Bactra⁵ et Indos, Oceani accolae, quando aditurum, ne Sogdianos et Arachosios nominem ceterasque gentes ad Caucasum et Tanain pertinentes?* A differenza degli altri editori recenti ho accolto l’emendamento *iam* (Mützell) per il trådito *in*. Mützell annota: “*in*, was freilich zu dem Verb. nicht passt. Heinsius vermuthet *inde*, was zwar paläographisch vollkommen sicher [...], aber für den Zusammenhang unschicklich ist. Wenn *in* nicht aus einer Wiederholung des folgenden Buchstaben entstanden ist, so liegt es wohl am nächsten, *iam* dafür zu setzen, welches in dem Sinne der Steigerung genommen sowohl dem Inhalt der Stelle als dem Charakter der C. Darstellung entspricht: S. zu 3, 5, 7”. L’emendamento di Mützell mi sembra sicuro: più difficile è dire come si sia formata la corruzione; una possibilità sarebbe una geminazione da *in* che precede. Tuttavia vi sono altri casi di *iam* che si è corrotto in *in*, cfr. 5, 11, 6; 7, 4, 14; 7, 6, 22; forse Sen. *Thy.* 733 (se è giusta la congettura di Damsté).

4, 7, 15: *Iamque haud procul oraculi sede aberant, cum complures corvi agmini occurrunt: modico volatu prima signa antecedentes [et] modo humi residebant, cum lentius agmen incederet, modo se pennis levabant ducentium i[n]terque monstrantium ritu*. In apparato ho proposto dubitativamente di cambiare *lentius* in *longius*: la ragione è puramente logica. Lo stormo di corvi precedeva l’esercito macedone ed è

¹⁸ K. F. Kinch, *Quaestiones Curtianae criticae* (Hauniae 1883) 35.

logico supporre che gli uccelli si fermassero tutte le volte che avevano distanziato i soldati per evitare che essi li perdessero di vista.

4, 9, 9: *Hic commeatum sarcinarumque maiore parte deposita, Lycum amnem ponte iunxit et per dies quinque, sicut ante Euphraten, traiecit exercitum*. Ho citato in apparato la dimenticata proposta di Freinsheim (ripresa da Kinch), di espungere *sicut ante Euphraten*. Ecco le motivazioni del Kinch:¹⁹ “Renovabo breviter memoriam emendationis Freinshemii, qui non dubitare sese, quin verba ‘sicut ante Euphraten’ insiticia essent dixit. Et sane putida comparatio est, quae vulgari scriptura instituitur; nam Euphraten Dareus duobus annis ante cum alio exercitu, dimidio quidem minori (4, 9, 3), quam quem nunc ducebat, traiecerat. Huius ergo dissimilitudinis mentione non facta, nulla vera traiectionum collatio est. Verba aliquis adscripserat memor eorum, quae 3, 7, 1 sunt: ‘Ad Euphraten contendit iunctoque eo pontibus quinque tamen diebus traiecit exercitum’”.

4, 10, 24: *Semel omnino eam viderat [quo die capta est, nec ut ipsam, sed ut Darei matrem videret] eximiamque pulchritudinem formae eius non libidinis habuerat invitamentum sed gloriae*. Il soggetto della frase è Alessandro. Ho accolto l’espunzione del Kinch (finora nemmeno citata in apparato dagli editori). A parte il sapore di glossa, la frase non sembra bene accordarsi, come osservava Kinch, con 3, 12, 15–17.

4, 10, 27: *Nunc, quod maxime suspicor, e[t]loqui timeo, ludibria meorum nuntiaturus es mihi et, ut credo, ipsis quoque omni tristiora supplicio?* Ho accolto il fortunato e brillante emendamento di Stangl *e[t]loqui*: cfr. 9, 6, 12 (*Horret animus cogitationem rei, quam paulo ante vidimus. Eloqui timeo invicti corporis spolia inertissimas manus fuisse infecturas*); 10, 2, 15 (*Quid haec – inquit – repens consternatio et tam procax atque effusa licentia denuntiat? Eloqui metuo. Palam certe rupistis imperium*).

4, 11, 13: *Opimum regnum occupare posse condicione, non bello nec quemquam alium [inter Istrum et Euphraten] possedissee terras < tam > ingenti spatio intervalloque discretas*. Non capisco come *inter Istrum et Euphraten* si leghino sintatticamente al resto (infatti *spatio intervalloque* sono troppo lontani per reggere queste parole); per questo ho espunto l’espressione, considerandola una glossa geografica, al pari di quella che ho espunto a 6, 4, 2.

4, 13, 1: *Tum vero universa futuri discriminis facies in oculis erat: armis insignibus equi virique splendebant*. Ho ipotizzato che si debba

¹⁹ *Ibid.*, 37.

scrivere <et> *insignibus*; cfr. 4, 4, 10 (*regio insigni et armis fulgentibus*) e *TLL* s. v. *insigne* col. 1898, 69 sgg.

4, 13, 9: *malo* <me> *meae fortunae paeniteat, quam victoriae pudeat*. Ho accolto, come gli altri editori, <me> di ζ, nonostante Büttner, che, a sostegno della tradizione, cita 4, 10, 32; 8, 5, 19; 10, 2, 25; 10, 2, 26.

4, 13, 25: *Haud alias tam alacrem viderant regem et vultu eius interrito certam spem victoriae augurabantur*. Non ho accettato la congettura di Acidalius (accolta invece da Hedicke) et <ex> *vultu*; cfr. 6, 7, 33 (*si animus vultu aestimaretur*).

4, 14, 21: *Modo Graecis ultro bellum inferebamus, nunc in sedibus nostris propulsamus inlatum: iactamur invicem varietate fortunae. Videlicet imperium mutuo adfectamus, quia una gens non capit*. Dario sta qui arringando i propri soldati immediatamente prima della battaglia di Gaugamela. Ho scritto *mutuo adfectamus, quia* per *quia mutuo adfectamus*, dal momento che a me pare davvero strano che Dario dica che una sola nazione, sia essa la greca o la persiana, non riesce a contenere l'*imperium*, poiché anche l'altra tenta di guadagnarselo. Il verbo *capere* non è appropriato a esprimere un concetto del genere. Si legga quello che un ambasciatore persiano aveva detto ad Alessandro a 4, 11, 8: *Periculosum est praegrave imperium: difficile est enim continere, quod capere non possis* (cfr. anche 7, 8, 12). Io credo che anche nel nostro passo Curzio volesse far dire a Dario che l'*imperium* costituito dalla somma di quello persiano e quello greco era troppo grande perché una sola delle due nazioni lo potesse *capere*. Credo quindi che il *quia* vada trasposto.

4, 14, 25: *In dextris vestris iam libertatem, opem, spem futuri temporis geritis*. Non ho accolto le pur allettanti congetture di Bentley e Kinch (rispettivamente *opes* e *omnem* in luogo di *opem*) per la difesa della tradizione, fatta da Novák,²⁰ tramite il confronto con Liv. 5, 40, 2; 28, 39, 9.

4, 15, 6: *propere igitur Polydamanta mittit, qui et periculum ostenderet* <regi> *et, quid fieri iuberet, consuleret*. Ho integrato <regi>, sulle orme di Hedicke (cfr. l'apparato della mia edizione); cfr. 6, 7, 23: *protinus regi corpus forte curanti, quid index detulisset, ostendit*.

4, 15, 32–33: *Haerebat in tergis fugientium victor, sed prospectum oculorum nubes pulveris, quae ad caelum efferebatur, abstulerat; ergo*

²⁰ R. Novák, "Poznamenání ke kritice textu Kurtia Rufa", *LF* 11 (1884) 12–21, 206–212.

haud secus quam in tenebris errabant ad sonum notae vocis ut ad signum subinde coeuntes. ³³ *Exaudiebant tamen strepitus habenarum, quibus equi currum vehentes identidem verberabantur.* Ho scritto *ut ad* per il tràdito *aut*, il quale era già stato mutato da Manuzio in *ut*. Gli editori moderni accettano invece senza eccezione la tradizione, credo a torto. Curzio descrive qui la corsa precipitosa dei Persiani che fuggono e dei Macedoni che li inseguono; la polvere, dice Curzio, era tale che non si poteva più usare la vista per capire dove bisognasse dirigersi: i cavalieri dovevano fare assegnamento solo sull'udito. A me pare assurdo che il *sonus notae vocis* sia un'alternativa rispetto al *signum*; io credo che *ad signum coire* voglia dire "radunarsi sotto le insegne" (azione tipica dei soldati che si mettono in ordine di battaglia); cfr. Liv. 9, 31, 9: *ut quisque liberaverat se onere aptaveratque armis, ad signa undique coibant*. I *signa* erano naturalmente percepibili con la vista, non con l'udito e servivano normalmente ai soldati per orientarsi in battaglia, ciò che appunto non potevano fare i cavalieri di cui parla qui Curzio. Si può anche supporre che *signum* indichi il *signum tubae*, in mancanza del quale i soldati seguivano una *nota vox*. Se così è, risulta chiaro perché ho scritto *ut ad*.

4, 16, 1: *At in laevo Macedonum cornu (Parmenio, sicut ante dictum <est, id> tuebatur), longe alia fortuna utriusque partis res gerebatur.* Ho integrato *<est, id>*, sulle orme di L^{COTT} (che aveva aggiunto *<est>*). Gli editori più recenti conservano il testo tràdito, senza dubbio a torto, cfr. 3, 7, 7; 3, 9, 5; 3, 12, 5; 4, 1, 21; 4, 3, 16; 4, 16, 16; 7, 2, 1; 7, 4, 22; 7, 5, 2; 7, 6, 19; 8, 6, 2; 8, 13, 6; 9, 10, 24.

4, 16, 6: *Subditis calcaribus proruere in hostem.* Non ho accettato, a differenza di Hedicke, *proru<p>ere* di Gronovius: cfr. *TLL* s. v. *proruo* col. 2166, 32–42.

4, 16, 10: *Quis tot ludibria fortunae, ducum, agminum caedem multiplicem, devictorum fugam, clades [...] aut animo adsequi queat aut oratione conplecti? Propemodum saeculi res in unum illum diem, pro!, fortuna cumulavit.* L'interiezione *pro* è stata espunta dal correttore di T e, indipendentemente, dal Castiglioni, il quale la ritenne geminazione del *pro-* di *propemodum*. Eppure io credo che gli esempi che si leggono in *TLL* s. v. *pro* col. 1440, 14 sgg. rendano del tutto superflua l'espunzione: cfr. specialmente Liv. 22, 14, 4–6 *nec, si nullius alterius, nos ne civium quidem horum pudet, quos Sinuessam colonos patres nostri miserunt [...] tantum pro! degeneramus a patribus nostris ut [...] eam nunc plenam hostium [...] videamus.*

4, 16, 18: *Alexander, instantibus suis ne impune abeuntem hostem †permitteret† sequi, hebetia esse tela et manus fatigatas tantoque cursu corpora exhausta et praeceptis in noctem diei tempus causatus est.* Dopo la battaglia di Gaugamela, i Macedoni avrebbero voluto inseguire il nemico in fuga, ma Alessandro si oppose. *Praemitteret* è stato mutato in *intermitteret* da Jeep, e questo intervento ha riscosso molta fortuna;²¹ l'unica proposta alternativa, peraltro caduta in totale oblio, è di Prohasel, che congetturò *praetermitteret sequi*. La congettura di Prohasel è paleograficamente molto migliore di quella di Jeep, ma pone un grave problema lessicale, poiché *praetermittere* + infinito significa “evitare di fare qualcosa”, non “cessare di fare qualcosa”, come il nostro passo evidentemente richiede. Esiste forse una soluzione lessicalmente inoppugnabile e paleograficamente migliore di quella di Jeep, scrivere cioè *remitteret sequi*: cfr. *OLD* s. v. *remitto* 10 c, con alcuni esempi in cui *remitto* + infinito significa “cessare di far qualcosa”. Tuttavia, tale l'uso è raro e bisognerà lasciare la questione indecisa.

4, 16, 20: *Sed nullum eo die maius periculum adi<i>t quam dum copias reducit in castra.* Si sta parlando ancora del giorno della battaglia di Gaugamela e si dice che il maggior pericolo Alessandro lo corse allorché tornava dall'inseguimento dei nemici. *Eo die* è congettura di P^{corr}B^{corr},²² mentre la lezione originaria dei carolingi è *hodie*. Hedicke ha proposto invece *hoc die*. Io credo che *eo die* sia senza dubbio la lezione da accettare; il nesso *hoc die* non è infatti mai attestato in Curzio Rufo, mentre *eo die* lo è ben quattro volte (4, 6, 12; 4, 9, 25; 8, 14, 4; 10, 9, 13) e a 4, 9, 25 l'espressione si riferisce, esattamente come nel nostro passo, al giorno della battaglia di Gaugamela.

4, 16, 29: *Perculsos deinde hostium <ut> fudit, fugientes, quod in illo ardore animi vix credi potest, prudentius quam avidius persecutus est.* Ho accolto l'emendamento di Müller invece di quello di Bentley (*deinde hostis ut fudit*), senz'altro ritmicamente meno felice. Inoltre non sarebbe raccomandabile eliminare il genitivo partitivo, come mostra 6, 1, 13 (*Ille, ut fugam suorum et proximos hostium conspexit...*).

5, 1, 15: *Vicini [scil.: Tigris et Euphrates] maxime sunt in campis, quos incolae Mesopotamiam appellant: mediam namque ab utroque latere cludunt. Tandem per Babyloniorum fines in Rubrum mare inrum-*

²¹ È davvero strano come un conoscitore di lingua latina quale il Vogel abbia potuto accogliere la lezione trādita, la quale presuppone evidentemente che *impune* sia riferito ai Macedoni invece che ai Persiani, palese assurdità.

²² Il che significa che, secondo ogni verisimiglianza, *eo die* è stato congetturato da B^{corr}, donde lo ha tratto P^{corr}, cfr. p. IX della mia edizione.

punt. Ho accolto (nonostante Lindgren²³) l'emendamento *Tandem* di Freinsheim per il trådito *eadem*, mentre Aldo Manuzio aveva proposto *Idem*. In favore di *Tandem* Kinch cita opportunamente 6, 4, 6 e per la corruzione di *tandem* in *eadem* Lucr. 2, 854.

5, 1, 28: *Sed omnium operum magnitudinem circumveniunt cavernae ingentes.* Ha destato sospetti *circumveniunt*, di cui è difficile comprendere il significato; Vogel ha proposto *circa urbem vincunt*, io *circum amnem vincunt*, cfr. 7, 5, 17.

5, 3, 9: per l'integrazione da me proposta in apparato cfr. 7, 11, 22.

5, 3, 17: *Ariobarzanes has cum XXV milibus peditum occupaverat, rupes undique praeruptas et abscisas, in quarum cacuminibus extra teli iactum barbari stabant de industria quieti...* Ho congetturato *rupes undique praeruptas et abscisas*, mentre Müller ha accolto la congettura di Kinch *rupes praeruptas et undique abscisas* (per le varianti dei mss. cfr. l'apparato della mia edizione). A sostegno della mia congettura cfr. 7, 11, 2 (*Petra ... undique abscisa et praerupta*), 8, 11, 3 (*undique praiceps et abrupta rupes erat*).

5, 4, 9: *Regio non alia tota Asia salubrior habetur.* Ho congetturato *Non alia regio*, cfr. 7, 6, 22.

5, 5, 8: *Rex, abstersis, quas profuderat, lacrimis, bonum habere animum iubet, visuros urbes suas coniugesque et castra in<de> duo ab urbe stadia communit.* Ho accolto l'emendamento *in<de>* delle *editt. vett.* in luogo di *ibi* di Hedicke. *Inde* ha in questo caso valore temporale: per il nesso *et + inde* con valore temporale cfr. 9, 1, 33 (*et inde non segnus*); per *inde* corrotto in *in* cfr. 8, 9, 5.

5, 8, 3: *XXX milia peditum sequebantur, in quibus Graecorum erant IIII milia, fide[liter] erga regem ad ultimum invicta.* Ho accolto l'emendamento di Bruno *fide* invece di quelli che cercano di ricavare una seconda parola da *-liter*. Contro *fide illi* (Vogel) aveva già addotto prove decisive Novák.²⁴ A favore della congettura di Bruno cfr. inoltre 5, 12, 11 (*ad ultimum regi vestro, ut decebat, fide exhibita*); Liv. 28, 29, 1 (*ad ultimum fidem vobis praestaremus*); *id.*, 45, 19, 17 (*si fidem ad ultimum fratri praestitisset*).

5, 8, 13: *Hoc imperium <numquam> vivus amittam idemque erit regni mei, qui spiritus, finis.* Non sono il primo a proporre *numquam*,

²³ H. Lindgren, *Studia Curtiana* (Upsaliae 1935) 82.

²⁴ R. Novák, *Specilegium Curtianum* (Pragae 1899) 6.

ma per la prima volta lo pongo dopo *imperium*: -rium e num- in minuscola si confondono con grandissima facilità.

5, 9, 2: *sed Nabarzanes, qui in eodem consilio erat, cum Besso inauditi antea facinoris societate inita regem suum per milites, quibus ambo praeerant, comprehendere et vincere decreverant, ea mente, ut, si Alexander ipsos consecutus foret, tradito rege vivo inirent gratiam victoris, magni profecto cepisse Dareum aestima<tu>ri, sin autem eum effugere potuissent, interfecto Dareo regnum ipsi occuparent bellumque renovarent.* Besso e Nabarzane sono decisi a far fuori Dario: il seguito delle loro azioni sarà determinato dal fatto se Alessandro riuscirà o meno a raggiungerli. *Consecutus* è mia congettura per *insecutus* dei mss. Così chiosava Vogel: “auf dem Fusse nachfolgen, jemandem auf den Fersen sein. Daher oft fast *ad-*, *consequi*”. In realtà l’accezione di “auf den Fersen sein”, nel nostro passo, è esclusa da *effugere* che segue. Qui *insequi* (che normalmente significa “inseguire”) deve essere sinonimo di *consequi* (che normalmente significa “raggiungere”) e il problema è appunto se ciò sia possibile. Il *TLL* (s. v. *insequi* col. 1868, 40 sgg.) cita, a parte il nostro e alcuni esempi troppo tardi per essere d’aiuto per l’*usus* curziano, due passi nei quali *insequi* sarebbe sinonimo di *consequi*, Cic. *Div.* 2, 62 e Tert. *Ad nat.* 2, 10, 9. Il passo tertulliano è troppo lacunoso per poter essere compreso, ma non meno problematico è il passo ciceroniano, dove al posto del trådito *mors insecuta Gracchum est*, Davisius aveva congetturato *mors insecuta Gracchi est*, che restituirebbe a *insequor* il significato normale. Io credo che vada accolta la congettura del Davisius, poiché il verbo *insequor* è attestato frequentemente nella prosa ciceroniana, ma mai col significato di *consequor*. Lo stesso discorso credo vada fatto anche nel caso di Curzio: quest’ultimo adopera (escludendo il nostro passo) 10 volte il verbo *insequor* (3, 5, 6; 3, 8, 12; 4, 4, 9; 4, 9, 13; 5, 13, 1; 6, 1, 12; 7, 9, 13; 8, 2, 35; 8, 14, 34; 9, 8, 26), 15 volte *consequor* (3, 12, 1; 4, 9, 19; 4, 9, 25; 4, 14, 25; 5, 4, 34; 5, 9, 11; 5, 13, 12; 7, 2, 1; 7, 3, 18; 7, 5, 13; 7, 8, 22; 8, 5, 16; 8, 7, 15; 8, 8, 23; 8, 14, 38), sempre nei loro significati normali. Credo quindi si debba correggere *si Alexander ipsos consecutus foret*.

5, 10, 4: *Itaque non illum modo, sed etiam Alexandrum spernebant, inde vires imperii repetituri, si regno iis potiri contigisset.* Il soggetto della frase sono Besso e Nabarzane, i quali meditavano di uccidere Dario per impadronirsi del potere e far poi la guerra ad Alessandro. *Regno iis* è mia congettura per *regionis* dei mss., mentre Freinsheim (seguito da molti) propose *si regis*, Vogel (seguito da Bardon) *si regni iis*. Le soluzioni che restaurino la parola *regnum* mi sembrano le migliori, come mostrano i numerosi casi di *potiri* legato a *regnum* (cfr. *TLL* s. v.

potior col. 331, 19 sgg.), ma *si regno iis potiri contigisset* mi sembra un emendamento più leggero, poiché lo si ottiene colla semplice inversione della *n* e della *i*.

5, 11, 6: *Omisimus Graeciam, nulla Bactra sunt nobis, spes omnis in te: utinam etiam ceteris esset!* Ho scritto *etiam*, seguendo una proposta di Foss, per il trådito *et in*, che Modius correggeva in *et* (*ceteris* è un dativo di possesso). Per lo scambio *iam / in* cfr. quanto ho scritto a proposito di 4, 5, 4.

5, 11, 8: *Bessus – inquit – et Nabarzanes insidiantur tibi: in ultimo discrimine es fortunae tuae et vitae; hic dies aut parricidis aut tibi futurus ultimus.* Ho accolto l'emendamento di Acidalius *es* per *et* dei mss., poiché ritengo indispensabile la presenza del verbo *esse* da unire a *discrimen*: cfr. 4, 16, 2; Liv. 23, 21, 2.

5, 11, 10: *Eludant fidem licet, quibus forte temere humana negotia volvi agique persuasum est ꝥnexusꝥ causarum latentium et multo ante destinatarum suum quemque ordinem inmutabili lege percurrere.* A differenza dei più recenti editori, ho accolto (con Hedicke) la congettura di Jeep *Eludant fidem licet* per il trådito *eludant videlicet* (variamente corretto). Il significato generale del passo è chiaro: Curzio polemizza con quanti credono che le cose del mondo siano rette dal caso e non predisposte con un *nexus* immutabile. *Eludere fidem* significa “deridere la credenza in qualcosa” (cfr. Liv. 26, 19, 8), che mi pare si adatti benissimo al nostro contesto. Curzio vuole cioè dire che, coloro che non credono al destino che tutto preordina, possono pure non credere a ciò che egli sta narrando circa Dario, ma che in realtà non esistono dubbi in proposito (cfr. *Dareus certe respondit*). La semplicità paleografica di questo intervento verrà ben apprezzata, allorché lo si paragoni alla soluzione del Vogel (accolta dal Müller).

5, 12, 14: *Varius ac dissonus clamor [sine duce ac sine imperio] totis castris efferebatur.* Ho corretto *referebatur* dei mss. in *efferebatur* (stessa corruzione s'incontra a 4, 15, 32). Ho inoltre espunto *sine duce ac sine imperio*, per la mancanza di legame sintattico col resto del periodo. L'interpolazione può essere stata ispirata da 5, 9, 14.

5, 12, 18: *Artabazus cum iis, qui imperio parebant, Graecisque militibus Parthienem petebat, omnia tutiora parricidarum comitatu ratus.* Ho accolto *comitatu* di Hedicke, sebbene gli editori accolgano di solito il trådito *contuitu*; mi pare opportuno richiamare 5, 13, 16 ove, a proposito delle stesse persone cui fa riferimento il nostro passo (gli uccisori cioè di Dario) si dice: *Ille [scil.: Dareus] deos ultores adesse testatur et Alexandri fidem implorans, negat se parricidas velle comitari.*

6, 1, 14: ... *poplitibus semet excepit galeaque strenue sumpta, clipeo protegens corpus, hastam dextera vibrabat, ultro vocans hostem, si quis iacenti spolia demere auderet*. Si sta qui descrivendo la nobile morte del re spartano Agide, il quale cadde gloriosamente nella battaglia di Megalopoli. Non ho accolto la congettura di Hedicke *ultro <pro>vocans hostem*, perché il nesso *ultro vocare* è ben attestato (Cic. *Fl.* 61; Tac. *Dial.* 36, 5; *An.* 14, 14, 2).

6, 1, 16: *Haec victoria non Spartam modo sociosque eius, sed etiam omnis, qui fortunam belli spectaverant, fregit*. A parte l'infelice congettura di Hedicke (*expectaverant* per *spectaverant*), il testo non mi pare essere stato sin qui ben interpretato. Bardon traduce: "Cette victoire brisa non seulement Sparte et ses alliés, mais tous ceux qui, observant les chances de la guerre, étaient restés spectateurs" e così sembrano intendere anche gli altri interpreti.²⁵ Ma perché coloro che avevano seguito con interesse lo svolgersi della guerra dovevano essere tutti, senza eccezioni, partigiani della causa di Sparta? Se infatti essi videro infrante le loro speranze, ciò vuol dire che essi stavano dalla parte degli sconfitti. Le vicende della guerra saranno state seguite con interesse anche dai partigiani dei Macedoni, non meno che da coloro che erano neutrali. Io credo che vada spiegata diversamente l'espressione *fortunam belli spectaverant*; credo cioè che *spectare* non abbia qui il semplice valore di "osservare qualcosa", bensì quello di "osservare qualcosa con lo scopo di servirsene" (cfr. *OLD* s. v. *specto* 9 a), uso che s'incontra anche in Curzio (9, 7, 2: *arma spectare coeperunt*; cfr. anche Liv. 10, 11, 7). Curzio vuol dire cioè che la sconfitta di Sparta intimidì tutti coloro che avevano pensato di servirsi delle armi per liberarsi del giogo macedone.

6, 1, 20: *A quo Lacedaemonii nihil aliud quam ut oratores mittere ad regem liceret, <Te>geatae veniam defectionis praeter auctores inpetraverunt*. Ho accolto lo splendido emendamento di Bentley e Zumpt *<Te>geatae*, in luogo di *precati* di S^{corr}, preferito invece da Müller. Dal punto di vista storico, che i Tegeati avessero preso parte alla rivolta contro i Macedoni capeggiata dagli Spartani appare probabile da Aesch. *Ctes.* 135, sebbene nessuna fonte, a quanto pare, attesti esplicitamente la partecipazione dei Tegeati alla guerra (cfr. anche il commento di Atkinson *ad loc.*). Molto più improbabile, almeno dal punto di vista storico, mi sembra il quadro che vien fuori se accettiamo *precati*: ne risulterebbe infatti che gli Spartani ottennero la *venia defectionis*, il che

²⁵ La traduzione di Schönfeld sembra invece presupporre il testo di Hedicke ("Dieser Sieg brach nicht nur die Kraft Spartas und seiner Verbündeten, sondern auch die eines jedes, der auf den Ausgang des Krieges gewartet hatte").

è in contrasto con le altre fonti che parlano di ostaggi presi da Antipatro e di ambasciatori inviati ad Alessandro (cfr. Diod. 17, 73, 6).

6, 2, 16: *Discurrunt lymphatis similes <in> tabernacula et itineri sarcinas aptant: signum datum crederes, ut vasa colligerent. Totis castris tumultus hinc contubernales suos requirentium, hinc onerantium plaustra <...> perfertur ad regem.* Ho posto l'interpunzione prima di *Totis castris*, mentre altri filologi hanno legato questa espressione a ciò che precede; cfr. Liv. 3, 7, 3: *totis passim castris fremitu orto*; 10, 20, 10: *caedesque ac tumultus in castris erat*; 27, 27, 10: *tumultuatum et in castris fuerat* (cfr. anche Curzio Rufo 5, 12, 14). Credo sia caduto un pezzo in cui era contenuto un verbo riferito a *tumultus* e il soggetto di *perfertur*.

6, 2, 21: *Ita se facturum esse respondit: illi modo vulgi aures praeparent sibi.* Ho accolto *praeparent* di P contro *praepararent* di S, che sospetto essere nato da interpolazione; per tali alternanze fra tempi storici e tempi principali all'interno dello stesso periodo, cfr. Leumann-Hofmann-Szantyr 551–552.

6, 3, 18: *Hoc perpetrato, quanto creditis Persas obsequentiores fore, cum intellexerint vos pia bella suscipere et [Bessi] sceleri, non nomini suo irasci?* Siamo alla fine di un discorso rivolto da Alessandro ai suoi soldati. Ho espunto *Bessi*, poiché mi pare che la presenza di questo nome crei una grave incongruenza nel pensiero di Alessandro. Il re dice qui ai soldati che i Persiani nutriranno sentimenti più amichevoli verso i Macedoni, se capiranno che essi hanno intrapreso la guerra accesi dall'odio contro uno *scelus*, non dall'odio contro il *nomen* stesso dei Persiani. Ora a me pare che qui Alessandro non possa che riferirsi all'inizio stesso della guerra (cfr. *bella suscipere*), al momento cioè in cui egli ha iniziato la guerra contro Dario, poiché le ragioni che spingevano i Persiani a odiare i Macedoni risalivano all'inizio stesso della guerra (la quale era ingiustificata secondo i Persiani); la guerra che i Macedoni dovevano giustificare agli occhi dei Persiani era quella intrapresa contro Dario, non quella che ora stavano conducendo contro Besso. Lo *scelus* cui qui Alessandro si riferisce è quello dell'intero impero persiano contro l'intero popolo greco, *scelus* che appunto Alessandro aveva promesso di vendicare tramite la guerra da lui mossa contro Dario (cfr. 3, 10, 8; 4, 1, 11–13; 5, 6, 1; 10, 6, 14). Se così è, *Bessi* va espunto. Come si sia introdotto nel testo non è difficile da capire: in tutta questa parte del libro 6 Curzio parla continuamente di Besso e dei suoi *scelera*.

6, 4,1–2: *Summa militum alacritate iubentium, quocumque vellet, duceret oratio excepta est. Nec rex moratus impetum tertioque [per Parthienen] die ad fines Hyrcaniae penetrat.* Alessandro si trova col

suo esercito in Partiene, donde procede alla volta dell'Ircania. Ho espunto [*per Parthienen*], ritenendola una glossa geografica, al pari di quella di 4, 11.13. Un'altra soluzione potrebbe essere scrivere *tertioque die per Parthienen ad fines Hyrcaniae penetrat*. Il costrutto *penetrare per* è ben attestato (anche in Curzio, 8, 14, 36), cfr. *TLL* s. v. *penetro* col. 1071, 9–11; cfr. anche 7, 2, 18: *Per deserta ... loca camelis undecimo die, quo destinaverant, perveniunt*.

6, 4, 22: *Frequens arbor faciem quercus habet, cuius folia multo <mane> melle tinguntur, sed nisi solis ortum incolae occupaverint, vel modico tepore sucus extinguitur*. Ho accolto, a differenza degli altri editori, l'integrazione <mane> di Kinch: cfr. *Plin.* 12, 8, 34.

6, 4, 23: *XXX hinc stadia processerat, cum Phrataphernes ei occurrit seque et eos, qui post Darei mortem <ad eum> profugerant, dedens*. Dopo la morte di Dario, tutti i suoi sudditi *profugerant* (tutti fuggivano verso oriente, si pensi allo stesso Besso). È dunque indispensabile specificare che Frataferne era accompagnato da coloro che si erano fuggiti presso di lui. Per *profugio* + *ad* + nome proprio di persona, cfr. *TLL* s. v. *profugio* col. 1734, 26 sgg.

6, 5, 8: *Rex omissis sponsionum fideique pignoribus venire eos iussit, fortunam, quam ipse dedisset, habituros. Diu cunctati plerisque consilia variantibus tandem venturos se pollicentur*. Il soggetto dell'ultima frase sono i mercenari greci al soldo di Dario, i quali sono incerti se consegnarsi o meno ad Alessandro dopo la disfatta del loro capo. Crea evidenti difficoltà *cunctantes* dei mss., che credo vada inteso come participio congiunto con *pollicentur*. Ma se così è mi pare s'imponga di emendare *cunctati*, cfr. 4, 1, 25 *admitti eum rex protinus iussit diuque contemplatus*; 4, 13, 20 *diu Parmenio cunctatus, cibum ut caperent, ipse pronuntiat*; 8, 6, 23 *nec cunctatus Eurylochus ... dixit*; 10, 6, 19 *itaque cunctatus diuque, quid ageret, incertus ad ultimum tamen recessit*.

6, 6, 24: *In vertice herbidus campus: in hoc multitudinem inbellem considerare iubent; ipsi, qua rupes <desi>erat, arborum truncos et saxa obmoliuntur*. Ho accolto <desi>erat di Scheffer, mentre gli editori hanno preferito <de>erat di Heinsius (altre soluzioni sono senz'altro peggiori): cfr. 8, 10, 24: *Ad occidentem et meridiem veluti de industria rupes praealtas obmolita natura est, infra quas cavernae et voragines, longa vetustate in altum cavatae, iacent, quaque desinunt, fossa ingentis operis obiecta est*.

6, 7, 1: *Iam nonum diem stativa erant, cum externa vi non invictus modo rex, sed tutus, intestino facinore petebatur*. Questo passo, con cui si apre la narrazione della congiura di Filota, è assai tormentato. Io lo ho

stampato secondo una proposta di Acidalius, mentre i mss. hanno: ...*externa vi non tutus modo rex, sed invictus intestino*... Questo testo, quantunque accolto da Hedicke, è evidentemente insostenibile: *tutus* + abl. può significare solo “difeso per mezzo di qualcuno, qualcosa”, sicché sarebbe stato insensato dire che Alessandro era “non solo difeso per mezzo degli eserciti stranieri, ma anche mai vinto da loro”: la *Steigerung* deve evidentemente procedere in maniera opposta. Gronovius (seguito da Müller) e Kinch hanno battuto un'altra via, scrivendo rispettivamente *cum <ab> externa vi non tutus* e *cum externa <a> vi non tutus*. In questo modo *tutus* assume un altro significato (quello cioè di “difeso contro eserciti stranieri”) e il senso complessivo è che Alessandro era non solo fuori da ogni pericolo, che potesse venire da eserciti stranieri, ma che mai tali eserciti lo avevano vinto. Tuttavia il pensiero, sebbene non illogico come quello presupposto dalla lezione dei mss., risulta fiacco. Un senso molto più pregnante mi pare sia dato dalla congettura dell'Acidalius.²⁶ Il testo viene infatti così a significare che Alessandro non solo non era mai stato vinto da eserciti nemici, ma che tali eserciti contribuivano ormai alla sua sicurezza, dal momento che i soldati che avevano militato sotto Dario militavano ora sotto di lui (questo pensiero è assai diffuso in Curzio, cfr. e. g. 8, 8, 11). Per *externus* usato in un contesto identico al nostro cfr. 5, 11, 6; 6, 3, 13.

6, 7, 28: *Rex identidem quaerens, an Philotan adisset, an institisset ei, ut pervenire[n]t ad se, perseverante eo adfirmare, quae dixerat...* Ho accolto *pervenire[n]t* di uno degli umanistici (Mb), poiché la lezione dei mss. (pur accettata dagli altri editori) non mi pare possibile. Soggetto di *perveniret* è infatti lo stesso Cebalino, mentre *pervenirent* presuppone un soggetto astratto (“le cose dette da Cebalino”) mai espresso o Cebalino e Filota insieme. A favore di *perveniret* cfr. anche 6, 7, 17: *Ipse Cebalinus ante vestibulum regiae [...] constitit, opperiens aliquem ex prima cohorte amicorum, a quo introduceretur ad regem*.

6, 7, 32: *Quo propiore gradu amicitiae me contingis, hoc maius est dissimulationis tuae facinus et ego Cebalino magis quam Philotae id convenire fateor. Faventem habes iudicem, si, quod <non> admitti non potuit, saltem negari potest*. Il passo è di difficile interpretazione. Alessandro dice che egli, data l'amicizia che lo congiunge a Filota, preferisce credere che le accuse che a Filota ha mosso Cebalino siano nate dalla volontà di danneggiare Filota e non rispondano a verità. Filota ha dunque un giudice (Alessandro stesso) *favens*. La frase successiva è sta-

²⁶ Anche dal punto di vista paleografico essa non è meno economica di quella di Gronovius / Kinch: si tratta infatti solo di invertire l'ordine di due parole.

ta corretta in varie maniere. Una difesa della tradizione è stata tentata da Müller, che chiosa: “Id quod admitti (i. e. committi, cf. 9, 6, 13; 7, 6, 15; 10, 1, 2) non potuit est consilium regis occidendi, quod postquam Cebalini indicio enuntiatus est, caedes perpetrari non potuit. Hoc igitur dicit Alexander: ‘faventem habes iudicem, si saltem negare potes adfinem te fuisse nefario illi consilio, quod perfici non potuit’. Tanta enim suspicione, utique post Dymni exitum, Philotas premebatur, ut vel infitiandi facultas omnis videretur esse sublata”. Tuttavia io non credo che *quod admitti non potuit* possa essere sano. In questo momento Alessandro vuol ancora dare l’impressione di essere indeciso circa la colpevolezza di Filota; se è così, egli non poteva, rivolgendosi a Filota, chiedergli di *negare* cioè che, lo stesso Filota, *non potuerat admittere*. Rivolgersi così a Filota era come volergli far capire che la condanna contro di lui già era stata decisa: come conciliare questo con *faventem habes iudicem*? Questo devono aver pensato anche gli altri filologi che hanno pensato di correggere il testo (cfr. i tentativi di emendamento nel mio apparato). Non si può nemmeno supporre che la frase significhi “ciò che tu, in quanto mio amico, mai avresti potuto compiere”: osta infatti il termine *saltem*. Io ho dato ad *admittere* il significato di *admittere ad aures* (cfr. *TLL* s. v. *admitto* col. 752, 39–52), intendendo: “se almeno può essere negato ciò che io non ho potuto evitare di ascoltare”. In questo modo Alessandro si esprimerebbe in maniera quasi affettuosa verso Filota, dicendogli che egli non avrebbe nemmeno voluto sentire una tale accusa contro Filota.

6, 8, 2: *Is eadem, quae <frater> detulerat ad regem, ordine exposuit*. Il soggetto della frase è Nicomaco, il quale, circa la congiura di Filota, espone davanti al consesso degli *amici* di Alessandro le stesse cose che suo fratello Cebalino aveva detto in privata sede ad Alessandro. Il testo trádito, sebbene accolto da molti, non ha senso, poiché Nicomaco parla qui per la prima volta davanti ad Alessandro. Vogel aveva pensato a due soluzioni; la prima, abbastanza simile a quella adottata da me, era di integrare *detulerat <frater> ad regem*, la seconda di correggere *regem* in *fratrem* (in effetti Nicomaco aveva dapprima parlato circa la congiura col fratello Cebalino). Ho preferito integrare *frater*, ma ho scoperto che tale parola era già stata integrata dal Bentley e in una posizione metricamente più felice, poiché è sconsigliabile distruggere la bella clausola *detulerat ad regem*.

6, 8, 12–13: *Philotan, consumpto per ludum iocumque paene toto die, gravatum esse pauca verba pertinentia ad caput regis tam longo et forsitan supervacuo inserere sermoni*.¹³ *At enim non credidisse talia deferentibus pueris!* In luogo di *enim non* Σ ha *enim si non* e Hedicke ha

scritto: *At eum non credidisse*. Non ho accettato la congettura di Hedicke, poiché il nesso *at enim* in inizio di frase è diffuso negli storici (cfr. 6, 9, 16; Liv. 3, 68, 3; 5, 53, 1; 37, 53, 28; 42, 41, 12) ed è usato da Livio anche con l'infinitiva, proprio come nel nostro passo (24, 26, 8): *At enim periculi quidem nihil ab se timeri, invisam tamen stirpem regiam esse*.

6, 9, 21: *Quo me conferam, milites? Cui caput meum credam? Equitatu, optima exercitus parti, principibus nobilissimae iuventutis, illum praefeci; salutem, spem, victoriam meam fidei eius tutelaeque commisi*. A parlare è qui Alessandro, che chiede al proprio esercito di proteggerlo contro la congiura ordita da Filota. *Illum praefeci* è mia congettura per *unum praefeci* dei codici. Hedicke aveva proposto *eum praefeci*, mentre gli editori più recenti accolgono il testo dei mss. A me pare che la lezione tradata effettivamente non abbia senso; l'emendamento di Hedicke è perfetto per quel che riguarda il senso, ma *illum praefeci* è migliore paleograficamente. La corruzione di *illum* in *unum* è infatti molto facile e Alessandro usa il pronome *ille* a proposito di Filota anche poco prima del nostro passo (§ 16).

6, 9, 28: *proditos eos esse barbaris, neminem ad coniugem suam, neminem in patriam et ad parentes fuisse rediturum*. Un errore di collazione ha qui (come a 8, 8, 10) impedito di restaurare la lezione senza dubbio originaria. La famiglia Σ omette infatti il secondo *neminem* e così hanno fatto tutti gli editori sinora, poiché nessuno, collazionando P, si è accorto che in questo manoscritto era presente il secondo *neminem*. Si era dunque sempre accolto, qui come in 8, 8, 10, un errore meccanico di Σ.

6, 9, 30–31: *Tum Coenus ... acrius quam quisquam in Philotan invectus est parricidam esse regis, patriae, exercitus clamitans saxumque, quod forte ante pedes iacebat, corripuit emissurus in eum*. I mss. hanno *eripuit* in luogo di *corripuit*; i *recentiores* danno in parte *corripuit*, in parte *arripuit*. Entrambe le soluzioni sono possibili, sia per il senso (identico), sia per la paleografia (*er-* può, con uguale probabilità, derivare da *arr-* come da *corr-*²⁷). Ho preferito *corripuit* solo perché Curzio usa più spesso *corripere* di *arripere* (cinque volte contro una).

6, 10, 11: *Ad verum crimen et ad unum praevertendum mihi est*. Ho accolto (a differenza di Hedicke) *praevertendum* di P e non *revertendum* di S; tale scelta è stata argomentata anche da Kinch (cfr. 7, 1, 26).

²⁷ Cfr. la mia proposta a Dictys Cret. *Eph.* 6, 15 in C. M. Lucarini, “Per il testo di Ditti Settimio”, *Hermes* 135 (2007) 237.

6, 10, 28: *Qui regem nostrum dignatus est filium, neminem eorum, qui stirpi suae insidiati sunt, latere patietur*. Siamo qui all'interno dell'autodifesa di Filota, il quale afferma che, per sapere la verità circa l'accusa che gli è stata mossa, sarebbe opportuno consultare l'oracolo di Ammone, il quale certo non consentirà che coloro che volevano uccidere Alessandro la facciano franca. Io ho accettato il testo dei mss., ma Hedicke aveva accolto una congettura di Eussner: *dignatus est filium <nominare>, neminem eorum...* Tuttavia già Vogel aveva citato, a sostegno del testo trådito, 6, 11, 23 (*Hunc igitur regem agnoscimus ... qui Philippum dedignatur patrem?*), cui bisogna aggiungere Ov. *Met.* 8, 326–327: *O felix, si quem dignabitur ... ista virum*. La congettura di Eussner va dunque senz'altro rifiutata.

6, 10, 35: *Si et, cum indicamus, invisit et, cum tacemus, suspecti sumus, quid facere nos oportet?* Ho citato in apparato le congetture *inrisui* e *inrisi* (quest'ultima sintatticamente difficile) per il cfr. con 6, 7, 33.

6, 11, 21: *Philotas verone an mendacio liberare se a cruciatu voluerit, anceps coniectura est, quoniam <damnatis> et vera confessis et falsa dicentibus idem doloris finis ostenditur*. Non è vero che, quando si è sottoposti a tortura, a chi dice la verità e a chi dice una menzogna *idem doloris finis ostenditur*; dire una menzogna può portare a nuove torture. È invece vero che dire la verità o una menzogna non fa differenza se si è già stati condannati, come nel caso di Filota. Del resto Filota più volte si lamenta di essere già stato condannato prima del processo.

6, 11, 22: *illum dico Hegelochum, qui in acie cecidit: omnium malorum nobis fuit causa*. Non ho accolto *<is>* di Vogel: cfr. 7, 2, 11 (*Longe acceptissimus Parmenioni erat*).

(segue)

Carlo M. Lucarini
University College, London

Автор публикует пояснения и дополнения к новому тойбнеровскому изданию Курция Руфа (см. прим. 6). Часть I охватывает книги 3–6.

ЕЩЕ РАЗ О ТЕРМИНЕ *ГНОСТИК*. II*

Теперь обратимся еще к одному вопросу, а именно к употреблению слова *гностик* у Климента Александрийского, которое, совершенно очевидно, родилось в полемике с вышеназванными еретиками, но получило у него иное значение.¹

“Лжеименному гносису” Климент противопоставляет свой “церковный гносис”,² а различным *гностикам*-еретикам противостоит у него “истинный *гностик*” (ὁ γνῶστικός). В отличие от еретиков, убежденных в том, что совершенное и полное знание высшего и благого Бога, которому противостоит создатель этого мира, злой Демиург, заложено в них уже от рождения и обусловлено самой их природой,³ Климент считает, что знание Бога, насколько оно воз-

* Окончание. Часть I см.: *Hyperboreus* 14 (2008): 1, 91–117.

¹ См.: A. Méhat, “‘Vraie’ et ‘fausse’ gnose d’après Clément d’Alexandrie”, in: *Rediscovery of Gnosticism. Proceedings of the Intern. Conf. on Gnosticism at Yale New Haven, Connecticut I* (Leiden 1980) 432: “Il a tiré des écrits hérétiques des *dogmes*, auxquels il a opposé la ‘gnose ecclésiastique’ elle-même condensée en *dogmes*”; автор показывает, по каким именно вопросам Климент противопоставлял гносису еретиков свой гносис:

1. У них: творение мира – это зло и является плодом работы злого и низшего Демиурга / у Климента: творение – свято, и оно – плод работы благого Верховного Бога и его Слова.

2. Бог Ветхого Завета и Бог Нового Завета – это два разных бога / Бог Ветхого и Нового Завета – один и тот же Бог.

3. Тело является дурным по своей природе / тело – ниже души, но само по себе оно не является злом.

4. Люди по самой своей природе делятся на три класса: гностики (γνῶστικοί, или избранные, ἐκλεκτοί), душевные (ψυχικοί) и материальные (ὕλικοί, или плотские, σαρκικοί) / не существует никакой избранности по природе: все зависит от свободы воли, аскезы и т. д.

5. Гносис является уделом только гностика, вера – удел “душевного” (= церковного христианина) / гносис – это высшая ступень веры.

6. Гносис озаряет внезапно / гносис приобретается с течением времени и трудом, и т. д. (*ibid.*, 428–429).

² ἡ ἐκκλησιαστικὴ γνῶσις (*Strom.* VII. 103. 6); ср. также: *Iren. Adv. haer.* IV. 33. 8: “Истинный гносис — это учение апостолов и древнее устройство Церкви во всем мире” (Γνῶσις ἀληθής, ἡ τῶν ἀποστόλων διδασχὴ καὶ τὸ ἀρχαῖον τῆς ἐκκλησίας σύστημα κατὰ παντὸς τοῦ κόσμου).

³ По свидетельству Иринея, карпократиане учили о том, что Иисус, хотя и родился от Иосифа и был подобен прочим людям (ὁμοῖον τοῖς ἀνθρώποις),

можно,⁴ достигается только непрерывными духовными усилиями,⁵ но доступно оно любому принадлежащему “вселенской Церкви”⁶ и,

имел “душу чистую” (τὴν ψυχὴν <...> καθάραν), которой от нерожденного Бога (ὑπὸ τοῦ ἀγεννήτου θεοῦ) была изначально дана сила (δύναμιν) с тем, чтобы душа, избежав низших богов – “творцов этого мира” (τοὺς κοσμοποιοὺς), смогла вознестись к нерожденному Богу. Так же и гностики имеют душу, подобную душе Христа, и поэтому одни утверждали, что они подобны (ὁμοίους) Иисусу, другие считали себя даже могущественнее (δυνατωτέρους) его, а третьи считали себя выше (διαφορωτέρους) Петра, Павла и прочих апостолов (*Adv. haer.* I. 25. 1–2; ср. *ibid.*, I. 13. 6 о маркосианах); ср. также ч. I прим. 37.

⁴ Так, ссылаясь на Писание, он говорит о необходимости “искать Бога и, насколько это возможно, пытаться познать его” (ζητεῖν τὸν θεὸν καὶ ὡς οἶόν τε γινώσκειν ἐπιχειρεῖν: *Strom.* II. 47. 4). Также и Иринея говорит о возможности для христианина только частичного познания Бога, и основой этого познания является Писание: “Мы не должны отвергать твердое и истинное познание о Боге” (...firmam et veram de Deo scientiam: *Adv. haer.* II. 28. 1), и “даже если мы не можем найти в Писании ответов на все вопросы, то мы не будем искать другого бога (alterum Deum), кроме того, который есть” (*ibid.*, II. 28. 2). При этом для Иринея совершенно очевидно, что, поскольку человек неизмеримо менее Бога (in infinitum minor Deo) и не может, как Бог, иметь знания обо всем (omnium experientiam et cogitationem: *ibid.*, II. 25. 3), то “только некоторые вещи (относящиеся к Богу) доступны нашему познанию” (ἐνία δὲ καὶ εἰς γνῶσιν ἐλήλυθε τὴν ἡμετέραν: *ibid.*, II. 28. 3), и поэтому (со ссылкой на *IKop* 13. 9: “мы знаем отчасти”) несостоятельны утверждения таких считающих себя “совершенными” (perfecti) гностиков, как Валентин, Птолемей, Василид и т. п., что “они исследовали глубины Бога” (altitudines Dei exquisisse; ср. τὰ βάθη τοῦ θεοῦ в *IKop* 2. 10) и получили полное знание о сущем (universaliter universam cepisse eorum quae sunt agnitionem: *ibid.*, II. 28. 9).

⁵ Этот путь труден: “воистину (гностик непрерывно) сам себя создает и творит” (ναὶ μὴν ἑαυτὸν κτίζει καὶ δημιουργεῖ: *Strom.* VII. 13. 3), “а гносис, своим величием и истиной намного превосходящий все науки, приобрести очень трудно, и добывается он великим трудом” (πολὸν δὲ μάλλον ἢ μεγέθει πασῶν μαθήσεων καὶ ἀληθείᾳ διαφέρουσα γνῶσις χαλεπωτάτη κτήσασθαι καὶ ἐν πολλῷ καμάτῳ περιγίνεται: *ibid.*, VI. 96. 4); “ибо гносис <...> – это некое совершенство человека как такового” (ἐστὶν γὰρ <...> ἡ γνῶσις τελείωσις τις ἀνθρώπου ὡς ἀνθρώπου: *ibid.*, VII. 55. 1), и т. д. При этом для Климент “основой знания является вера” (πιστεῦσαι δὲ θεμέλιος γνῶσεως: *ibid.*, VII. 55. 5; ср. πίστις γνῶστικῆ: *ibid.*, VI. 76. 4), и именно от веры и страха Божия человек движется к познанию Бога (ἐκ πίστεως καὶ φόβου προκόψας εἰς γνῶσιν ἀνθρώπος...: *Ecl. proph.* 19. 1). Одним словом, гностиками не рождаются, ими становятся. По-прежнему лучшим исследованием вопроса об “истинном гностике” у Климента остается: W. Völker, *Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandrinus*, TU 57 (Berlin 1952).

⁶ Это понятие уже в самом начале II в. встречаем у Игнатия Антиохийского (καθολικὴ ἐκκλησία: *Ad Smyrn.* 8. 2; букв. “всеобщая церковь”), а в кон-

следовательно, *гностиком* может стать каждый. Свое понимание того, чем является подлинный “церковный гносис”, Климент определяет так (*Strom.* III. 44. 3):

οὐ γὰρ λόγον ψιλὸν εἶναι τὴν γνῶσιν φαμεν, ἀλλὰ τινα ἐπιστήμην θεῖαν καὶ φῶς ἐκεῖνο τὸ ἐν τῇ ψυχῇ ἐγγενόμενον ἐκ τῆς κατὰ τὰς ἐντολὰς ὑπακοῆς τὸ πάντα κατὰδὲλα ποιοῦν τὰ [τε] ἐν γενέσει αὐτόν τε τὸν ἄνθρωπον ἑαυτὸν τε γινώσκειν παρασκευάζον καὶ τοῦ θεοῦ ἐπήβολον καθίστασθαι διδάσκον.

Для нас гносис является не пустым словом, но неким божественным знанием, тем светом, возникающем в душе от соблюдения заповедей, который делает ясным все относящееся к творению, а также помогает самому человеку познавать самого себя и учит его постигать Бога.⁷

ще того же века Ириной так формулирует саму природу Церкви: “Приняв это учение (апостолов) и эту веру, как я уже выше сказал (ср. *Adv. haer.* I. 10. 1), Церковь, хотя она и рассеяна по всему миру (ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ), заботливо сберегает их, как если бы она жила в одном доме (ὡς ἓνα οἶκον οἰκοῦσα), и (повсюду) одинаково верует (в это учение), как бы имея единую душу и единое сердце; она одинаково (συμφώνως) проповедует это, учит и передает, как если бы у нее были одни уста” (*Adv. haer.* I. 10. 2). Только христианство, покаяющееся на принадлежности к Церкви (отсюда и название “церковные христиане”, ἐκκλησιαστικοί; см., например: *Cels.* VI. 27 или *Comm. Joh.* XIII. 44, где Ориген противопоставляет церковное христианство христианству Гераклеона) и ставящее во главу угла Евангелие, Ориген называл истинным (ἀληθινὸς χριστιανισμός, *Cels.* II. 27; что, впрочем, спустя столетия, не помешало “истинным христианам” отлучить его от этой Церкви и признать в нем еретика). “Вселенская Церковь”, начавшаяся с проповеди Спасителя, является “самой древней и единственно истинной Церковью” (ἡ προγεγεστώτη καὶ ἀληθεστάτη ἐκκλησία), а все ереси возникли позднее в результате отпадения от Церкви (*Clem. Strom.* VII. 107. 2).

Важность единой церкви и ее иерархической структуры рано понял Мани и успешно осуществил идею на практике: именно хорошо налаженная и унифицированная организация манихейской церкви не в последнюю очередь способствовала невероятному успеху манихейства во всех концах тогдашней ойкумены (см.: А. Л. Хосроев, *История манихейства (Prolegomena)* [СПб. 2007] 203 сл.). Подробнее о различии между церковным и гностическим христианством разных толков см.: А. Л. Хосроев, *Александрийское христианство по данным текстов из Наг Хаммади* (М. 1991) 34–48; он же, *Из истории раннего христианства в Египте. На материале коптской библиотеки из Наг Хаммади* (М. 1997) 254–285; он же, *История манихейства*, 238–257.

⁷ Это учение Климента об “истинном гностике” позднее, уже применительно к “совершенному монаху”, развивал Евагрий Понтик (см., например,

Итак, принимая во внимание полный разноречивый в свидетельствах ересиологов о том, какие именно еретики во II–III вв. называли себя *гностиками* (последователи Продика, наасены, карпократиане, валентиниане или другие анонимные *гностики*), а также то обстоятельство, что их современник Климент Александрийский не менее охотно пользовался этим термином (правда, обозначая им совершенного христианина, принадлежащего Церкви), можно думать,

а) что это название к концу II в. было в широком ходу,

б) что уже не только последователи определенной группы христиан (а очевидно, что это имя первоначально дали себе последователи какой-то одной христианской ереси), но и многие другие христиане, противопоставлявшие себя Церкви, называли себя *гностиками* и

в) что теперь это имя они применяли к себе скорее как эпитет,⁸ не переставая при этом считать себя *христианами*.⁹

его трактат под названием 'Ο γνῶστικός). И у того, и у другого достижению знания Бога предшествуют πίστις, φόβος, ἐγκράτεια, ὑπομονή, ἐλπίς, ἀγάπη, и, наконец, γνῶσις (подробнее см.: A. Guillaumont, "Le gnostique chez Clément d'Alexandrie et chez Évangile le Pontique", in: *ALEXANDRINA. Mélanges offerts au P. Claude Mondésert* [Paris 1987] 195–201), но в своем учении о церковном гносисе они так и остались одиночками.

⁸ Ср., например, свидетельства Иринея о последователях Валентина, которые "хотят показаться более совершенными, чем совершенные, и более знающими, чем знающие" (τελείων τελειότεροι <...> καὶ γνῶστικῶν γνῶστικώτεροι: *Adv. haer.* I. 11. 5), и о Марке, представлявшем себя своим adeptам как "самого знающего и самого совершенного" (γνῶστικώτατος = scientissimus et perfectissimus в лат. переводе: *ibid.*, I. 13. 1). Ср. также: N. Brox, "Γνῶστικοί als häresiologischer Terminus", *ZNW* 57 (1966) 108: "Es ist leicht denkbar, daß γνῶστικοί als Name einer Einzelsekte von anderen Gruppen und Schulen entlehnt wurde, zwar nicht im Sinne eines Sektennamens, aber als Selbstcharakterisierung ihrer Lehre wie ihrer persönlichen Qualifikation"; ср. также ч. I прим. 59.

⁹ Так, например, Иустин, рассказав о симонианах, последователях Менандра и маркионитах, говорит о том, что все они "зываются (или: называют себя) христианами" (Χριστιανοὶ καλοῦνται: *I Apol.* 26. 4); ср. утверждение наасенов: "из всех людей только мы являемся (подлинными) христианами" (ἐσμὲν <...> ἐξ πάντων ἀνθρώπων ἡμεῖς Χριστιανοὶ μόνοι: Hippol. *Ref.* V. 9. 22); Clem. *Strom.* III. 3. 4 о том, что последователи Василиды называли себя христианами (ὑποδύμενοι τὸ ὄνομα τοῦ Χριστοῦ), а также сетования Епифания: "И ведь до сих пор люди называют все ереси – я имею в виду манихеев, маркионитов, гностиков и прочих – христианами, и каждая ересь, даже если она по-другому называется, принимает это (название)" (καὶ γὰρ καὶ νῦν ὁμῶς οἱ ἄνθρωποι πάσας τὰς αἱρέσεις, Μανιχαίους τέ φημι καὶ Μαρκιωνιστάς, Γνωστικούς τε καὶ ἄλλους, Χριστιανοὺς καλοῦσι καὶ ὁμῶς ἐκάστη

Названия же вроде *валентиниане*, *карпократиане* или т. п. вышли из-под пера церковных оппонентов,¹⁰ отказывавших им в праве называться христианами.¹¹

Когда¹² и кем прилагательное *γνωστικός* было субстантивировано и перенесено на человека, причем преимущественно на представителей совершенно определенной ветви христианства, мы не знаем.¹³ Но нужно думать, что это произошло в среде, знакомой с

αἵρεσις, καίπερ ἄλλως λεγόμενη, καταδέχεται τοῦτο...; ср. *Pan.* 30. 1. 3); о том, что христианами считали себя и карпократиане, см. *Epirh. Pan.* 27. 3. 4. По всей вероятности, *гностики* разных толков оставались членами церковной общины. Вспомним свидетельство Тертуллиана о том, что “Валентин надеялся занять епископскую кафедру” (*speraverat episcopatum Valentinus*) в Риме (*Adv. Val.* 4. 1); см. также утверждение Тимофея Константинопольского (ок. 600 г.) о том, что “Валентин стал епископом Египта” (οὗτος δὲ ὁ Βαλεντίνος ἐπίσκοπος γέγονεν Αἰγύπτου: *De rec. haer.* 17 В; PG 86); Епифаний рассказывает о некоем Петре в Палестине, родоначальнике ереси архонтиков (Ἀρχοντικοί), который епископом Аэцием (середина IV в.) был лишен священнического сана (καθηρέθη ἀπὸ τοῦ πρεσβυτερίου) за то, что “он был последователем гностической ереси” (τὴν τῶν Γνωστικῶν μετιῶν αἵρεσιν: *Pan.* 40. 1. 5).

¹⁰ Имена на -ιανός (от лат. -ianus), появившиеся в греческом довольно поздно, обозначали, как правило, группу последователей того или иного человека (“les partisans d’un personnage”: P. Chantraine, *La formation des noms en grec ancien*, Société de linguistique de Paris. Collection linguistique 38 [Paris 1933] 197; “...im Plural <...>, um eine Gruppe von Parteianhängern zu bezeichnen”: E. Peterson, “Christianus”, in: id., *Frühkirche, Judentum und Gnosis* [Rom 1959] 69–70) и были не самоназваниями (как и в случае с именем *χριστιανοί*), а давались противниками (ср. ч. I прим. 5 и 57).

¹¹ Так, например, уже Тертуллиан говорит: “Ведь если они являются еретиками, то не могут быть христианами” (*Si enim haeretici sunt, christiani esse non possunt: Praesc.* 37. 2); ср. у Лактанция (ок. 310 г.): “Ведь после того, как (еретики) стали называться фригийцами, новатианами, валентинианами, маркионитами, антропианами или какими-то другими именами, они перестали быть христианами (*Christiani esse desierunt*); они, оставив имя Христа, обличились в имена человеческие и внешние” (*Div. inst.* IV. 30. 10), и т. д.

¹² *Terminus ante quem* для возникновения термина – свидетельство Цельса (между 177 и 180 гг.; см. ч. I с. 92–94), но если принимать свидетельство Иринея, что последователи Маркеллины между 154–165 гг. называли себя *гностиками* (ср. ч. I с. 97–98), то возникновение этого обозначения можно отодвинуть на 20 лет. Поскольку Иринея не говорит о том, что именно последователи Маркеллины изобрели этот термин, то можно допустить, что слово к этому времени уже имело за собой какую-то историю (ср. ниже с. 7–8).

¹³ Ср. B. Layton, “Prolegomena to the Study of Ancient Gnosticism”, in: *The Social World of the First Christians. Essays in Honor of W. A. Meeks*. Ed. by L. M. White and O. L. Yarbrough (Minneapolis 1995) 338: “The specific reason why the creator of this *hairesis* chose the name Gnostike (‘Knowledge-Supplying’) is not clear”.

платонизмом (к которому и восходит сам термин),¹⁴ и, совершенно очевидно, под влиянием языка Нового Завета. Так, уже у Павла такие понятия на -ικός, как, например, ψυχικός или πνευματικός (употреблявшиеся в предшествующей греческой литературе в значении “относящийся к душе” или “относящийся к духу”), обозначают теперь определенный тип человека.¹⁵

¹⁴ О том, что многие гностические учителя в той или иной мере были причастны к греческой философской культуре, не раз говорят их оппоненты. Так, например, по свидетельству Климента, Епифан (ср. ч. I прим. 47) получил у отца греческое образование и знание Платона (ἐπαίδεύθη <...> παρὰ τῷ πατρὶ τὴν ἐγκύκλιον παιδείαν καὶ τὰ Πλάτωνος: *Strom.* III. 5. 3); Иринеи утверждает, что последователи Маркеллины имели у себя наряду с изображением Иисуса “изображения Пифагора, Платона, Аристотеля и других философов” (cum imaginibus mundi philosophorum, videlicet cum imagine Pythagorae et Platonis et Aristotelis et reliquorum: *Adv. haer.* I. 25. 6); ср. *Eph. Pan.* 31. 2. 3 о том, что Валентин получил греческое образование в Александрии (ἐν Ἀλεξανδρείᾳ δὲ πεπαιδευθῆσαι τὴν τῶν Ἑλλήνων παιδείαν), а у Тертуллиана не было никакого сомнения в том, что Валентин Platonicus fuerat (*Praesc.* 7. 3); Ипполиту было ясно, что в основе ереси Валентина лежат учения Пифагора и Платона (“Ἐστὶ μὲν οὖν ἡ Οὐαλεντίνου αἵρεσις Πυθαγορικὴν ἔχουσα καὶ Πλατωνικὴν τὴν ὑπόθεσιν: *Ref.* VI. 21. 1); наконец, Плотин прямо говорит о том, что его оппоненты, *гностики*, заимствовали свое учение у Платона (ὅλως γὰρ τὰ μὲν αὐτοῖς παρὰ τοῦ Πλάτωνος εἴληπται: *Plot. Enn.* II. 9. 6 [10–11]), и т. д.

В текстах из Наг Хаммади мы находим целый ряд философских (или философизирующих) трактатов (не забудем, что там сохранился и отрывок из “Государства” Платона [588 В – 589 В], правда, в варварском переводе на коптский: *Nag Hammadi Codices* VI. 5), но обращение к ним выходит за рамки темы.

Очевидно, что у всех этих авторов и во всех этих текстах речь не идет о глубоком знании платонизма или другой философии, и современный знаток неоплатонизма так очень точно определил суть дела: “I think, then, in general, that any influence which may have been exerted by any kind of Greek philosophy on Gnosticism was not genuine but extraneous and for the most part superficial. We are dealing with the use of Greek ideas, often distorted or strangely developed, in a context which is not their own, to commend a different way of faith and feeling, not with a genuine growth of any variety of Gnosticism out of philosophy, whatever some ancient heresiologists may have thought” (A. H. Armstrong, “Gnosis and Greek Philosophy”, in: *Gnosis. Festschrift für Hans Jonas*. Hg. von B. Aland et al. [Göttingen 1978] 101).

¹⁵ В греческой философской культуре к этому времени прилагательные на -ικός, за которыми первоначально подразумевались φιλόσοφος, αἵρεσις и т. п. и которые могли быть образованы как от имени главы школы (Πλατωνικός, Ἀριστοτελικός), так и от какого-либо атрибута (Ἀκαδημικός, Στωικός) или самого содержания (претензии) философского учения (например: Ἀπορητικοὶ καὶ Σκεπτικοὶ καὶ Ζητητικοί: *D. L.* IX. 69; ср. σκεπτικὴ αἵρεσις и в *Iren.*

В этом отношении, на мой взгляд, крайне важен пассаж из *IKop* 2. 14–16, который, вероятно, и проложил дорогу последующему введению в обиход слова *гностик* в интересующем нас значении:

(14) ψυχικός δὲ ἄνθρωπος οὐ δέχεται τὰ τοῦ πνεύματος τοῦ θεοῦ <...> καὶ οὐ δύναται γινῶναι, ὅτι πνευματικῶς ἀνακρίνεται. (15) ὁ δὲ πνευματικὸς ἀνακρίνει [τὰ] πάντα <...> (16) τίς γὰρ ἔγνω νοῦν κυρίου, ὃς συμβιβάσει αὐτόν; ἡμεῖς δὲ νοῦν Χριστοῦ ἔχομεν.

Отсюда был уже один шаг к тому, чтобы из *пневматика*, т. е. человека, который в состоянии *познать* (γινώσκειν) ум Господа, сделать *гностика* (γνωστικός), т. е. того, кто действительно *познал* Бога.¹⁶ Если вспомнить о том, с каким пиететом относились к Павлу, например, валентиниане¹⁷ или наасены, которые, по свидетельству Ипполита, называли себя *гностиками*,¹⁸ то не будет неожиданным предположение, что именно это высказывание апостола послужило толчком к переосмыслению старого платоновского понятия и к возникновению нового термина.¹⁹

И в заключение следует сказать несколько слов о термине “гностицизм”. Усиленно полемизируя на протяжении веков с различного рода еретиками, церковные ересиологи не ввели в обиход такого обобщающего понятия, как *γνωστικισμός²⁰ (по аналогии, напри-

Adv. haer. I. 11. 1 [см. ч. I с. 98] γνωστικὴ αἵρεσις), также употребляются уже субстантивированно в значении “последователь той или иной философской школы”.

¹⁶ Павел охотно пользовался не только глаголом γινώσκειν, но и существительным γνώσις (около двух десятков случаев), ставя, правда, выше “знания” ἁγία; ср., например: *IKop* 8. 1–2.

¹⁷ Именно на основе толкования *IKop* 2. 14–15 + *IKop* 15. 48 (χοικός) строили они свою трехчастную антропологию: *Iren. Adv. haer.* I. 8. 3 (ср. ч. I прим. 37). Подробнее об отношении гностиков различных толков к Павлу см.: E. N. Pagels, *The Gnostic Paul. Gnostic Exegesis of the Pauline Letters* (Philadelphia 1975).

¹⁸ Ср. ч. I прим. 32 и утверждение наасенов, что сказанное в *IKop* 2. 13–14 ἐστὶ τὰ τοῦ πνεύματος ἄρρητα μυστήρια, ἃ ἡμεῖς (т. е. наасены) ἴσμεν μόνοι: *Ref.* V. 8. 27.

¹⁹ Имел ли в виду Ипполит, говоря об “этих, в высшей мере достойных удивления, гностиках, изобретателях нового грамматического искусства” (οἱ θαυμασιώτατοι γνωστικοί, ἐφευρεταὶ καὶ νέης τέχνης γραμματικῆς: V. 8. 1) среди прочего и их “словотворчество”?

²⁰ В греческом существительные на -ισμός являются производными от глаголов на -ίζειν, а глагол *γνωστικίζειν не засвидетельствован (ср. ниже прим. 23), но само по себе наличие такого глагола еще не означает, что от него

мер, с *χριστιανισμός*²¹ и *ἰουδαϊσμός*²²), чтобы обозначить им всю совокупность христианских учений, стоящих в оппозиции к Церкви; они довольствовались понятием (лжеименный) *γνῶσις*. Понятие “гностицизм” возникло уже в новое время под пером кембриджского платониста Генри Мора (Henry More, 1614–1687), который в своем труде “Antidote against Idolatry” (1664 г.) объединил раннехристианские ереси общим названием “(the old abhorred) Gnosticism”.²³

Не касаясь здесь анализа по-прежнему спорного вопроса о том, какое именно религиозное явление обозначать термином “гностицизм”²⁴ и пригоден ли этот термин вообще, поскольку “man in der

обязательно должно быть образовано соответствующее существительное; так, например, засвидетельствованный глагол *πλατῶνίζειν* (в значении “подражать Платону, быть его последователем”: Orig. *Cels.* IV. 83) не привел в древности к возникновению понятия *πλατῶνισμός*; оно появилось лишь в середине XVI в. и обозначало тогда, по словам Дерри (как и большинство *-измов*, с определенными отрицательными коннотациями), “nicht etwa wertfrei die Philosophie des Platons, sondern es meint ein unerlaubtes, unangemessenes Hinneigen zu Platon (das einem Christen nicht erlaubt ist)” (H. Dörrie, “Was ist ‘spätantiker Platonismus’? Überlegungen zur Grenzziehung zwischen Platonismus und Christentum”, *Theologische Rundschau* 36 [1971]: 4, 288). Об *-измах* в том числе и в современном языке см. остроумную статью: F. Dornseiff, “Der -ismus” (1919), in: id., *Kleine Schriften II: Sprache und Sprechender*. Hrsg. von J. Werner (Leipzig 1964) 318–329.

²¹ Слово *χριστιανισμός* (в значении “христианский образ жизни и вера”) мы впервые встречаем у Игнатия Антиохийского: *μάθομεν κατὰ Χριστιανισμὸν ζῆν* (*Ad Magn.* X. 1), где *κατὰ Χριστιανισμὸν ζῆν* соответствует глаголу *χριστιανίζειν*, который впервые встречаем у Оригена (*Cels.* III. 80).

²² Слово *ἰουδαϊσμός* появляется впервые в 2 *Мак* 2. 21 (конец II в. до н. э.), где речь идет также о борьбе за право “жить по иудейским законам”.

²³ См.: *Oxford English Dictionary* VI (Oxford 1989) 616; подробнее см.: Layton (прим. 13) 348–349, где приводится пространный отрывок из этого сочинения; заметим, что Мор ввел в обиход и глагол *gnosticize* (**γνῶστικίζω*) в значении “to adopt or expound gnostic views”. Ошибочно утверждает Рудольф (K. Rudolph, “‘Gnosis’ and ‘Gnosticism’ – the Problems of their Definition and their Relation to the Writing of the New Testament”, in: id., *Gnosis und spätantike Religionsgeschichte. Gesammelte Aufsätze*, *NHMS* 42 [Leiden 1996] 43): “Most of these -isms, including ‘Gnosticism’, have arisen since around 1750”.

²⁴ Уже Мосхайм (правда, использовавший вместо термина *Gnostizismus* термин *Gnosis*) посвятил вопросам терминологии пространное примечание под названием “Von dem Worte *Gnosis* und *Gnostikus*” (J. L. von Mosheim, *Versuch einer unpartheiischen und gründlichen Ketzergeschichte* [Helmstedt 1746; neu hg. u. eingeleitet von D. Fleischer, Waltrop (Reken) 1995] 117–119); для него *Gnosis* – это учение, которое исповедовали “die irrigen Lehrer der ersten Kirche, die <...> sich selbst die *Gnostiker* genennet” (*ibid.*, 117; ср. ч. I прим. 59). Одна-

Antike eine solche übergreifende Gruppenbildung nicht kannte”,²⁵ замечу, что термин представляется мне весьма удобным для обозначения совокупности христианских еретиков II в. и, как и раньше, придерживаясь определения этого религиозного явления, которое было дано на Международном colloquio в Мессине в 1966 г., где было предложено отождествлять “гностицизм” “с определенной группой (христианских) систем второго века н. э.”.²⁶

А. Л. Хосроев

Институт восточных рукописей РАН

The paper collects and analyses main evidence on the use of the word γνῶστικός in the 2nd–4th century philosophy, both pagan (Celsus, Plotinus, Porphyrius) and Christian heresiological (Irenaeus, Clemens, Hippolytus, Tertullianus, Epiphanius). Originally, Plato uses γνῶστικός as an adjective (*Polit.* 258 E; γνῶστικὴ ἐπιστήμη). In the second half of the 2nd century, followers of one of the early Christian opposition movements use the word as a self-epithet (e. g. *Adv. haer.* I. 11. 5; γνῶστικῶν γνῶστικώτεροι). Later the γνῶστικός is substantivated, most likely under the influence of the Pauline Epistles (e. g. *1Cor* 2. 14–16). Starting from Irenaeus, the word refers to any Christian dualist heretic.

ко вопросы: “Is Gnosticism a Christian heresy?” (J. E. Ménard, “Normative Self-Definition in Gnosticism”, in: *Jewish and Christian Self-Definition. I: The Shaping of Christianity in the Second and Third Centuries*. Ed. by E. P. Sanders [Philadelphia 1980] 134) или “Is Gnosticism a Religion?” (B. A. Pearson, “Gnosticism as a Religion”, in: id., *Gnosticism and Christianity in Roman and Coptic Egypt* [New York – London 2004] 201; ср. утверждение автора: “It is legitimate to talk about ‘Gnosticism’ as ‘a religion’ analogous to ‘Judaism’ or ‘Christianity’”, *ibid.*, 213) продолжают вызывать жаркие дискуссии.

²⁵ J. Holzhausen, “Gnostizismus, Gnosis, Gnostiker. Ein Beitrag zur antiken Terminologie”, *JAC* 44 (2001) 74. На это можно заметить, что древность не знала и термина “платонизм” (как, впрочем, и большинство *-измов*), однако это не значит, что платонизма не было, и едва ли у нас есть основания от этого термина отказываться.

²⁶ “In order to avoid an undifferentiated use of the terms *gnosis* and *Gnosticism*, it seems to be advisable to identify <...> ‘Gnosticism’ <...> with a certain group of systems of the Second Century A.D.” (*Le origini dello Gnosticismo. Colloquio di Messina 13–18 aprile 1966*. Ed. U. Bianchi [Leiden 1967] XXVI).

CHARACTERS AND NAMES IN THE *VITA AESOPI* AND IN THE *TALE OF AHIQAR* PART I: LYKOROS AND HERMIPPOS¹

1. Introduction: The *Vita Aesopi* and the Near-Eastern *Tale of Ahiqar*

In the so-called *Vita Aesopi*, an extensive fictional narrative about Aesop, the original form of which was most probably composed in the 1st or 2nd c. AD, a large section is dedicated to Aesop's adventures in Babylon (ch. 101–123). Arriving at Babylon, Aesop exhibited his wisdom and won the favour of the Babylonian monarch, Lykoros, who entrusted to Aesop the administration of the kingdom. Being childless, Aesop adopted a young nobleman of Babylon and took great care in his education. But the young man went astray and got involved in a love-affair with the king's own concubine, for which Aesop severely reproved him. So the youth, angered with Aesop, decided to harm him and falsely accused him before the Babylonian king as a traitor, adducing forged letters as evidence. The king was deceived and gave orders to a military officer, named Hermippos, to put Aesop to death. Hermippos, however, was a good friend of Aesop's: so he hid the persecuted man and kept him secretly alive, while falsely reporting to the king that Aesop had been slain. After a while, Nektanebo, the king of Egypt, heard that Aesop was dead and decided to challenge Lykoros with difficult problems, knowing that, apart from Aesop, no one else in Babylon would be in a position to solve them. He sent a letter to Lykoros and asked him to send to Egypt people who could construct a castle in mid-air and give answer to all the other questions of the Egyptian king. If Lykoros found such people, the Egyptian would pay him tribute for ten years; if not, Lykoros himself would be obliged to pay the same tribute to Egypt. No one among Lykoros' courtiers was able to think of a solution to the problem of the aerial castle. So Lykoros fell into despair and began lamenting for the loss of Aesop. At that point Hermippos revealed to the

¹ I wish to thank my colleagues, Dr. Antonio Corso and Dr. Grammatiki Karla, who read a draft of this article and made helpful comments. Throughout the article references to the *Vita Aesopi* follow the editions of F. Ferrari, *Romanzo di Esopo* (Milano 1997) for the G version, M. Papathomopoulos, *Ὁ Βίος τοῦ Αἰσώπου. Ἡ παραλλαγή W* (Athens 1999) for the recension MORN, and G. A. Karla, *Vita Aesopi. Überlieferung, Sprache und Edition einer frühbyzantinischen Fassung des Äsopromans* (Wiesbaden 2001) for the recension BPTSA of the Westermanniana.

king that Aesop had been kept alive. Lykoros was overjoyed and ordered that Aesop be released and brought before him. Aesop demonstrated his innocence to the king and disproved the false accusations of his adoptive son. Lykoros reinstated Aesop and handed over to him his adoptive son for punishment. Aesop admonished the young man with a long tirade of wise sayings, and the youth felt great shame and grief for having wronged his adoptive father; so he refused to take food and died. After that, Aesop travelled to Egypt, where he cleverly solved the problem of the aerial castle, along with a series of other tricky riddles propounded by the Egyptian king. Nektanebo greatly admired Aesop's ingenuity, duly gave him the tribute of Egypt and sent him back to Babylon, where Aesop received many honours from Lykoros.

This entire section of the *Vita Aesopi* (often called “the Babylonian section”) is a relatively faithful adaptation of a Near-Eastern narrative work, the *Tale of Ahiqar*, which was compiled as a whole in the late 7th or early 6th c. BC, most probably in the Aramaic language and in an Assyrian environment. The central hero of this work, Ahiqar, the wise vizier of the Assyrian king Esarhaddon, is shown undergoing all the adventures and ordeals attributed to Aesop in the Greek adaptation: he adopts and raises his nephew Nadin, he is calumniated by the treacherous young man before the Assyrian king, he gets condemned to death but is saved and hidden by the executioner; and afterwards he is reinstated, helps his king in the riddle-contest against the Egyptian Pharaoh and harshly punishes his nephew. The oldest surviving version of the *Tale of Ahiqar* is written in Aramaic and transmitted by a fragmentary papyrus of the late 5th c. BC, which was discovered at Elephantine, Egypt, among the remains of the Jewish community situated there. The papyrus preserves only the earlier part of the narrative, up to the point when Ahiqar is hidden and falsely reported as dead to the Assyrian king. All the rest of Ahiqar's adventures have been lost in a large gap, and the remaining papyrus fragments contain only part of a collection of the wise vizier's sayings, which must have been appended at the end, after the narrative.²

² On the papyrus of Elephantine, and generally on the provenance, dating and textual tradition of the *Tale of Ahiqar* see R. Degen, “Achikar”, *Enzyklopädie des Märchens* 1 (1977) 53–59; J. M. Lindenberger, “Ahiqar. A New Translation and Introduction”, in J. H. Charlesworth (ed.), *The Old Testament Pseudepigrapha* II (London 1985) 479–482; J. C. Greenfield, “The Wisdom of Ahiqar”, in J. Day, R. P. Gordon, H. G. M. Williamson (eds.), *Wisdom in Ancient Israel. Essays in Honour of J. A. Emerton* (Cambridge 1995) 43–52; P. Grelot, “Les proverbes d’Ahiqar”, *RBi* 108 (2001) 511–516; and I. M. Konstantakos, *Ακίχαρος. Η Διήγηση του Αχικάρ στην αρχαία Ελλάδα* (Athens 2008) I, 23–32 with more bibliography.

The sequel of the narrative, with the riddle-contest, Ahiqar's reinstatement and his journey and triumph in Egypt, is known only from the later versions of the *Tale of Ahiqar*, which circulated in many languages: Syriac, Armenian, Arabic, Ethiopic, Old Church Slavonic, and afterwards also Old and Modern Turkish, Russian, Romanian, Serbo-Croatian, and Georgian. These later versions are transmitted by manuscripts dating from medieval times onwards; the oldest ones among them appear to be the Syriac and the Armenian version, which may go back to the last centuries of antiquity. The later redactions offer a more extensive narrative than the ancient version of Elephantine, but not a substantially different one with regard to the main events of the plot, as it transpires from the collation of their text with the preserved narrative part of the Aramaic papyrus: they follow the same essential storyline and have only expanded the briefer core of the Elephantine version with additional details, adventurous developments and novelistic or folktale motifs.³ Many of the amplifications found in the later versions must have been introduced into the narrative of *Ahiqar* from an early period. The apocryphal book of *Tobit* (probably 3rd or 2nd c. BC), which repeatedly alludes to Ahiqar's adventures, appears to presuppose a form of *Ahiqar* including some characteristic additions of the later versions. Fragments of a Demotic Egyptian version of *Ahiqar* in papyri of the 1st c. AD contain an episode which is absent from the text of Elephantine and has been added only in the later redactions.⁴

The Greek adaptation of *Ahiqar* incorporated in the *Vita Aesopi* also contains many elements occurring only in the later versions. Obviously,

For text and translation of the papyrus see A. Cowley, *Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.* (Oxford 1923) 212–226; B. Porten, A. Yardeni, *Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt III. Literature, Accounts, Lists* (Jerusalem 1993) 24–53; other translations in F. C. Conybeare, J. R. Harris, A. S. Lewis, *The Story of Ahiqar. From the Aramaic, Syriac, Arabic, Armenian, Ethiopic, Old Turkish, Greek and Slavonic Versions* (Cambridge 1913) 168–173 (henceforward to be cited as CHL); P. Grelot, *Documents araméens d'Égypte* (Paris 1972) 432–451; Lindenberg, 494–507; H. L. Ginsberg in J. B. Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament* (Princeton 1969) 427–430.

³ On the later versions of *Ahiqar* see CHL xxi–xxvii; T. Nöldeke, *Untersuchungen zum Achiqar-Roman*, Abh. Ges. d. Wiss. Göttingen, phil.-hist. Kl., N.F. 14.4 (Berlin 1913) 25–29, 51–61; Konstantakos (n. 2) I, 32–36 with more bibliography. For translations of the main texts see CHL 1–23 (Slavonic), 24–85 (Armenian), 86–98 (Old Turkish), 101–127 (Syriac), 130–161 (Arabic); R. Schneider, “L’histoire d’Ahiqar en éthiopien”, *Annales d’Éthiopie* 11 (1978) 147–152 (Ethiopic); M. Gaster, “Contributions to the History of Ahiqar and Nadan”, *JAS* 21 (1900) 302–309 (Romanian).

⁴ On all this see Konstantakos (n. 2) I, 34, 158–166 with further bibliography.

the author of the *Vita Aesopi* (henceforward to be called “the *Vita*-Author”, for the sake of brevity) used an expanded version of the *Tale of Ahikar*, closely similar to the later redactions. The provenance and language of this model version are debated. Most scholars assume that the *Vita*-Author was based on a pre-existent Greek translation of the *Tale of Ahikar*.⁵ As I have argued elsewhere, such a Greek version was available already from early Hellenistic times, probably prepared in Peripatetic circles, perhaps at the instigation of Theophrastus, who wrote a book about Ahikar (Ἀκίχαρος, Diog. Laert. 5, 50 = Theophr. F 727, 13 FHSG). It was presumably this same version that was subsequently attributed to Democritus and spuriously introduced into the corpus of Democritean works.⁶ Therefore, this version must have enjoyed at some point a wider circulation and popularity beyond the Peripatetic circles in which it originated, and so it could have been read by the *Vita*-Author in the early imperial age. As is commonly recognized nowadays, the *Vita*-Author was an educated man, well-versed in earlier Greek literature and also familiar enough with philosophical teachings (this is indicated by his frequent echoes of various philosophical doctrines and traditions, Cynic, Socratic, Platonic and Stoic).⁷ Such a man might have had access to Peripatetic or Democritean texts, and in this way he could have obtained a copy of the Hellenistic version of *Ahikar*.

However, in the early imperial period we may also imagine a bilingual author from the East, most probably a Hellenized man of Near-Eastern or Egyptian origins, who has assimilated the Greek literary and philosophical tradition and writes in Greek but also knows the language

⁵ See Nöldeke (n. 3) 62; B. Meissner, *Das Märchen vom weisen Ahikar* (Leipzig 1917) 16; A. La Penna, “Il romanzo di Esopo”, *Athenaeum* 40 (1962) 289; J. J. Winkler, *Auctor & Actor. A Narratological Reading of Apuleius’s Golden Ass* (Berkeley – Los Angeles – London 1985) 279–280; S. Jedrkiewicz, *Sapere e paradosso nell’antichità: Esopo e la favola* (Roma 1989) 129–130; F. M. Fales, “Ahikar e Boccaccio”, in E. Acquaro (ed.), *Alle soglie della classicità. Il Mediterraneo tra tradizione e innovazione. Studi in onore di Sabatino Moscati I* (Pisa – Roma 1996) 148; M. J. Luzzatto, “Sentenze di Menandro e ‘Vita Aesopi’”, in M. S. Funghi (ed.), *Aspetti di letteratura gnomica nel mondo antico I* (Firenze 2003) 41; M. Marinčič, “The Grand Vizier, the Prophet, and the Satirist. Transformations of the Oriental *Ahikar Romance* in Ancient Prose Fiction”, in S. Panayotakis, M. Zimmerman, W. Keulen (eds.), *The Ancient Novel and Beyond* (Leiden – Boston 2003) 61; C. Jouanno, *Vie d’Ésope* (Paris 2006) 26.

⁶ See [Democr.] 68 B 299 DK (= Clem. Alex. *Strom.* 1, 15, 69, 4); Konstantakos (n. 2) II, 17–81, 225–270.

⁷ See I. M. Konstantakos, “Riddles, Philosophers and Fishes: Aesop and the θαλάσσιον πρόβατον (*Vita Aesopi* W 24, G 47)”, *Eranos* 101 (2003) 108–111 with examples and bibliography.

of his homeland and can read texts in it. A writer of this kind might well have read *Ahiqar* in a foreign, oriental version.⁸ If we adopt Perry's theory about the Egyptian provenance of the *Vita*-Author,⁹ we may suppose that the latter used the Demotic Egyptian version of *Ahiqar*, which circulated at least from the 1st c. AD (i. e. around the very time of composition of the *Vita*), as is shown by its extant papyrus fragments.¹⁰ On the other hand, if we follow La Penna and locate the *Vita*-Author in the region of Syria or more generally of the Middle East,¹¹ we may assume that his model was a version of *Ahiqar* in Aramaic, i. e. in the original language of the work, like the version of Elephantine, though clearly posterior and more expanded than the Elephantine text.

In any case, the *Vita*-Author evidently made a series of alterations to the narrative of *Ahiqar*, in order to better integrate it into his own work. The Babylonian section of the *Vita* presents a great number of divergences from all the surviving versions of *Ahiqar* (both the text of Elephantine and the later redactions); most of these divergences concern small details of the plot and the setting, although there are also a few differences in important elements. Some of the discrepancies may go

⁸ The only scholar who has expressly reckoned with this possibility is J.-Th. A. Papademetriou, *Αἰσώπεια καὶ Αἰσωπικά* (Athens 1989) 10, 12–13. B. E. Perry, *Aesopica. A Series of Texts Relating to Aesop or Ascribed to Him or Closely Connected with the Literary Tradition That Bears His Name* (Urbana 1952) 4–5, and Jedrkiewicz (n. 5) 129, arguing that the *Vita* was composed in an Egyptian environment, imply that the *Vita*-Author used a version of *Ahiqar* circulating in Egypt, but do not enter into details about the language of that version.

⁹ See Perry (n. 8) 2–4, followed by many scholars: e. g. M. W. Haslam in *The Oxyrhynchus Papyri* 53 (1986) 149–150; J. Dillery, “Aesop, Isis, and the Heliconian Muses”, *CPh* 94 (1999) 272–280; T. Hägg, *Parthenope. Selected Studies in Ancient Greek Fiction* (Copenhagen 2004) 50. However, Perry's arguments are not compelling, as has been pointed out by others: see e. g. La Penna (n. 5) 271–272; Jedrkiewicz (n. 5) 171, 179; N. Robertson, “Aesop's Encounter with Isis and the Muses, and the Origins of the *Life of Aesop*”, in E. Csapo, M. C. Miller (eds.), *Poetry, Theory, Praxis. The Social Life of Myth, Word and Image in Ancient Greece. Essays in Honour of William J. Slater* (Oxford 2003) 249–250; N. Kanavou, “Personal Names in the *Vita Aesopi* (*Vita G* or *Perriana*)”, *CQ* 56 (2006) 208.

¹⁰ See K.-Th. Zauzich, “Demotische Fragmente zum Ahikar-Roman”, in H. Francke et al. (eds.), *Folia rara Wolfgang Voigt LXV. diem natalem celebranti ab amicis et catalogorum codicum orientalium conscribendorum collegis dedicata* (Wiesbaden 1976) 180–185. The Demotic text itself may of course be considerably older than the papyri transmitting it; see Konstantakos (n. 2) I, 33, 159.

¹¹ See La Penna (n. 5) 272–273; cf. already P. Marc, “Die Achikarsage. Ein Versuch zur Gruppierung der Quellen”, *Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte* 2 (1902) 398–399. But this theory too rests on no more than slight indications.

back to the model version of *Ahikar* used by the *Vita*-Author: this version was considerably older than all the expanded versions of *Ahikar* known today, so it is reasonable to suppose that it differed from them in a number of points. For many divergences, however, it can be plausibly argued that they are modifications consciously made by the *Vita*-Author, in order to ensure the literary fulfilment of the Babylonian section and of the *Vita* as a narrative whole: their purpose may be e. g. to connect the Babylonian section with previous episodes of the *Vita*, to introduce into the Babylonian section important recurrent themes of the entire work, to adapt the adventures of Ahikar to Aesop's different figure, to render the oriental story more accessible to a Greek audience, to introduce additional topical details for local colouring, and so forth.

A full description and discussion of all these divergences of the *Vita* from *Ahikar* have not been hitherto attempted.¹² In the present article I only intend to discuss the changes in the names of some characters and propose explanations for them. The replacement of Ahikar, the central hero of the Near-Eastern work, with Aesop, the protagonist of the *Vita*, was natural. Apart from this, in the Greek work the anonymous Pharaoh of *Ahikar* was named Nektanebo, the Assyrian king became Lykoros or Lykourgos, Nadin, the ungrateful young man, was christened Ainos or Helios, and Nabusumiskun, the executioner, Hermippos. These names were purposefully selected by the *Vita*-Author: as it will transpire from the following discussion, his choices were chiefly motivated by a wish to connect the Babylonian section with important recurrent themes and

¹² Of course, many scholars have made occasional observations about differences in plot, setting and narrative. They regularly point out the changes in the characters' names and in the place of the action (for which see below), those concerning the position and the content of the hero's precepts, and sometimes other modifications in the storyline: see e. g. E. Cosquin, "Le livre de Tobie et l'histoire du sage Ahikar'", *RBi* 8 (1899) 60–61; Marc (n. 11) 396–398; CHL lxx–lxxi; Nöldeke (n. 3) 62–63; A. Hausrath, *Ahikar und Aesop. Das Verhältnis der orientalischen zur griechischen Fabelichtung*, Sitz. Akad. d. Wiss. Heidelberg, phil.-hist. Kl. 1918/2 (Heidelberg 1918) 7–8; La Penna (n. 5) 284–286, 289; B. Holbek, "Äsop", *Enzyklopädie des Märchens* 1 (1977) 887–888; Jedrkiewicz (n. 5) 127–128; G. Ragone, "La schiavitù di Esopo a Samo. Storia e romanzo", in M. Moggi, G. Cordiano (eds.), *Schiavi e dipendenti nell'ambito dell' 'oikos' e della 'familia'* (Pisa 1997) 135–136; Hägg (n. 9) 48; Jouanno (n. 5) 26–28, 239–243. Perry, *Aesopica* (n. 8) 5–9 provided a synoptic correlation between the text of Elephantine, the later redactions of *Ahikar* and the Babylonian section of the *Vita*, in the form of a three-columned table; but a full inventory and analysis of all the alterations of the *Vita* could not be accommodated in that schematic survey. I intend to treat these matters in detail in a future study (*Ακίχαρος* III. *Η Μυθιστορία του Αισώπου και άλλα αφηγήματα* [Athens, forthcoming]).

patterns of the entire narrative of the *Vita*. I have extensively discussed the case of Nektanebo in another study: Nektanebo, the last native Pharaoh of Egypt before the second Persian occupation, became a legendary personage, and many tales were circulating about him, both in the Egyptian and in the Greek tradition. Those tales, still popular at the time of the composition of the *Vita*, had turned Nektanebo into a kind of “archetypal” Pharaoh and a figure easily recognizable for the reading public of the time. Moreover, the Nektanebo of those tales presented a number of impressive similarities with the Pharaoh of *Ahiqar*. For these reasons, the *Vita*-Author gave Nektanebo’s name to his own version of the Egyptian king.¹³ The following sections will focus on two other important characters, the Babylonian king and the friendly executioner. The second part of this study, to be published in a subsequent issue of the *Hyperboreus*, will be devoted to the figure of the ungrateful adoptive son.

2. Lykoros, the king of Babylon

In the version of Elephantine *Ahiqar* is initially presented as the counsellor and seal-bearer of Sennacherib, the king of Assyria; it is then stated that Sennacherib died and his son Esarhaddon succeeded him. *Ahiqar* remained at Esarhaddon’s service, but, seeing that he was growing old, he decided to adopt his nephew Nadin and properly educate him, so that this young man might succeed *Ahiqar* as Esarhaddon’s counsellor. The story that follows, with the adventures of *Ahiqar* and Nadin, is played out during Esarhaddon’s reign.¹⁴ The Elephantine text presumably reflects in this respect the original form of the *Tale of Ahiqar*, with the kings of Assyria naturally placed in the right historical order. On the contrary, in the later redactions the entire story is set during the reign of Sennacherib: in some of them the order of the Assyrian kings is reversed and Sennacherib is called the son and successor of Esarhaddon (so in the standard Syriac, the Arabic and a later Turkish version);¹⁵ in the others only Sennacherib is mentioned and Esarhaddon’s name does not appear at all.¹⁶ These alterations were probably

¹³ See I. M. Konstantakos, “Nektanebo in the *Vita Aesopi* and in Other Narratives: A Study in Comparison”, *C&M* 60 (2009) 99–144.

¹⁴ See Cowley (n. 2) 212, 220; Grelot, *Documents* (n. 2) 433; Lindenberger (n. 2) 494; Porten, Yardeni (n. 2) 26–27.

¹⁵ See CHL 101 ff. (Syriac), 130 ff. (Arabic); M. A. Danon, “Fragments turcs de la Bible et des Deutérocannoniques”, *JA* (sér. 11) 17 (1921) 116, 120 (Turkish).

¹⁶ See CHL 1 ff. (Slavonic), 24 ff., 56 ff. (Armenian), 86 ff. (Old Turkish); Gaster (n. 3) 302 ff. (Romanian). In the Ethiopic version *Ahiqar*’s monarch is the

due to the fact that Sennacherib was better known to the readers of the Christian era, thanks to his appearances in Old Testament books.¹⁷ We may imagine that some later redactor or translator, who was not familiar with Neo-Assyrian history, made the mistake of calling Sennacherib a son of Esarhaddon, instead of vice versa; this mistake was retained in certain later redactions, while in others it was “emended” with the suppression of Esarhaddon’s name.¹⁸ As for the place of action, most of the later versions retain the original setting, calling Sennacherib “king of Assyria and Nineveh” (or with similar designations) and duly placing the events in those locations.¹⁹ The addition of Nineveh (not mentioned in the text of Elephantine) is probably again a loan from Old Testament texts, in which Sennacherib is said to abide in that city (see *2 Kings* 19, 36; *Is.* 37, 37; *Tob.* 1, 18–22).

We do not know what happened in the model version of *Ahiqar* which was used in the *Vita Aesopi* with regard to the Assyrian kings. But it is noteworthy that the author of *Tobit*, in the 3rd/2nd c. BC, was reading a version of *Ahiqar* which, though clearly more expanded than the text of Elephantine and probably closer to the amplified narrative of the later redactions, still put the Assyrian monarchs in the right order and presumably had the story evolve in the reign of Esarhaddon, like the original form of the work (see *Tob.* 1, 21–22). The model version used by the *Vita*-Author was chronologically closer to the one read by the author of *Tobit*, and even to the Elephantine text, than to the later redactions in the form in which they survive today. So it seems likely that in that model version too the Assyrian monarchs were correctly identified and placed in the proper historical sequence. In any case, the *Vita*-Author, in his own adaptation, changed both the name of the wise hero’s king and the location of his kingdom.

“king of Persia” (not of Assyria) and remains nameless (see Schneider [n. 3] 142–152); this is doubtless a later redactor’s innovation.

¹⁷ Cf. M. J. Luzzatto, “Grecia e Vicino Oriente: tracce della ‘Storia di Ahiqar’ nella cultura greca tra VI e V secolo a.C.”, *QS* 36 (1992) 68.

¹⁸ Cf. in general CHL xxxii–xxxiv; Nöldeke (n. 3) 27; Meissner (n. 5) 20. Certain Syriac manuscripts preserve an intermediate stage of confusion, before the definitive predominance of Sennacherib: at one point they show Ahiqar serving Esarhaddon the son of Sennacherib, while at another point they make him the counsellor of Sennacherib the son of Esarhaddon; see F. Nau, “Le roman turc de Haïqar”, *JA* (sér. 11) 19 (1922) 265–266.

¹⁹ See CHL 1, 12, 16, 18, 20 (Slavonic), 24, 37, 42–43, 46–47, 49, 56, 78, 80–81 (Armenian), 86 (Old Turkish), 101, 110, 114, 117, 119–121 (Syriac), 130, 139–140, 144, 152–155 (Arabic). In the Ethiopic version the action is translocated to Persia (see n. 16); in the Romanian it is set in an otherwise unknown “land of Rodu” or “Doru” (Gaster [n. 3] 302).

In the Babylonian section of the *Vita* the monarch whom Aesop serves is the king of Babylon, not of Assyria. The transfer of the action to Babylon was doubtless intended to adapt the story to the knowledge and expectations of the Greek audience. For the Greeks Babylon was the most famous and emblematic centre of Mesopotamia, much better known than Assyria or Nineveh. A parallel is provided by the story of Gilgames in Aelian (*Nat. anim.* 12, 21): Γίλγαμος is unmistakably a Hellenized form of Gilgamesh, the celebrated Mesopotamian hero, and Aelian's narrative appears to be ultimately derived from an old, authentic Mesopotamian legend (probably introduced into the Greek-speaking world by a writer with access to Mesopotamian traditions, like Berossus or Ktesias).²⁰ Yet, unlike the traditional Mesopotamian stories about Gilgamesh, which are always centred in Uruk, the city with which Gilgamesh was standardly associated, the Greek story is set in Babylon: Gilgames is presented as the abandoned grandson of a Babylonian monarch, who finally regains his rights and becomes himself king of Babylon. Obviously, the Greek or Hellenized writer who collected and retold the Mesopotamian story transferred the action from Uruk (a town unknown to the average Greek) to Babylon, the most renowned and easily recognizable city of Mesopotamia for his Greek audience.²¹

The name of the Babylonian king takes different forms in the various extant texts of the *Vita*. In the G version and in some manuscripts of

²⁰ For this story, its provenance and sources see in detail W. Henkelman, "The Birth of Gilgameš (Ael. *NA* XII.21). A Case-Study in Literary Receptivity", in R. Rollinger, B. Truschneegg (eds.), *Altertum und Mittelmeerraum: Die antike Welt diesseits und jenseits der Levante. Festschrift für Peter W. Haider zum 60. Geburtstag* (Stuttgart 2006) 807–856, and Konstantakos (n. 2) II, 96–103 with further bibliography.

²¹ Dr. Antonio Corso points out another factor which may also have contributed to this shift of place. In Greek the term Assyria could be used in a broader sense, to cover the entire Mesopotamian area, including Babylonia: this sense is common already in Herodotus (1, 178, 1; 1, 185, 3, 92) and survives until the imperial period (Strab. 16, 1, 1, p. 736 C; Arr. *Anab.* 7, 17; cf. later Amm. Marc. 23, 6, 15; 23, 6, 23); see T. Nöldeke, "Ἀσσύριος Σύριος Σύρος", *Hermes* 5 (1871) 454–457. In addition, it has been suggested (though not universally accepted) that the Roman *Assyria provincia*, created after Trajan's Parthian war, was located in lower Mesopotamia (i. e. Babylonia); for arguments and counter-arguments see A. Maricq, "Classica et orientalia. 6. La province d'Assyrie créée par Trajan. À propos de la guerre parthique de Trajan", *Syria* 36 (1959) 256–261; C. S. Lightfoot, "Trajan's Parthian War and the Fourth-Century Perspective", *JRS* 80 (1990) 121–124. If the *Vita*-Author considered Babylonia as part of "Assyria" (following the attested Greek usage), or indeed as identical with the Roman province of "Assyria", it would have been natural for him to identify the Assyria of his model with Babylon.

the Westermanniana (O, R, V, W) he is called Lykourgos (Λυκοῦργος). In other manuscripts of the Westermanniana he bears the name Λύκουρος (P), Λυκοῦρος (S, A, M, L), Λυκόρος (A) and Λύκηρος or Λυκῆρος (B, and similarly in Planoudes' version).²² In the oldest papyrus fragment of the *Vita*, *P. Berol.* 11 618 (late 2nd/early 3rd c. AD), the name takes the form Λυκῶρος (without accentuation);²³ this form is corroborated by another papyrus of the 3rd c. AD, *P. Oxy.* 3720.²⁴ The striking agreement of these two papyri, which date from an age very close to the *Vita*-Author's own time, leaves no doubt that their form of the name must be the authentic one: Λυκῶρος was the name employed by the *Vita*-Author in his original text.²⁵ On the basis of this form we can guess how the other variants were derived: Λυκῶρος could easily be corrupted into Λύκουρος/Λυκοῦρος or Λύκηρος/Λυκῆρος; and at some point the otherwise unattested and unfamiliar Λύκουρος/Λυκοῦρος was emended into the famous Greek name Λυκοῦργος.

Although the authentic form of the name can be regarded as certain, the reasons for which the *Vita*-Author chose it have never been elucidated: most scholars propose no explanation for the name Λυκῶρος or restrict themselves to remarking that it is not attested elsewhere.²⁶ Recently, N. Kanavou suggested that Λυκῶρος may be the Hellenized form of a foreign (presumably oriental) name; but she was unable to point out any specific name which might underlie the Greek form.²⁷ Such a hypothesis, unsupported by any concrete proposition, is not satisfactory. Moreover, in all surviving versions of the *Tale of Ahikar* the king, when named, is either Esarhaddon or Sennacherib: we do not know any redaction in which the king bears a different name, and so it

²² On the forms of the name see B. E. Perry, *Studies in the Text History of the Life and Fables of Aesop* (Haverford 1936) 30, 53, 57–58; Perry (n. 8) 20–21; Haslam (n. 9) 149, 164; Ragone (n. 12) 135; Karla (n. 1) 54, 60, 67; Kanavou (n. 9) 212–213.

²³ Col. II v. 31: Λυκῶρ[ος]; col. III v. 41: [Λ]υκῶρος. See Perry (n. 22) 55.

²⁴ Col. I vv. 21–22: Λυκῶ[ρος]; col. II v. 114: Λυκῶρῶ. See Haslam (n. 9) 154–155, 160–161.

²⁵ This is accepted by most scholars (see bibliography supra, n. 22). A few, however, seem to believe that the original name was Lykourgos, and attempt to explain it on the basis of its historical, mythological or linguistic connotations (see G. Nagy, *The Best of the Achaeans. Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry* [Baltimore – London 1979] 239; Dillery [n. 9] 272; Jouanno [n. 5] 239). But the textual tradition supports the priority of Λυκῶρος, which is, additionally, a *lectio difficilior* by comparison with Λυκοῦργος.

²⁶ See e. g. Perry (n. 8) 21; Haslam (n. 9) 150; Ragone (n. 12) 135; Kanavou (n. 9) 213.

²⁷ See Kanavou (n. 9) 212–213.

would be arbitrary to assume that this occurred in the model version used by the *Vita*-Author. Yet, the name Λυκώρος does not have the slightest similarity with the names Esarhaddon or Sennacherib and could not possibly be the Hellenized form of either of the two.

In reality, the claim that the name Λυκώρος is nowhere else attested is not correct: it holds true only for the names of historical personages. But all queries are solved the moment we open a mythological lexicon: we then discover that Λύκωρος was the name of a mythical hero, a son of Apollo; further, various other derivatives or etymologically akin personal or place names and adjectives were similarly connected with Apollo and with his capital centre of worship, Delphi. According to Pausanias (10, 6, 3, cf. *Etym. Magn.* 571, 47–50), Λύκωρος was the son of Apollo and the nymph Korykia (who gave her name to the Corycian cave, on the slope of Parnassus, over Delphi). High up on Parnassus, above the site of Delphi, Lykoros founded the town of Λυκώρεια, which is mentioned in many ancient sources.²⁸ Lykoros' great-grandson was Delphos, from whom Delphi took their name (Paus. 10, 6, 3). In other sources the same hero is called Λυκωρεύς²⁹ – evidently a variant of the form Λύκωρος. The inhabitants of Lykoreia were called Λυκωρεῖς (and also Λυκωρ(ε)ῖται or Λυκώριοι);³⁰ but by extension the name Λυκωρεῖς was also occasionally applied to the inhabitants of Delphi,³¹ for whom there was a legend that they had sought refuge higher up at Lykoreia during the Flood (Paus. 10, 6, 2). Λυκωρεύς and Λυκώρειος were also cult epithets of Apollo, especially used by Hellenistic and later Greek and Roman poets.³² Statius (*Theb.* 7, 715) uses the name *Lycoreus* for a personage of his own invention, a Theban priest of Apollo, suitably remaining within the sphere of the Apollonian cult.

²⁸ See *Marmor Parium*, *FGrHist* 239 A 2; Strab. 9, 3, 3 (p. 418 C); Plut. *De Pyth. or.* 394 F (Λυκουρίαν in the codd.); Suda λ 829; Steph. Byz. s. v. Λυκώρεια (p. 422 Meineke); *Sch. Apoll. Rhod.* 4, 1490–1494 a (p. 318 Wendel).

²⁹ See Suda λ 829; Luc. *Tim.* 3; Hyg. *Fab.* 161; Steph. Byz. s. v. Λυκώρεια (p. 422 Meineke); *Sch. Apoll. Rhod.* 2, 705–711 h (p. 182–183 Wendel).

³⁰ See Steph. Byz. s. v. Λυκώρεια (p. 422 Meineke); Paus. 4, 34, 9.

³¹ See *Sch. Apoll. Rhod.* 2, 705–711 h; 4, 1490–1494 a (p. 183, 318 Wendel).

³² See Call. *H. Apoll.* 19; Euphor. fr. 80, 3 Powell; *Apoll. Rhod.* 4, 1490; *Orph. h.* 34, 1; Paul. Silent. in *Anth. Pal.* 6, 54, 1; Steph. Byz. A 314 Billerbeck. Cf. also the *deus Lucoris*, god-protector of asylum, in Serv. *Aen.* 2, 761 (I p. 327 Thilo) – doubtless a corruption of the Greek adjective Λυκωρεύς or Λυκώρειος. See in general L. Weniger, “Lykoreus (1)”, in W. H. Roscher (ed.), *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* II. 2 (Leipzig 1894–1897) 2181–2183; F. Bölte, “Lykoreia”, *RE* 13 (1927) 2382–2384; R. Ganszyniec, “Lykoreus”, *ibid.*, 2384–2385.

The association of all these names with Apollo and Delphi explains why the *Vita*-Author named the Babylonian king Lykoros. A basic theme running through the entire *Vita Aesopi* is precisely the enmity between Aesop and Apollo, which finally leads to the false accusation and execution of Aesop in Delphi. At least in the G version this theme is clearly developed. Already from early on in the narrative, while serving at Xanthos' household, Aesop narrates a fable to explain why not all dreams come true – a fable which sounds rather humiliating for Apollo (G 33). This is the first indication of Aesop's antipathy to the Delphic god. Later, when Aesop manages to reconcile King Kroisos with Samos, the Samians honour the wise fabulist by naming "Aisopeion" the place at which Aesop had been sold as a slave; at that spot Aesop sacrifices to the Muses, builds a temple for them and places among their statues an image of himself, instead of Apollo. This is a grave offence against the god: since Apollo is traditionally the "leader of the Muses" (as Aesop too calls him in ch. G 33, with distinctive irony), Aesop's act signifies that the fabulist himself wants to usurp the god's place. For this reason, Apollo is angered against Aesop, just as he had been against Marsyas (G 100). Similarly, at the end of the Babylonian section, when Aesop returns triumphant from Egypt, the king of Babylon rewards him by erecting a golden statue of him in the company of the Muses, i. e. once again in the rightful place of Apollo (G 123). The culmination of this feud between Aesop and Apollo occurs in the final, "Delphic" section of the *Vita* (G 124–142): Aesop scoffs at the inhabitants of Delphi for their pettiness and derides them as descendants of slaves; the Delphians are vexed, they insidiously frame Aesop with planted incriminating evidence and false accusations, and they put him to death. All this was a traditional part of the legends about Aesop already from the 5th c. BC. But the G version of the *Vita* adds that the Delphians were induced to treacherously exterminate Aesop by Apollo himself, who was incensed against Aesop because of the fabulist's offensive attitude at Samos (G 127).³³

This "anti-Apollonian" tendency is absent from the Westermanniana. Of course, the enmity of the Delphians against Aesop and their treach-

³³ For the "anti-Apollonian" theme in the *Vita* see most notably Perry (n. 8) 2–3, 11–12, 22; A. Wiechers, *Aesop in Delphi* (Meisenheim am Glan 1961) 14, 36, 44–49; La Penna (n. 5) 269–270, 272, 279–280; Nagy (n. 25) 289–290, 302–303; Jedrkiewicz (n. 5) 80–81, 85–88, 91–99, 151–152, 158–160; N. Holzberg, "Der Äsop-Roman. Eine strukturanalytische Interpretation", in N. Holzberg (ed.), *Der Äsop-Roman. Motivgeschichte und Erzählstruktur* (Tübingen 1992) 69–70; Ferrari (n. 1) 12–20; Dillery (n. 9) 274, 279–280; Robertson (n. 9) 248–249, 253, 263–265; Jouanno (n. 5) 39–40, 46–50.

erous actions are retained (these were integral parts of Aesop's legend and essential elements in the plot of the *Vita*); but all the aforementioned references to Apollo are missing and there is no trace of animosity between the god and Aesop. It is almost universally agreed that in this matter the G reflects more faithfully the original form of the *Vita*, in which Apollo's conflict with Aesop must have been an important theme: in the Westermanniana this theme was presumably suppressed for religious reasons, by a redactor who was embarrassed by Aesop's apparent impiety towards the god.³⁴ Indeed, the anti-Apollonian tendency may have formed part of older traditions about Aesop. It is interesting that Aesop (called a Thracian in the earliest Greek sources) starts being presented as a Phrygian from the Hellenistic period onwards;³⁵ it has been conjectured that the Phrygian origins were invented or emphatically highlighted for the first time by Demetrius of Phaleron in his work on Aesopic fables, probably because of Aesop's similarities to the Phrygian Marsyas, the notorious enemy of Apollo.³⁶ If so, the conflict

³⁴ This is accepted by almost all scholars (see bibliography supra, n. 33). Only Ferrari (n. 1) 12–20, followed by Luzzatto (n. 5) 35, has argued that the Westermanniana preserves the authentic form and that Apollo's enmity was a later, secondary addition by the redactor of the G. But his arguments are weak. He points out that in *P. Berol.* 11 628, at the end of the Babylonian section (col. III vv. 40–43 = ch. 123), Lykoros is said to erect only a statue of Aesop, without the Muses (just as in the Westermanniana), and that in *P. Oxy.* 2083 (vv. 59–60 = ch. 62) an exclamatory oath of Xanthos to the Muses (used in the G and absent from the Westermanniana) is similarly omitted. But such tiny details cannot prove that the versions represented by the aforementioned papyri did not include the anti-Apollonian theme: neither of the adduced papyrical passages directly concerns Apollo, and the omission of the Muses may simply be a coincidence. Even if we assume, for the sake of the argument, that the versions of those old papyri did not contain the anti-Apollonian theme, we may suppose that the suppression of this theme took place quite early in the tradition, shortly after the composition of the original *Vita*. The choice of the name Lykoros, which unmistakably points to the Apollonian sphere, proves now beyond doubt that the anti-Apollonian theme formed part of the original work.

³⁵ The earliest testimony for Aesop as a Phrygian is a brief tale found in ancient lexicographical and paroemiographical sources, as an explanation of the proverb μάλλον ὁ Φρύγῃς (Zenob. Ath. 2, 5 Bühler; Zenob. 5, 16; Suda μ 116; Phot. *Lex.* μ 78 etc.), and most probably derived from a Hellenistic grammarian: see W. Bühler, *Zenobii Aethioproverbia* IV (Göttingen 1982) 74–77; I. M. Konstantakos, "Amasis, Bias and the Seven Sages as Riddlers", *WJA N.F.* 29 (2005) 21. The Phrygian origins become a commonplace in later writers: see testimonies in Perry (n. 8) 215 and Jedrkiewicz (n. 5) 73.

³⁶ See B. E. Perry, "Demetrius of Phalerum and the Aesopic Fables", *TAPhA* 93 (1962) 332–334; cf. Jedrkiewicz (n. 5) 80–81, 92–93; and Ragone (n. 12) 144–

of Aesop with Apollo must have existed in legend from much earlier than the *Vita*: either it was one of the characteristics which brought about Aesop's correlation to the figure of Marsyas, or else it was transferred to Aesop from Marsyas after their association, just like the Phrygian origins. Besides, the enmity against the Delphic god might easily have developed, as a logical extension, from Aesop's traditional confrontation with the citizens of Delphi.³⁷

In the Babylonian section of the *Vita* the king of Babylon – at least at the beginning, when he is misled by the false accusations of Aesop's adoptive son – is hostile towards Aesop and seeks to destroy him, just like Apollo: he persecutes and condemns Aesop to death, just as the Delphians will do in the next section of the *Vita*, at the instigation of their god. It is, therefore, appropriate that this enemy and persecutor of Aesop (even though only a temporary one) should bear a name directly pointing to Apollo, Aesop's implacable enemy and pursuer. The name Λύκωρος also clearly alludes to the area of Delphi (cf. the adjacent town of Λυκώρεια and the designation Λυκωρεῖς for the Delphians), i. e. to the very place where Aesop will once again suffer calumny, persecution and finally death in the following section of the *Vita*. Thus, the name of the hostile Babylonian king reminds us of the other great hostility, that of Aesop against Apollo and his Delphian servants, and prepares the readers for the culmination of this conflict in the final section of the work. A number of analogies between the Babylonian and the Delphic section contribute to the narrative cohesion of the *Vita* as an integral whole: in the land of Lykoros Aesop becomes the victim of slander and treachery, just as he will become also in the land beneath Lykoreia; Lykoros attempts to put him to death, just as the Lykoreis (Delphians) will do. Aesop escapes death in the country of Lykoros, but not so in the land of the Lykoreis: Lykoros is in the end reconciled with the hero, but the Lykoreus Apollo is not. And Aesop is killed by being thrown from a cliff (ch. 132, 134, 140–142) – presumably down a precipice of Parnassus, not far from the location of the lofty and steep Lykoreia.³⁸

145, who attributes the invention to the Hellenistic age. La Penna (n. 5) 273–275 regards the Phrygian origins as a prime and very ancient constituent of Aesop's identity, because of the affinity between Aesop's name and certain Phrygian names (e. g. of the river Aisepos); cf. Jedrkiewicz (n. 5) 72–73; but see the critical remarks of Ragone (n. 12) 144–145.

³⁷ See especially Jedrkiewicz (n. 5) 80–81, 92–99, 151–152.

³⁸ According to Plutarch (*De ser. num. vind.* 557 A), Aesop was flung down from the rock called Hyampeia: this was thought to owe its name to Hyamos, the son of Lykoros according to Pausanias (10, 6, 3); cf. Weniger (n. 32) 2182.

3. The officer Hermippos

In the text of Elephantine (which presumably reflects in this respect too the original form of *Ahiqar*) the officer who is ordered by King Esarhaddon to put Ahiqar to death but instead saves and hides the wise vizier is called Nabusumiskun.³⁹ This is an attested Akkadian personal name, borne by various officials (military officers, an augur, court and administrative personnel, scribes and other functionaries, as well as a Babylonian royal prince) in the time of Sennacherib, Esarhaddon and Ashurbanipal.⁴⁰ In the later redactions of *Ahiqar* this long and cumbersome name, when not altogether omitted, suffered various corruptions and abridgements, retaining however, even in the most extreme cases, a rudimentary phonetic resemblance to its authentic form.⁴¹ In the *Vita Aesopi* the officer⁴² takes the Greek name Hermippos (ch. 104,

³⁹ See Cowley (n. 2) 213–215, 221–222; Grelot, *Documents* (n. 2) 449–451; Lindenberger (n. 2) 495–497; Porten, Yardeni (n. 2) 30–35.

⁴⁰ See K. L. Tallqvist, *Assyrian Personal Names* (Helsingfors 1914) 160–161; L. Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire* (Ann Arbor 1930–1936) I, 296–297, 436–437, II, 44–47, 208–209, 256–257, III, 159, 207, 234, 282, 296; and Konstantakos (n. 2) I, 175, with more references and bibliography.

⁴¹ In some Syriac manuscripts the ancient Akkadian name was further lengthened, taking the form “Yabusimikmaskinat” or “Yabusmikmaskinakti”; in the Cambridge Syriac codex edited by CHL (Cant. Add. 2020) this enormous form was split in three, “Yabusemakh Meskin Kanti”; see CHL 112–117, 122; Nau (n. 18) 263–264. From the first of those three segments were apparently derived the forms found in the other redactions: Abusmaq (Abusmak, Abousmaq) in the Armenian and Old Turkish (CHL 40–42, 45, 51, 76–77, 79, 82, 97), Abu Samîk (or Ibn Samîk) in the Arabic (CHL 142–143, 145–146, 155). In the remaining versions the officer is not named but simply styled a “friend” of Ahiqar’s (Slavonic, CHL 14–17, 21), “the (great) executioner” (Romanian, Gaster [n. 3] 306–307) or “the commander of the (royal) guard” (Ethiopic, Schneider [n. 3] 148–149). The redactors of those versions presumably omitted the man’s name because they considered it too awkward.

⁴² The man is called στρατοφύλαξ in the G (ch. 104, 107), i. e. a military officer or army commander. This is in accordance with the text of Elephantine, in which Nabusumiskun is called an officer or captain, with obvious military connotations (see Cowley [n. 2] 213–214, 221–222, vv. 33, 41, 54; Ginsberg [n. 2] 427–428; Grelot, *Documents* [n. 2] 449–451; Lindenberger [n. 2] 495–497; Konstantakos [n. 2] I, 148; on the significance of this designation see Cowley [n. 2] 229). The military capacity is retained in the Ethiopic version, where the man is the commander of the king’s guard (Schneider [n. 3] 148–149). In the other later redactions the original army officer is turned into a simple executioner (Arabic, Romanian, cf. first Armenian and Old Turkish; see CHL 40, 96–97, 142–143, 145–146; Gaster [n. 3] 306–307) or loses all traces of his military role (Syriac, Slavonic, second Armenian). Similarly, in the Westermanniana version of the *Vita* (in both recensions) the military

107). At first sight the rationale of the renaming is easy to understand. Nabusumiskun is a theophoric name, a compound containing the name of the Babylonian god Nabû (Nabû-šum-iškun = “Nabû has effected a son”).⁴³ The *Vita*-Author correlated the Mesopotamian Nabû with the Greek god Hermes, and so he used as an equivalent a known Greek theophoric name containing that of Hermes.⁴⁴

But why was Hermes chosen in particular? This interesting case may throw light on the *Vita*-Author’s tactics of character-naming and also provide valuable indications about his knowledge. In Greek sources the god Nabû himself is never overtly identified with Hermes, at least not in the areas of myth, theology, cult, iconography and onomastics. Only in astronomy is such an identification implied, and then indirectly, via the planet Mercury: in Mesopotamian astronomy this planet was associated with Nabû, while the Greeks regularly called it after Hermes.⁴⁵ Otherwise, the Hellenic god with whom Nabû was regularly identified or fused, both in texts and in monuments of Graeco-Roman antiquity, was Apollo. Strabon (16, 1, 7, p. 739 C, cf. Steph. Byz. B 126 Billerbeck) calls Borsippa a city sacred to Apollo: the god meant by this is certainly Nabû, for whose cult Borsippa was indeed a major centre from very early times.⁴⁶ The “Apollo”

rank explicitly brought out in the G is suppressed: the man is simply called Hermippos, without any indication as to his office or capacity.

⁴³ See Tallqvist (n. 40) 160; Waterman (n. 40) III, 159; Lindenberger (n. 2) 483.

⁴⁴ Cf. Perry (n. 8) 6.

⁴⁵ See A. Jeremias, “Nebo”, in W. H. Roscher (ed.), *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* III. 1 (Leipzig 1897–1902) 57–60; F. Cumont, “Les noms des planètes et l’astrolatrie chez les Grecs”, *AC* 4 (1935) 7–13, 16; É. Dhorme, *Les religions de Babylonie et d’Assyrie* (Paris 1945) 79–80, 93–94, 151; H. J. W. Drijvers, *Cults and Beliefs at Edessa* (Leiden 1980) 62, 74–75; A. Bounni, “Nabu”, *LIMC* 6. 1 (1992) 698; F. Pomponio, “Nabû. A. Philologisch”, *RLA* 9 (1998–2001) 22, 24. To my knowledge, Diod. Sic. 2, 30, 3 (the Chaldeans τοὺς δ’ ἄλλους τέτταρας [sc. πλάνητας ἀστέρας] ὁμοίως τοῖς παρ’ ἡμῖν ἀστρολόγοις ὀνομάζουσιν, Ἄρεος, Ἀφροδίτης, Ἑρμοῦ, Διός) is the only Greek passage actually implying an equation of the Babylonian Nabû with Hermes. All the other passages adduced by scholars make no allusion to Nabû. [Arist.] *Mund.* 392 a 26–27, Plin. *Nat. hist.* 2, 39 and Apul. *Mund.* 2 (adduced by J. L. Lightfoot, *Lucian. On the Syrian Goddess* [Oxford 2003] 456) only state that the planet Mercury was called by the Greeks and Romans either after Hermes or after Apollo; there is nothing about Nabû here. Hesych. σ 469 (σεχῆς τοῦ Ἑρμοῦ ἄστῆρ. βαβυλώνιοι, adduced by J. G. Février, *La religion des Palmyréniens* [Paris 1931] 97) also refers to the planet Mercury (glossing what seems to be a Greek rendering of its Akkadian name, *šeḫtu* or *šihṭu*, see H. Hunger, “Planeten”, *RLA* 10 [2003–2005] 589–590) and does not mention Nabû.

⁴⁶ See Jeremias (n. 45) 45–47, 52–54, 60; Dhorme (n. 45) 151–152, 170; A. Bounni, “Nabû Palmyrénien”, *Orientalia* 45 (1976) 46, 48; J. Teixidor, *The*

of Hierapolis, mentioned by Lucian (*Syr. D.* 35–37) and Macrobius (*Sat.* 1, 17, 66 ff.), who describe his cult statue at the temple of Atargatis, is also doubtless to be identified with Nabû.⁴⁷ In Palmyra and Dura-Europos, from Seleucid times onwards, Nabû appears to have merged with Apollo, as is indicated by many monuments (votive reliefs, statues, tesserae and coins): these depict the figure of a god, dressed or naked, who holds the lyre or bears other characteristics and attributes of the Greek Apollo; but on the other hand he also frequently presents typical oriental traits (beard, hair-style, kalathos, earrings etc.) and he is named Nabû in the inscriptions accompanying some of the monuments.⁴⁸ Evidently, in the syncretistic Graeco-Syriac environment Nabû was equated with Apollo; this assimilation was presumably fostered by the Seleucids, who promoted Apollo as the divine ancestor of their dynasty.⁴⁹

On the basis of this evidence, we would expect the *Vita*-Author to give to his officer a Greek name compounded with or derived from that of Apollo. Indeed, such a translation of Nabû-names is historically attested in Syria during the imperial period: e. g. on an inscription from Nikopolis (probably 3rd/4th c. AD) the name Barnebu (“son of Nabû”) is Hellenized as Apollinarios,⁵⁰ while on a bilingual one from Palmyra (AD 191) the name Apollonios seems to be used as an equivalent of Nebuzabad (“Nabû has given”).⁵¹ However, in our case an Apollonian

Pantheon of Palmyra (Leiden 1979) 108; Pomponio (n. 45) 17, 19–20, 22–23; L. Dirven, *The Palmyrenes of Dura-Europos. A Study of Religious Interaction in Roman Syria* (Leiden – Boston – Köln 1999) 135; Lightfoot (n. 45) 456.

⁴⁷ See R. A. Stucky, “Figures apolliniennes grecques sur des tessères palmyréniennes”, *Syria* 48 (1971) 141; Drijvers (n. 45) 66–70, 72, 94; Dirven (n. 46) 130–131; Lightfoot (n. 45) 41–42, 74, 176, 456–466.

⁴⁸ For these monuments see H. Seyrig, “Antiquités syriennes”, *Syria* 24 (1944–1945) 63–64, 67, 76; Stucky (n. 47) 135–141; Bounni (n. 46) 49–50; A. Bounni, “Les représentations d’Apollon en Palmyrene et dans le milieu syrien”, in L. Kahil, C. Augé (eds.), *Mythologie gréco-romaine, mythologies périphériques. Études d’iconographie* (Paris 1981) 108–111; Bounni (n. 45) 698–701; Drijvers (n. 45) 47, 65–67, 72–73; W. Lambrinoudakis et al., “Apollon”, *LIMC* 2. 1 (1984) 244, 246–248; Pomponio (n. 45) 23–24; Dirven (n. 46) 128, 132–134, 254. Nabû’s association with music in some inscriptions of Palmyra is also doubtless due to his identification with the Greek god of music (Pomponio [n. 45] 23).

⁴⁹ See Bounni (n. 46) 47–49; idem (n. 48) 107–108; Drijvers (n. 45) 68–72; Dirven (n. 46) 128, 135–137, 141–146; Lightfoot (n. 45) 41–42, 390, 456–457, 462.

⁵⁰ *IGLS* I, 166, vv. 1–2: Βαρνεβουν τον και Απολλιναριον. Cf. H. Seyrig, “Antiquités syriennes”, *Syria* 14 (1933) 161; Bounni (n. 46) 48; Lightfoot (n. 45) 456.

⁵¹ J. Cantineau, “Textes funéraires palmyréniens”, *RBi* 39 (1930) 532 (nr. 4B); *SEG* 7 (1934) 158: the Palmyrenian text (v. 1) gives *’plnys nbwzbd*, which is rendered in the Greek (v. 3) as Ἀπολλωνίου τοῦ Νεβουζαβάδου. Note that in the

name was unacceptable because of the anti-Apollonian theme of the *Vita Aesopi*. Just like the corresponding personage of the *Tale of Ahikar*, so also in the *Vita* the officer is presented as a loyal friend (ch. 104) and saviour of Aesop: when King Lykoros condemns Aesop to death, the officer does not execute him but hides and saves him, disobeying the royal order. Such a character could not possibly bear a name referring to Apollo, the great enemy and destroyer of Aesop. The *Vita*-Author needed, therefore, to replace Apollo with another god.

There were similarities between Nabû and Hermes, which must have encouraged the *Vita*-Author to select the latter as a substitute. As noted above, in Mesopotamian astronomy Nabû's name was given to the planet Mercury, which was associated with Hermes by the Greeks. This astronomical correlation, if the *Vita*-Author was aware of it, may have influenced his choice of Hermes. Of greater importance were the analogous properties and functions of the two gods. Nabû was the son of the great god Marduk and also his minister, just as Hermes was the son of the highest god Zeus and often functioned as his helper or attendant. Nabû was the messenger or herald of the gods (his very name derives from the Semitic root *nb'*, "to call", and may signify "the one who announces"), just like Hermes. Nabû was also the god of writing – his most important attribute – and, by logical extension, of wisdom; he was the scribe of Marduk and the patron god of scribes, the patron of arts and crafts, the teacher and protector of cultural activities.⁵² These traits

Palmyrenian there is no *br* between the two names, unlike what happens in all the cases of name plus patronymic mentioned in that inscription; this gives the impression that *nbwzbd* is not the name of Apollonios' father but rather the man's Semitic name which was Hellenized as Apollonios. Cf. Bounni (n. 46) 48; Lightfoot (n. 45) 456. Compare also the persons named Ἀπολλώνιος ὁ καὶ Ἀπολινάριος (*SEG* 19 [1963] 887, vv. 5–6, Heliopolis-Baalbek, late 2nd/early 3rd c. AD) and Ἀπολλώνιος ὁ καὶ Ἀπολλινάρις (H. Seyrig, "Antiquités syriennes", *Syria* 20 [1939] 303–304, Hierapolis, time of Hadrian). In these cases the double name suggests that both forms are alternative Greek renderings of a Semitic name like Barnebu: see Y. Hajjar, *La triade d'Héliopolis-Baalbek. Son culte et sa diffusion à travers les textes littéraires et les documents iconographiques et épigraphiques* (Leiden 1977) I, 35–36; Lightfoot (n. 45) 456–457. M. I. Rostovtzeff et al. (eds.), *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Reports IV* (New Haven 1933) 138 suspect that in Dura-Europos the name Nebouchelos ("Nabû is mighty") may have been translated as Apollonios.

⁵² On these qualities of Nabû see Jeremias (n. 45) 45–51, 55–57, 60–63; Dhorme (n. 45) 150–154, 170–171; D. O. Edzard in H. W. Haussig, *Götter und Mythen im Vorderen Orient* (Stuttgart 1965) 106–107; Bounni (n. 45) 698; Teixidor (n. 46) 107; Drijvers (n. 45) 61–64, 179; Pomponio (n. 45) 16–23; Dirven (n. 46) 129.

also favoured the equation with Hermes, the Λόγιος god of learning and eloquence: in an analogous manner Thoth, the Egyptian god of writing, inventor of the letters and patron of scribes, was standardly identified in Greece with Hermes, from the classical period down to the Hermetic treatises of late antiquity.⁵³

One further contributive factor may have been the close association of Isis with Hermes (as the Greek equivalent of the Egyptian Thoth). This is encountered in a variety of texts from the Hellenistic and imperial period, beginning with the so-called “aretalogies” of Isis, a group of kindred cult texts preserved on inscriptions in several parts of the Greek world and probably deriving from a common model of Hellenistic times.⁵⁴ In the aretalogies of Kyme (probably 1st c. BC) and of Ios (2nd/3rd c. AD) one of the first things that Isis mentions in her self-introduction is that she was educated by Hermes and that she invented together with him the letters, so that texts might be written down. Similar statements are included in the segment of an aretalogy transmitted by Diodorus (1, 27, 4), in the encomium of Isis found at Maroneia (2nd/1st c. BC) and in the versified aretalogy of Andros (1st c. BC).⁵⁵ Isis’ association with Hermes presumably stems from the Egyptian background of her worship: in Egyptian tradition Isis is occasionally mentioned together with Thoth in texts, assisted by him in myth, or coupled with him in pictures which show both of them as scribes.⁵⁶

⁵³ See H. Bonnet, *Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte* (Berlin – New York 1952) 289–290, 808, 812; D. Müller, *Ägypten und die griechischen Isis-Aretalogien* (Berlin 1961) 22–23; J. G. Griffiths, *Plutarch’s De Iside et Osiride* (University of Wales 1970) 263; D. Kurth, “Thot”, *LdÄ* 6 (1986) 503–510.

⁵⁴ It is debated whether this model was a stele in the temple of Ptah at Memphis, as claimed in the aretalogies of Kyme and Andros; see Müller (n. 53) 8–9, 12–14; J. Bergman, *Ich bin Isis. Studien zum memphitischen Hintergrund der griechischen Isisaretalogien* (Uppsala 1968) 15–18, 42–43; Y. Grandjean, *Une nouvelle arétalogie d’Isis à Maronée* (Leiden 1975) 12–15; H. Engelmann, *Die Inschriften von Kyme* (Bonn 1976) 100–103; F. Solmsen, *Isis among the Greeks and Romans* (Cambridge, MA – London 1979) 43–46.

⁵⁵ Kyme: see *I. Kyme* 41, vv. 5–8 (Engelmann [n. 54] 98): ἐπαιδεύθην ὑπ[ὸ] Ἑρμοῦ καὶ γράμματα εὔρον μετὰ Ἑρμοῦ, τά τε ἱερὰ καὶ τὰ δημόσια γράμματα, ἵνα μὴ ἐν τοῖς αὐτοῖς πάντα γράφηται; cf. W. Peek, *Der Isishymnus von Andros und verwandte Texte* (Berlin 1930) 122; Grandjean (n. 54) 122. Ios: see *IG XII* (5) 14, vv. 4–7 and p. 217 (Appendix to nr. 739); *IG XII Suppl.*, p. 98, 14, B, 2; *SIG³* 1267, vv. 4–7; Peek 123. Maroneia: see Grandjean (n. 54) 17–18 (vv. 22–24); M. Totti, *Ausgewählte Texte der Isis- und Sarapis-Religion* (Hildesheim 1985) 61 (nr. 19, vv. 22–24). Andros: see *IG XII* (5) 739, vv. 10–12; Peek 15; Totti 5 (nr. 2, vv. 10–12).

⁵⁶ See Bonnet (n. 53) 810; Müller (n. 53) 21–25; Bergman (n. 54) 155, 172–173, 234–237; Griffiths (n. 53) 62, 263–264; Engelmann (n. 54) 104; Solmsen (n.

Apart from the aretalogies, Isis and Hermes are associated also in other later Greek texts (Plutarch, Diodorus, the Greek magical papyri, and texts of the *Corpus Hermeticum*), which present the goddess as Hermes' daughter or pupil or as accompanied and assisted by Hermes on various occasions.⁵⁷

All this acquires a special significance if we remember that Isis appears in the *Vita* as a benefactress of Aesop. Once again, this theme is fully brought out only in the G version. Aesop is initially presented as mute; but one day he meets in the fields a priestess of Isis who has gone astray, offers her food and water and helps her find her way. In return for this help, the priestess invokes Isis and asks her to reward Aesop for his piety with the gift of speech (G 4–5). This is indeed what happens: that same afternoon, while Aesop is taking a nap, Isis arrives accompanied by the nine Muses, endows Aesop with speech and persuades the Muses to grant him eloquence and the ability to compose fables (G 7).⁵⁸ So, by contrast to Apollo, Aesop's implacable enemy, Isis is Aesop's friend and protectress, who saves him from muteness and donates to him the virtues and skills which will make him famous. It is therefore suitable that the saviour and protector of Aesop in the Babylonian section should bear a name referring to Hermes, who was closely associ-

54) 47; Robertson (n. 9) 249–250; more generally on the association of the two deities see Peek (n. 55) 31–33; R. E. Witt, *Isis in the Graeco-Roman World* (London 1971) 108–109, 206–208.

⁵⁷ See Plut. *De Is. et Os.* 352 A, 358 D; Diod. Sic. 1, 17, 3; 1, 20, 6; *PGM* 4, vv. 2289–2290; 8, vv. 22–27; 24 a, vv. 1–10 (cf. H. D. Betz [ed.], *The Greek Magical Papyri in Translation, including the Demotic Spells* [Chicago – London 1992] 79, 145–146, 264); *Corp. Herm.* fr. 23, 64–68 Festugière (*Κόρη κόσμου*, Stob. 1, 49, 44, I p. 406–407 Wachsmuth). Cf. also the Demotic text in *PGM* 4, vv. 95–114 (= Betz, *op. cit.*, 39), where Isis converses with her father Thoth.

⁵⁸ In the Westermanniana Isis' role has been almost entirely eliminated. Aesop helps some priests, who are still designated as “priests of Isis” in some manuscripts (M, O, cf. a single priest of Isis in P) but transformed into “priests of Artemis” in others (B, S, A; see Papathomopoulos [n. 1] 43; Karla [n. 1] 168). The priests pray for Aesop, and while Aesop is sleeping, the personified Tyche (or Philoxenia in O and P) comes and awards him the gifts of speech, eloquence and creation of fables. Here it is evident that the G stands closer to the original *Vita*: especially the fact that traces of Isis' role survive in manuscripts of both recensions of the Westermanniana (M and O of the MORN, P of the BPTHSA) shows that the replacement of Isis by Tyche (or Philoxenia) is secondary. Cf. Perry (n. 22) 12–14; idem (n. 8) 2, 10–12, 22; La Penna (n. 5) 268–270; Jedrkiewicz (n. 5) 88–89, 178–180; Robertson (n. 9) 247–249; Jouanno (n. 5) 49–50, 147. The removal of Isis was possibly part of that same religiously motivated adaptation, which also censored Aesop's conflict with Apollo (see above, section 2).

ated with Isis in many ways, as her father, teacher, counsellor or assistant. The *Vita*-Author must have known a lot about the worship of Isis, as becomes obvious from the aforementioned episode in ch. G 4–7: both the priestess' invocation of Isis and the basic traits displayed by the goddess herself (healing, donating the power of speech, connection to the Muses etc.) find exact parallels in extant texts of the Isiac cult, like the aretalogies and various hymns to Isis.⁵⁹ The *Vita*-Author may well have been familiar with such texts. Whether from them or more generally from his experience of the Isiac cult and his contacts with its devotees, he could easily have learned about Isis' connection with Hermes-Thoth. And this connection will have contributed to his decision to choose Hermes for the theophoric name of Aesop's saviour.

The process delineated above obviously implies that the *Vita*-Author possessed some knowledge about the Mesopotamian religion and pantheon: he must have been familiar with the god Nabû and his basic qualities, so as to perceive Nabû's similarities to the Greek Hermes. This would not have been difficult, because, already since Seleucid times, the cult of Nabû was more widely spread and well established in the area of Syria. But it does presuppose that the *Vita*-Author maintained some sort of relations with the Near East, so as to acquire the relevant information about the god. Still, it does not seem compulsory to assume that the *Vita*-Author must have been a native of Syria, as proposed by La Penna.

The Hellenization of the name Nabusumiskun does not necessarily mean that the *Vita*-Author used a version of *Ahiqar* written in a foreign language, in which the officer's name had retained its original linguistic form. The *Vita* could have been based on a Greek version of *Ahiqar*; we need only suppose that in that Greek version the name Nabusumiskun had not been fully translated or replaced with a Greek equivalent but simply transcribed in Greek letters and, at the most, assimilated to the Greek system of inflection, as was usual with foreign names introduced into the Greek tradition. In that case, the transcribed name would still recognizably retain the word Nabû as its first segment. Compare the manner in which the names of several Babylonian kings or sages, which were compounds of Nabû, were transcribed into Greek by writers of the Hellenistic period, like Megasthenes, Berossus and Menander of Ephesus (and later taken over by authors of the Roman age, like Strabon, Alexander Polyhistor, Abydenus, Josephus, Eusebius etc.): Nabû-kudurri-ušur became Ναβο(υ)κοδρόσορος or Ναβουχοδονόσορος (cf. Ναβουχοδονόσπορ

⁵⁹ For discussion of these parallels see Jedrkiewicz (n. 5) 89–91; Ferrari (n. 1) 69–73; Dillery (n. 9) 271–272, 275 (and more generally 272–280 on the *Vita*-Author's familiarity with Isiac worship); Jouanno (n. 5) 218–220.

in the *Septuagint* translation of the Old Testament), Nabû-nâsir was rendered as Ναβονάσ(σ)αρος, Nabû-apla-ušur as Ναβοπαλάσ(σ)αρος, Nabû-nâ'id as Ναβόννηδος, Ναβαννίδοχος or Ναβαννήδοχος, and the astronomer Nabû-rīmannu was turned into Ναβουριανός.⁶⁰ Similar transcriptions of Semitic Nabû-names are found on Greek inscriptions, graffiti and documents from Syria of the imperial period: Βαρνεβουν (acc.) in Nikopolis and Νεβουζαβάδου (gen.) in Palmyra (see above); Βαρναβο[ς] in Birecik (*IGLS* I, 126); and a great number of cases in Dura-Europos.⁶¹ All these transcriptions clearly preserve the name of Nabû (Ναβο-, Ναβου-, Νεβου-, -ναβου(ς), -νεβου(ς)), and an educated writer familiar with the worship of that god in the Near East would have no difficulty in recognizing it. The *Vita*-Author may have worked from a version of *Ahiqar* containing an analogous transcription of Nabusumiskun. The possibility that the name Hermippos goes back to the Greek version of *Ahiqar* used by the *Vita*-Author must be excluded. A Greek-speaking translator or adapter rendering the *Tale of Ahiqar* into Greek would have no reason to avoid the identification of Nabû with Apollo, which was established in

⁶⁰ See Megasthenes, *FGrHist* 715 F 1 (= Jos. *Ant. Jud.* 10, 227, cf. 10, 219; *Contr. Ap.* 1, 144, cf. 1, 132; Eus. *Praep. evang.* 9, 41, 1–2); F 11 (= Strab. 15, 1, 6, p. 687 C); Menander of Ephesus, *FGrHist* 783 F 7 (= Jos. *Contr. Ap.* 1, 154, 156); Berossus, *FGrHist* 680 F 7 c–d (= Georg. *Sync.* p. 396); F 8 (Jos. *Contr. Ap.* 1, 131–132, 135–137; *Ant. Jud.* 10, 219–222; Tat. *Orat. ad Gr.* 36; Eus. *Praep. evang.* 10, 11, 8); F 9 (Jos. *Contr. Ap.* 1, 146, 149, 151–153; Eus. *Praep. evang.* 9, 40, 3, 6, 8–10); F 16 a (= Georg. *Sync.* p. 388); Diocles, *FGrHist* 693 F 1, and Philostratus, *FGrHist* 789 F 1 (= Jos. *Ant. Jud.* 10, 228; *Contr. Ap.* 1, 144); Abydenus, *FGrHist* 685 F 1 (= Eus. *Praep. evang.* 9, 41, 6); F 5; F 6 (Eus. *Praep. evang.* 9, 41, 1–2, 4, 7); Alexander Polyhistor, *FGrHist* 273 F 79; Strab. 16, 1, 6 (p. 739 C); *Alexander Romance*, rec. β 2, 18 (p. 106 Bergson); Ptol. *Alm.* 3, 7; 5, 14 (I p. 254, 418 Heiberg); cf. also the many phonetic or spelling variants of these names recorded in the apparatus of critical editions.

⁶¹ Here is a full list of the names in Dura-Europos: Βαρναβου (nom.), Βαρναβους, Βαρνεβους, Ναβοννιος, Ναβουαζζανης, Ναβουβαρακος, Ναβουβαραχης, Ναβουδαραος, Ναβουιαβος, Ναβουιαβος, Ναβουκορεος (?), Ναβουμαλαχος, Ναβουμαρι, Ναβουνις, Ναβουσαμαος, Ναβουσαμδος, Ναβουχηλος, Νεβουχηλος; the name of the god himself also appears on a graffito rendered as Ναβους. See F. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos* (Paris 1926) 300, 399, 412, 444, 446; M. I. Rostovtzeff et al. (eds.), *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Reports* (New Haven 1929–1952) II, 122, IV, 77–78, 83, 98, 104, 111, 120, 130, 132, 163, 166, V, 20, 24, 114, 142, 146, 167, 178–179, 194, 196, VI, 113, 134–135, VII/VIII, 172, 427; C. B. Welles, R. O. Fink, J. F. Gilliam, *The Excavations at Dura-Europos. Final Report V.1. The Parchments and Papyri* (New Haven 1959) 94, 100–101, 161–162; *SEG* 7 (1934) 381, 382, 386, 417, 461, 533, 561, 680, 708, 712, 723 b, 743 a, 749, 756; in general cf. Cumont, 343, 400; Février (n. 45) 98; Welles, Fink, Gilliam, 61, 103.

the Hellenized Near East already from the Hellenistic period. Only the *Vita*-Author had reason to avoid Apollo, and so only he can have replaced him with Hermes and introduced the name Hermippos.

(to be continued)

Ioannis M. Konstantakos

University of Athens, Faculty of Philology

В основе “вавилонской части” романа об Эзопе (*Vita Aesopi* 101–123) лежит ближневосточная “Сказка об Ахикаре”. Автор *Vita* либо использовал греческий перевод “Ахикара”, сделанный в эллинистическую эпоху, либо – если он владел двумя языками – текст сказки на другом языке, например, на арамейском или демотическом египетском. Приписывая приключения Ахикара Эзопу, автор сделал ряд изменений, касающихся места действия и имен персонажей. Вместо Ассирии и Ниневии, как в “Ахикаре”, события разворачиваются в Вавилоне – видимо, потому, что этот город был лучше знаком греческой аудитории.

Царь, в различных версиях “Ахикара” зовущийся Асаргаддон или Сеннахериб, получает имя Ликор. Это имя вызывает ассоциации с культом Аполлона: Λύκωρος в мифе – сын Аполлона; Λυκώρεϋς/Λυκώρειος – эпитет самого бога; Λυκώρεια – город неподалеку от Дельфов; Λυκώρεις – обозначение дельфийцев. В *Vita* Аполлон систематически выступает как недруг Эзопа и в конце концов уничтожает его руками дельфийцев. Точно так же вавилонский царь настроен (временно) враждебно к Эзопу и пытается казнить его. Таким образом, имя царя Ликор вписывается в анти-аполлоновскую тему *Vita*, а его конфликт с Эзопом предвещает роковое противостояние героя Аполлону в заключительной части жизнеописания.

Друг героя, который должен казнить его, но спасает от смерти, в “Сказке об Ахикаре” носит теофорное имя Набушумишкун, производное от месопотамского бога Набу. В *Vita* этот персонаж назван Гермиппом. На эллинистическом Ближнем Востоке Набу обычно отождествлялся с Аполлоном, а не с Гермесом. Но автор *Vita* предпочел, чтобы имя спасителя Эзопа не было связано с враждебным герою Аполлоном. Выбору имени “Гермипп” способствовали некоторые очевидные сходные черты в характере и функциях Набу и Гермеса, а также тесная связь Гермеса (как греческого аналога египетского Тота) с Исидой – благотельницей Эзопа в *Vita*. Автор романа об Эзопе явно был знаком с культом Набу. Если он пользовался греческим переводом “Ахикара”, в нем имя Набушумишкун, очевидно, было транскрибировано по-гречески, так что первая часть композита “Набу” оставалась узнаваемой, как во многих других греческих транскрипциях имен, производных от Набу.

CHARISIUS' *DE VERBO* (*ARS GRAMMATICA* II. 8): TWO CASE STUDIES IN *QUELLENFORSCHUNG**

Introduction

Historians of the Roman grammatical tradition are very familiar with the chapter in the *Ars Grammatica* of Charisius that furnishes a unique account of three different classifications of verbal voices (Char. 210. 3–215. 17 B).¹ In this chapter Charisius describes a four-fold classification (active, passive, common, neuter), a six-fold classification (the previous four plus a deponent and *supina*), and a three-fold classification (active, passive, stative), and in a final paragraph elaborates on the five-fold classification. Karl Barwick has clearly failed in attributing the content of that last paragraph to Remmius Palaemon (1st c. AD),² and no other classification quoted by Charisius has been attributed to the known grammarians of Roman antiquity. We shall discuss the primary sources of the ideas on voice which Charisius relates to us, and the intermediate sources he has immediately exploited. In this paper the system of voices will be considered as a set of different relations between the form and the meaning of verbs in respect to the state of performance (Gr. ἐνέργεια) or experience (Gr. πάθος). Several Greek and Latin texts as well

* The author is very indebted to Prof. Daniel J. Taylor (Lawrence University) and Dr S. O'Sullivan (Queen's University of Belfast), who kindly read through the text and made many helpful suggestions. He thanks equally Prof. R. Maltby (University of Leeds) for important suggestions. Remaining faults of expression are, however, to be imputed to the author.

¹ The following editions are referred by the sigla only:

B – Flavius Sospater Charisius, *Artis grammaticae libri V*, ed. C. Barwick, addenda et corrigenda coll. et adiecit F. Kühnert (Lipsiae 1964, ed. stereotypa 1997);
GG – A. Hilgard, R. Schneider, G. Uhlig (ed.), *Grammatici Graeci* (Lipsiae 1878–1910);
GL – Heinrich Keil et alii (ed.), *Grammatici Latini* (Lipsiae 1855–1880);
Sch. – *Scholia in Dionysii Thracis Artem Grammaticam*, rec. A. Hilgard, GG I, 3 (Lipsiae 1901);

Us.–R. – H. Usener, L. Radermacher (edd.), *Dionysii Halicarnasei quae exstant* (Stuttgartiae 1904–1929, ed. stereotypa 1965).

² K. Barwick, *Remmius Palaemon und die römische Ars grammatica*, Philologus, Supplementband 15. 2 (Leipzig 1922) 23. Cf. a more recent essay of reconstructing the grammatical work of Palaemon: G. Pennisi, "Ad grammaticos", *Helikon* 1 (1961) 496–511, see also E. Hovdhaugen, "Genera verborum quot sunt? Observations on the Roman Grammatical Tradition", *Historiographia linguistica* XIII 2/3 (1986) 307–321, esp. 311.

as a lost chapter of the grammatical work of Pliny the Elder (23/24–79 AD) will be treated as the probable sources where the material of Charisius originated.

The Greek Connection

Greek and Roman grammatical doctrine is rich in multiple classifications of verbal voices, but Latin classifications usually differ from the Greek ones. Charisius' first classification of verbal voices, however, corresponds rather well to the description of verbal voices that can be seen in the commentary of Stephanos to the *Techne* of Dionysius Thrax (*Sch.* 245. 26–246. 6). Like Charisius' predecessor, the Greek commentator distinguishes four kinds of voices: active (ἡ ἐνέργεια), passive (τὸ πάθος), middle (ἡ μεσότης), and neuter (οὐδέτερά διάθεσις). At the outset he pays particular attention to the middle voice. The Greek grammarians habitually used terms like μεσότης for verbs whose meaning did not correspond to their form, as well as for all verbal forms that did not clearly express the idea of performance or experience. Stephanos applies the term μεσότης exclusively to verbal forms with reflexive or medial signification,³ which the Stoic philosopher Chrysippus (c. 280–207 BC) had once distinguished in his classification of verbal voices and for which he used a special term, namely, ἀντιπεπονθότα (Diog. Laert. *Vit.* VII. 64. 10). In the Latin classification which Charisius has reproduced, the third category is called *commune* (Char. 210. 19–22 B). In the same way as the Greeks dealt with medial forms, so the author of this Latin classification has assembled here the morphologically passive verb forms which could semantically render either performance or experience when designating different acts.

The fourth type of verbal voice comprises intransitive verbs both in the Greek commentary and in the Latin classification in question. Stephanos treats the fourth type of verbal voice (οὐδέτερά διάθεσις) immediately after he provides some additional remarks on the active and passive voices. It is noteworthy that the same type of verbs, οὐδέτερά κατηγορήματα, had been treated by Chrysippus just after the active and passive voices. According to the 3rd c. AD doxographer Diogenes

³ *Sch.* 245. 31–33: ...τρίτην τὴν μεσότητα κατηριθμήσατο, ἥτις ἐκατέραν τὴν διάθεσιν δηλοῖ τῇ φωνῇ· ἡ γὰρ τοῦ “ἐγραψάμην” φωνὴ δύναται σημαίνειν καὶ πάθος καὶ ἐνέργειαν. At the end of the paragraph, the same type of verbal voice (μέση διάθεσις) is treated once more as a medium: Μέση δὲ ἡ πῇ μὲν ἐνέργειαν πῇ δὲ πάθος δηλοῦσα· τὸ γὰρ “ἐποίησάμην” δηλοῖ, ὅτι ἐμαυτῷ ἐποίησά τι, τὸ δὲ “ἐποιήθη”, ὅτι δι’ ἐμοῦ ἐποιήθη (246. 5–6).

Laertius, Chrysippus used forms of active infinitives to exemplify his idea of neuter or intransitive verbs.⁴ In the Greek commentary this category of verbal voice is represented by the personal forms of intransitive verbs with active and passive endings.⁵ In the corresponding Latin classification the class of intransitive verbs (*neutrum*) is not only exemplified exclusively by verbs having active voice endings (*sedeo*, *ambulo*), but it is also expressly said that this class can not have passive endings (Char. 210. 29–32 B). In the next paragraph, however, which deals with some additions to the initial classification and with its modification, it is said that *neutra verba* do sometimes get the ending of the passive voice: *in neutris verbis vel aliquot partibus r littera admittitur* (Char. 211. 20 f. B). So to that extent the two texts agree that intransitive verbs may manifest either active or passive endings.

Further observations substantiate the conclusion to which those above point, namely, that Charisius' predecessor and Dionysius Thrax's Byzantine commentator had drawn their ideas from the same source, and also suggest that this source dates to the 1st c. BC. At the beginning of Stephanos' commentary the special term διοίκησις is used for explaining the semantics of verbal voices.⁶ When giving a general definition of the verb at the beginning of the chapter where it deals with verbal voices, Charisius has used the exact Latin counterpart of this Greek notion, namely, *administratio*.⁷ He was obviously following here his Latin predecessor, who had calqued the term from his Greek source.

From at least the late 1st c. AD we find witnesses to the “administrative” tradition: both Quintilian (c. 35–c. 96 AD) and Probus of Beirut, who was active on the threshold of the 2nd c. AD, describe the activity of the speaker with the verb *administrare* or the adjective *administrativus*, and Greek sources do the same with the verb διοικέω or the participles derived from it, and especially with the substantive διοίκησις. Quintilian identifies the most useful component of the rhetorical art with the two synonymous adjectives *activa* and *administrativa* (Quint. *Inst. orat.* II. 18. 5). In the *De coniunctione temporum*,

⁴ Diog. Laer. *Vit.* VII. 64. 6–10: ὁρθὰ μὲν οὖν ἐστὶ τὰ συντασσόμενα μιᾷ τῶν πλαγίων πτώσεων πρὸς κατηγορήματος γένεσιν, οἷον “ἀκούει”, “ὀρᾷ”, “διαλέγεται”. ὕπτια δ' ἐστὶ τὰ συντασσόμενα τῷ παθητικῷ μορίῳ, οἷον “ἀκούομαι”, “ὀρώμαι”. οὐδέτερα δ' ἐστὶ τὰ μηδετέρως ἔχοντα, οἷον “φρονεῖν”, “περιπατεῖν”.

⁵ Sch. 246. 3–5: οὐδέτερα δὲ ἢ μήτε ἐνέργειαν μήτε πάθος σημαίνουσα, οἷον “ζῶ”, “πλουτῶ”, “δύναμαι”, “βούλομαι”.

⁶ Sch. 245. 26–28: Διάθεσις ἐστὶ δίαίτα ψυχῆς καὶ διοίκησις· καὶ ἐν τῇ συνηθείᾳ γὰρ διαθεῖναι τὸ οἰκονομῆσαι καὶ διοικῆσαι.

⁷ Char. 209. 24–25: *Verbum est pars orationis administrationem rei significans...*

which Diomedes has reproduced, Probus of Beirut addresses the usage of tense and mood in compound sentences.⁸ Considering himself an innovator, Probus credits the rules that he establishes in this domain with regulating all of literary language. It is the verb *administro* that he employs to express the idea of organizing a good language: *quibus temporibus... universa nobis administratur oratio* (Diom. *GL* I. 388. 17–18).⁹

We note in passing that Charisius, while defining tense in the chapter on verbal voices and employing materials most likely borrowed from Probus, applies the adjective *administrativus* to describe what was done or was to be done: *Tempus est diuturnitatis spatium aut ipsius spatii intervallum aut rei administrativae mora* (Char. 214. 7–9 B).

One remains uncertain as to the date of Greek witnesses on specialized uses of the substantive διοίκησις and the verb διοικέω (with its derivatives) in the domains of grammar and rhetoric, but such witnesses do exist. For instance, the *Rhetoric* attributed to Dionysius of Halicarnassus contains a section entitled Περὶ ἐσχηματισμένων that treats the figurative style, which allows the speaker to express additional information or even contrary ideas under the guise of simple, positive sentences.¹⁰ According to the observations of Malcolm Heath, this part of the treatise dates to the early second century AD,¹¹ but the tradition attested there is certainly older. Διοίκησις is employed by the author in nearly the same sense as σχῆμα; in other words, it deals with an image created in the speech. The author uses expressions like διοικήσεως σχῆμα and σχῆμα διοικούμενον (Us.–R. VI. 345. 9–12).¹² He also uses expressions with the word λόγος: τῶν λόγων τὴν διοίκησιν (*ibid.*, 339. 24) or διοίκησις ἐν τῷ λόγῳ (344. 3–4)–διοίκησις in the latter

⁸ Cf. Serv. (Auctus), *In Verg. Aen.* VII. 421; Diom. *Ars gram.*, *GL* I. 388. 10 sqq.; M. Baratin, *La naissance de la syntaxe à Rome* (Paris 1989) 186 ff.

⁹ Charisius has repeated the same passage, cf. Char. 347. 11–12 B. At the beginning of the chapter on the verb, Diomedes seems to reproduce the formulars that Aemilius Caper (second half of the 2nd c. AD) had set starting from the ideas of Probus and using his terminology: *Vis igitur huius (i. e. verbi) temporibus et personis administratur* (*GL* I 334. 4–5); *personae in verbo sunt tres, per quas universus administrabitur sermo* (*ibid.*, 334. 20).

¹⁰ *Dionysii Halicarnasei quae volgo ferebatur “Ars Rhetorica”*, Us.–R. VI. 253 sqq.

¹¹ M. Heath, “Pseudo-Dionysius *Art of Rhetoric* 8–11: figured speech, declamation and criticism”, *AJPh* 124 (2003) 81–105; cf. G. A. Kennedy, “Some Recent Controversies in the Study of Later Greek Rhetoric”, *AJPh* 124 (2003) 299–300.

¹² See also Us.–R. VI. 299. 9–10: Ὅρας καὶ τὸ ἔργον τῆς διοικήσεως, καὶ τὸ ὄνομα ἐπιφερόμενον τῷ ἔργῳ, τὸ ‘σχῆμα’.

expression is opposed to the real mind of the speaker.¹³ The same idea of a skilled organization of speech, especially for contradicting a rival, is also evidenced in the expression διοίκησις τεχνική (330. 23–24).¹⁴ It is obvious that this particular aspect of rhetorical speech was considered as including an active intercourse with one or more opponents. The rhetor could prevent an attack by his opponent, for instance, while allegedly addressing another person.¹⁵ He can also pursue a different aim by simulating agreement with a previous speaker.¹⁶ Pseudo-Dionysius, as we refer to this author, treats διοίκησις, along with expression and invention (πλάσις) or interpretation (ἐρμηνεία) as a major rhetorical technique.¹⁷

The principal features of διοίκησις made it appropriate for arguing in juridical processes, especially in what Pseudo-Dionysius terms *forensic rhetoric* (δικανικὸς λόγος).¹⁸ It is almost certainly the case that διοίκησις was used at the start as a special term of rhetoric in precisely this domain; the idea of an interaction of speaking persons was inherent in the notion of διοίκησις as applied to forms of rhetoric. So when Quintilian applied the Latin term *administrativa* to the forensic part of rhetoric, he must have been following some Greek predecessor(s) who had used the verb διοικέω and its participles as well as the substantive διοίκησις in this special sense. Likewise, the Byzantine commentator on Dionysius Thrax's grammar was clearly under the influence of a Greek rhetorical treatise or treatises where the term διοίκησις was frequently used when he applied this term to the system of verbal voices.

Quintilian and our commentator could well have used the same source(s) as a model when the former applied the Latin term *administrativus* to forensic rhetoric and the latter applied the term διοίκησις

¹³ Us.-R. VI. 344. 3–4: Μία μὲν αὕτη διοίκησις ἐν τῷ λόγῳ, δευτέρα δὲ ἐκείνη· ᾧ μὲν βούλονται πολεμεῖν κτλ. See Heath (n. 11) 87.

¹⁴ Cf. Πάθους οὖν προβολὴ κλοπὴ γίνεται διοικήσεως τεχνικῆς. Τοιοῦτο μὲν ἐστὶ τὸ σχῆμα τοῦ τὰ ἐναντία λέγειν οἷς βούλεται (Us.-R. VI. 330. 23–25).

¹⁵ Us.-R. VI. 336. 11–15: Τὸ δὲ ἐν διοικήσει προσώπων ὑπαλλαγήν, ὅτε διὰ τῶν πρὸς ἑτέρους ἑτέροις <τις διαλέγεται> καὶ ἔχει τὸ ἀσφαλὲς ἐν τῷ μὴ οἷς ἐπιπλήττει αὐτοῖς διαλέγεσθαι, ἀλλ' ἀκουόντων αὐτῶν ἑτέροις ταῦτα λέγειν, ἃ τούτοις προσήκει; *ibid.*, 340. 6–8: τὸ ἀσφαλὲς τοῦ μὴ προσκρούειν τῇ ὑπαλλαγῇ τοῦ προσώπου ἐνδιοικούμενον.

¹⁶ Cf. Heath (n. 11) 83.

¹⁷ Us.-R. VI. 369. 5–7: τὰ μέτρα τῶν προοιμίων εὐρίσκομεν κατὰ τὰς διοικήσεις καὶ τὰς πλάσεις καὶ τὴν ἐρμηνείαν.

¹⁸ Us.-R. VI. 299. 9–14: Ὅρας καὶ τὸ ἔργον τῆς διοικήσεως, καὶ τὸ ὄνομα ἐπιφερόμενον τῷ ἔργῳ, τὸ 'σχῆμα'. ὁ αὐτὸς τοίνυν Δημοσθένης ἐν μὲν τῷ περὶ τῆς πρεσβείας, <ἴνα> ἀπὸ δικανικοῦ λόγου ἀρξώμεθα, ἄλλα προτείνων ἄλλα κατασκευάζει, δι' ὅλου τοῦ βυβλίου διοικούμενος διοίκησιν τινα τοιαύτην.

to the verbal voices. It therefore seems suitable to attempt to reconstruct somewhat this source. We may start with the commentator's paragraph that immediately precedes the one on verbal voice, noting first that the ideas set forth therein as well as its terminology certainly date to the time before Apollonius Dyscolus had composed his fundamental work entitled *Περὶ συντάξεως* (second third of the 2nd c. AD). The personal forms of verbs, especially those in the indicative mood, are treated here as essential to their semantic value. All modal forms, except the infinitive, are considered as expressions of inner attitudes on the part of the speaking persons, whereas the whole utterance is conceived as a kind of real action. Moreover, the subjunctive is treated principally as an expression of doubt (ἡ ψυχὴ διστάζουσα) or, in other words, also as a speech act.¹⁹ The infinitive is called a noun indicating a general kind of action, and, significantly, it is put in the last place.

The same account of verbal voices is reproduced literally, except for some unimportant omissions, in a paragraph of *Scholia Marciana* referred to Heliodoros (*Sch.* 399. 30–400. 1). Unlike our primary commentator, however, this second commentator felt compelled to object to those who had considered the infinitive as a primary form and who had therefore placed it before the indicative.²⁰ He obviously takes his arguments from the Stoic heritage, where a concrete action and an acting person were of main concern.²¹ It is noteworthy that when discussing the arrangement of verbal modes, the commentator uses the same verb,

¹⁹ *Sch.* 245. 3–9: Ἔγκλισις δὲ ἐστὶ <σχῆμα φωνῆς ποιᾶν κίνησιν τῆς> ψυχῆς ἀναφαίνον ἐπὶ τι τρεπομένης· προσκλίνεται δὲ ἡ ψυχὴ ἢ ὡς ὀριζομένη τὰ παρ' αὐτῆς δρώμενα, ὡς ὅταν εἴπῃ “τύπτω”, ἢ ὡς προστάττουσα, ὡς ὅταν εἴπῃ “τύπτε”, ἢ ὡς εὐχομένη, ὡς ὅταν εἴπῃ “τύπτοιμι”, ἢ ὡς διστάζουσα, ὡς ὅταν εἴπῃ “ἐὰν τύπτω”, ἢ ὡς οὐδὲν τούτων δηλοῦσα, μόνον δὲ τὸ ὄνομα τοῦ πράγματος προβαλλομένη, ὡς ὅταν εἴπῃ “τύπτειν”.

²⁰ *Ibid.* 400. 5–10: Τινὲς δὲ τῆς ὀριστικῆς βούλονται προτάττειν τὴν ἀπαρέμφατον. Πρὸς οὓς φαμεν: πᾶν πρᾶγμα διὰ προσώπου ὁράται: ἄξιον οὖν τὸ πρόσωπον προτάττεσθαι, ἔπessθαι δὲ τὸ πρᾶγμα, ὅτι καὶ πρῶτον τὸ πρόσωπον γνωρίζεται, δεύτερον δὲ τὸ πρᾶγμα διὰ τοῦ προσώπου ἐστὶ γνωριζόμενον. Δευτέρα δὲ ἡ ἀπαρέμφατος. One observes here the ambiguity of the term “πρᾶγμα”, which was proper to the late Stoics. This word could indicate as well a concrete action, where personal verbal forms were used, as a general idea of a kind of action, which was expressed in the infinitive. The commentary in question is repeated also in *Scholia Londinensia* (*ibid.*, 558. 21–30)

²¹ Cf. Diog. Laert. *Vit.* VII. 60: Ὅρος δὲ ἐστὶν, ὡς φησιν Ἀντίπατρος ἐν τῷ πρώτῳ Περὶ ὄρων, λόγος κατ' ἀνάλυσιν ἀπαρτιζόντως ἐκφερόμενος, ἢ, ὡς Χρύσιππος ἐν τῷ Περὶ ὄρων, <ιδίου> ἀπόδοσις. ὑπογραφή δὲ ἐστὶ λόγος τυπωδῶς εἰσάγων εἰς τὰ πράγματα, ἢ ὅρος ἀπλούστερον τὴν τοῦ ὅρου δύναμιν προσενηγεγμένος.

προτάττειν, as Dionysius of Halicarnassus uses when speaking about approximately the same topic (*De comp.* 26. 11–16 Us.–R.):

Ἔτι πρὸς τούτοις ἡξίουσιν τὰ μὲν ὀνομαστικά **προτάττειν** τῶν ἐπιθέτων, τὰ δὲ προσηγορικά τῶν ὀνομαστικῶν, τὰς δ' ἀντονομασίας τῶν προσηγορικῶν, **ἐν τε τοῖς ῥήμασι φυλάττειν, ἵνα τὰ ὀρθὰ τῶν ἐγκλινομένων ἡγῆται καὶ τὰ παρεμφατικά τῶν ἀπαρεμφάτων**, καὶ ἄλλα τοιαῦτα πολλά.

And still further, I thought it right to put my nouns before my adjectives, common before proper nouns, and pronouns before common nouns; and with verbs, to take care that the indicative should precede the other moods, and finite verbs infinitives, and so on.²²

Dionysius had earlier referred to “two treatises which Chrysippus has left us, entitled *On the Classification of the Parts of Speech* (Περὶ τῆς συντάξεως τῶν τοῦ λόγου μερῶν, *De comp.* 22. 12–13 Us.–R.), and briefly described these as treatises on logic. Now, after giving an account of an older arrangement of parts of speech and their principal forms, Dionysius declares that this arrangement was proposed by the logicians and is useless for his proper doctrine. The Chrysippian origin of the arrangement in question is attested by, among other things, the fact that pronouns precede common nouns.²³ As is well known, the founders of the Stoic language theory considered at least the demonstrative pronoun as immediately indicating a true being. The mention of the adjectives, however, makes us date the classification that Dionysius has reproduced to a later period.

We can sum up our observations now. The first classification of verbal voices that Charisius has treated in the special chapter on the verb in his grammar is very close to the classification attributed to Stephanus in the scholia on the *Techne* of Dionysius Thrax. In addition to the similar order in which the verbal voices are set forth, the Greek notion of δι-οίκησις and its related lexemes as used in the commentary in relation to the system of verbal voices corresponds exactly with the Latin notion of *administratio* and its adjective *administrativus* as used in the chapter of Charisius. All these terms seem to be drawn from common or closely

²² Dionysius of Halicarnassus, *The critical essays*, with an English transl. by S. Usher II (Cambridge, Mass. – London 1985) 52.

²³ Cf. D. M. D. Schenkeveld, “Linguistic Theories in the Rhetorical Works of Dionysius of Halicarnassus”, *Glotta* 61 (1983) 72–73, 86–89. Cf. also a new study on the topic: C. C. de Jonge, *Between Grammar and Rhetoric: Dionysius of Halicarnassus on Language, Linguistics and Literature* (Leyden 2008), with which we could not become acquainted.

related sources where Stoic ideas predominated. The strong Stoic tradition is also attested in the commentary of Stephanus both by the classification of verbal voices and by its account of verbal modes. The sources in question are to be dated to a time somewhat earlier than the *floruit* of Dionysius of Halicarnassus (late 1st c. BC).

The Roman Nexus

The Roman author of the first classification of verbal voices in the *Ars* of Charisius would therefore have been active in the early 1st c. AD, and, accordingly, it was very likely to have been Remmius Palaemon who further developed the initial classification of the verbal voices that we have examined. The class of verbal forms called *genus commune* was morphologically distinguished by the exclusive use of passive voice endings. Alongside this class there was now constituted a new one, a fairly large and imposing category of *deponentia* ‘deponents’, which were morphologically identical to those of the *genus commune* but distinguished from them by virtue of their exclusively active meanings (Char. 211. 4 sqq. B). This class had probably been conceived initially as a subdivision of the *genus commune*, because it united passive form and active meaning and was consequently deprived of a passive meaning. Quintilian had used no special term in his account of deponents: ... *in natura verborum est et quae facimus patiendi modo saepe dicere, ut ‘arbitror, suspicor’* (Quint. *Inst. orat.* IX. 3. 7). So perhaps the special term *deponens* came into use somewhat later. At the very start Charisius used, however, another term for the class of deponents, namely *simplex*, which clearly contrasted with *commune verbum*. But the term *simplex* was not specific enough and must soon have fallen into disuse.²⁴

The *genus neuter* was morphologically distinguished by a predominant, if not exclusive, use of the active endings. Moreover, some verbs of this morphological type had a passive meaning. The latter verbs were consciously opposed to the deponents and proved somewhat difficult to classify, as Charisius attests: *item e contrario quod forma agendi significat patientiam, ut ‘venero, vapulo, ardeo, flagro’, quae verba in neutrorum specie quidam posuerunt, alii supina dixerunt* (Char. 211. 15–18 B). The same opposition was also affirmed by Quintilian (*Inst. orat.* IX. 3. 7).

²⁴ One can hardly agree with the opinion of R. Lamacchia on meaning of the term *simplex* in the Charisius’ paragraph: R. Lamacchia, “Per la storia del termine *deponente*”, *SIFC*, n. s. 33 (1961) 192–194.

Although detailed enough, the expanded classification of verbal voices could not embrace all the particular relations between form and meaning in respect of performance and experience. It is noteworthy that Pliny the Elder was clearly annoyed by the vanity of his contemporary Remmius Palaemon, about whom he said: [sc. *vanitas*] ... *quae nota mire in illo fuit* (*NH* XIV. 50),²⁵ and was in all probability rather sceptical about Palaemon's elaborate theoretical constructions. In any case Pompeius Maurus, who was active in Roman Africa at the end of the 5th c. AD,²⁶ informs us that Pliny, perhaps following Varro (*LL* X. 33), reduced the verbal voices to two principal species, i. e., active and passive (*agentis et patientis* – Pomp. *GL* V. 228. 2–4). The aim of Pliny surely had not been to abolish every subdivision in the domain of verbal voices, but in contrast to the sophisticated classification of Palaemon, he had set a fundamental principle in approaching the verbal voices and at the same time had presented a much more flexible description of the verbal forms. Moreover, again according to Pompeius, Pliny distinguished active and passive verbs not only in the proper sense but also in a figurative sense: *abusive* (*GL* V. 227. 31). One can speak of the active and passive in a proper sense when it deals with an action between two persons, but one can speak of the active and passive in a figurative sense only when it concerns a single person.²⁷ The adverb *abusive* is a key term, and Pliny a key figure, in such discussions.

The lost grammatical work of Pliny the Elder entitled *De dubio sermone* can be partially reconstructed from later citations and accounts, e. g., the testimony of Pompeius quoted above.²⁸ We propose to supplement the existing *testimonia* with two others, which until now have not been linked to the work of Pliny. Pompeius surely knew Pliny's

²⁵ Cf. J. Kolendo, "Éléments courants et exceptionnels de la carrière d'un affranchi. Le grammairien Q. Remmius Palaemon", *Index, quaderni camerti di studi romanistici* 13 (1985) 177–187.

²⁶ Cf. R. A. Kaster, *Guardians of the Language: the Grammarian and Society in Late Antiquity* (Berkeley etc. 1988) 139–168.

²⁷ Pomp. In *Artem Donati*, *GL* V. 227. 25–31: (...) *Hoc est quod dixit Plinius Secundus: dicit "activum est quod alio patiente nos facimus, passivum est quod alio faciente nos patimur"... Ista sunt proprie activa et passiva, quae versantur inter duas personas. Ista proprie; illa vero, ubi una persona utrumque agit, non videntur proprie dicta esse, sed abusive.*

²⁸ H. F. Neumann, *De Plinii "Dubii sermonis" libris Charisii et Prisciani fontibus* (Kiliae 1881); F. Schlitte, *De Plinii studiis grammaticis*, Programm, Gymnasium zu Nordhausen (Nordhausen 1883); *Librorum "Dubii sermonis" VIII reliquiae*, collegit et illustravit J. W. Beck (Lipsiae 1896); A. della Casa, *Il "dubius sermo" di Plinio* (Genova 1969).

De dubio sermone, but in the chapter on the verbal voices he had mostly used other sources. Moreover, his testimony on the Plinian ideas in question are to be considered more as a remark than as a real account, but he did praise Pliny's grammatical doctrine as that of an eminent man: *praeceptum tanti viri* (GL V. 144. 31). For an authentic account of Pliny the Elder's views on grammatical issues we need to look again at Charisius' chapter on the verb even though the text does not specifically cite Pliny. We also need to note that Charisius has surely not drawn his material immediately from the *De dubio sermone*, but rather from an account by Flavius Caper (second half of the 2nd c. AD).²⁹ Essential arguments in favor of the latter assumption are to be seen in our study on the doctrine of verbal moods by Roman grammarians.³⁰

The salient paragraph of the Charisian *Ars* begins with the statement that other grammarians posit the existence of only three verbal voices altogether: *Aliis placuit omnium omnino verborum genera esse tria* (Char. 211. 25–26 B). The dative plural *aliis* could include Charisius' predecessor as well as, of course, many others. As we shall see, Valerius Probus could be meant along with Pliny. Together with the usual voices *activum* and *passivum*, a particular genus called *habitivum*, 'stative', is presented as the third one. The discrepancy between Pompeius' assertion that Pliny had enumerated only two principal voices and the three-fold classification here in Charisius prevented scholars from associating this paragraph in Charisius with the testimony of Pompeius, as we now propose to do.

It seems that Charisius' primary source did not apply the term *genus* to the third kind of verbal forms in the classification under examination. Charisius himself perhaps had generalized the use of the term *genus* when speaking of those ideas originally proclaimed by Pliny. It can also be the case that the term *genus* had not been used at all by Charisius' source. When turning to the description of the third *genus*, Charisius begins to speak simply of (*verba*) *habitiva* (212. 1–3 B). It is also noteworthy that this novel class of verbs has nothing to do with the Greek middle voice (μεσότης), nor can it be placed into the Latin *neutrum genus*. With no regard to the morphology, the illustrative series of verbs points completely to the idea of coming into a state of being: *nascitur*,

²⁹ Cf. G. Keil, *De Flavio Capro grammatico*, Diss. Phil. Hal. 10 (Halis Saxonum 1889) 251; A. Hoeltermann, *De Flavio Capro grammatico*, Diss. Inauguralis (Bonnae 1913) 4–5; F. Rutella, "Chi fu Flavio Capro", *Studi e ricerche dell'Istituto di Latino* 1 (Genova 1977) 143–159.

³⁰ V. I. Mazhuga, "Über die Bezeichnung des Indikativs bei den römischen Grammatikern des 1. und 2. Jhs. n. Chr." (paper read at the 11th International Conference on the History of Language Sciences, to appear).

crescit, oritur. In the Latin grammatical tradition, one finds this series nowhere else. So it is highly doubtful that the *verba habitiva* had been put by the prime source of Charisius in the same range as the major, traditional verbal voice classes of actives and passives.

Then Charisius goes more thoroughly over the species of verbs designating performance and experience, i. e., *activa* and *passiva* (*verba*), but without ever using the term *genus*. Considering once more only the meaning of the verbs without any regard to their morphology, he begins discussing each of these two large classes when speaking about intransitive verbs; afterwards he treats transitives. Among the intransitive passives, he distinguishes a species that concerns an experience 'by virtue of nature': *quae natura pati quid significat* (Char. 212. 8 B). In the *Naturalis Historia* by Pliny the Elder, one finds similar expressions as well as the verbs *nascitur* and *crescit*, which had exemplified *verba habitiva* in the Charisian paragraph.³¹ This similarity also supports the attribution of that paragraph to Pliny the Elder. The transitive passives are represented as signifying an experience which comes from the outside: *cum illi qui patitur accidere quid significatur* (Char. 212. 11–12). This general notion of something coming from the outside recurs repeatedly in such discussions.

The next paragraph deals with verbs belonging to the *genus commune*, and yet more with the impersonals and their modifications, as well as with deponents, which are presented without special designation as *verba activa passivorum figura enuntiata* (Char. 212. 13–213. 15). Charisius concludes by turning anew to the topic of *habitiva* (213. 16–28). Now, however, this class of verbs is represented with examples that indicate a perception or a sensation: *cernit, videt, aspicit, or videtur, amatur, diligitur*. The idea of an image helps us to put together the several different series of *habitiva* cited by Charisius. In one case it deals with the arising or the appearance of an image, in another case with perceiving or feeling an image. The adjective *habitivus*, as well as the Latin substantive *habitus*, are related to the Greek ἔξις or the Greek Stoic ἐκτόν, which designate the dynamic image of a being.³² A casual use of philosophical notions such as we see here distinguishes Pliny the Elders' approach to grammatical matters.

³¹ Cf. *NH* I (XIX) = ed. L. Jan–C. Mayhoff, I (Lipsiae 1906) 59. 11: *quoto quaeque die nascantur seminum natura*; *NH*. XVII. 95 = ed. L. Jan–C. Mayhoff, III (Lipsiae 1892) 32. 26: *quod natura fit*; *NH* XVI. 125 = ed. L. Jan, C. Mayhoff, III. 92. 3: *Quaedam autem natura tarde crescunt*.

³² Cf. *Simpl. In Arist. Cat.* 237. 25–238. 32 ed. C. Kalbfleisch (*CAG* VIII); K. Hülser, *Die Fragmente zur Dialektik der Stoiker* III (Stuttgart–Bad Canstatt 1987) 894–897 (Nr. 761).

Even more evidence for the authorship of the paragraph comes from another idea expressed therein. We are told that one feature of (*verba*) *habitiva* is to refer as *activa*, and another as *passiva*, but only, however, in a figurative sense (καταχρηστικῶς),³³ for some sensations (*videtur*, *amatur*, *diligitur*) can be related to a person who is actually absent. The Greek adverb καταχρηστικῶς perfectly corresponds with the Latin adverb *abusive*, which Pliny, according to Pompeius, had used in his judgement on the active and passive senses of intransitive verbs. As we already know from Pompeius, Pliny had defined intransitive verbs as reflecting a situation where no other person was present. The opinion about the passive *habitiva* that we find in the account by Charisius corresponds very well with the idea of intransitive verbs that Pompeius attributes to Pliny the Elder.

As we stated above, it is highly probable that Charisius got his knowledge of the Plinian doctrine on verbal voices through the intermediary of Caper. Nevertheless, his account of this doctrine seems to be close enough to the original. We can now present another witness to the same doctrine, namely, Consentius, a grammarian of the first half of the 5th c. AD.³⁴ Consentius had also exploited an intermediary, who was, however, much closer chronologically to Pliny, namely, Probus of Beirut,³⁵ for he cites Probus and refers to him as a most learned man: *sicut Probus vir doctissimus adnotat* (GL V. 366. 19).

First, in the supposedly joint account by Probus and Consentius, the verbs in the category termed *habitus* are treated separately from the verbs that can be qualified in respect of performance or experience. The definition of *verbum* says that the verb is a part of speech designating either a deed or a state: *Verbum est pars orationis factum aliquid habitumve significans* (GL V. 365. 29). The term *factum* can be related to the Greek πράγμα, whereas *habitus* refers to the Greek Stoic ἑκτόν.

Second, the verbs in the category of *factum* are said to represent either performance or experience: *Factum quod significatur agentis aut patientis vim continet* (*ibid.*, 365. 30–366. 1). Instead of a general notion of voice, for instance, *genus*, one sees here an indication of the inner disposition (*vis*) of acting or undergoing an action. The verbs of active meaning, as well as the verbs of passive meaning, are further

³³ On the Greek words by Pliny see: G. E. Manzoni, “Arcaismi e grecismi nella lingua della ‘Naturalis historia’”, in P. V. Cova et al. (ed.), *Studi sulla lingua di Plinio il Vecchio* (Milano 1986) 186–192.

³⁴ See the recent study on Consentius: T. Fögen, “Der Grammatiker Consentius”, *Glotta* 74 (1997/1998) 164–192.

³⁵ On Probus as source of Consentius see Hoeltermann (n. 29) 10.

divided into transitive and intransitive ones. The philosophical origin of these expressions is beyond any doubt, and, as we noted above, their casual introduction into a text is a distinctly Plinian characteristic.

Third, when speaking of the agent, Consentius uses the participle *administrans* as a counterpart to *patiens*. As we have seen above, Probus used the verb *administro*, but this verb had not been used by Pliny. Another word, however, namely, *extrinsecus* is not only proper to Pliny, but the very use of this adverb by Pliny seems to be particular.³⁶ We are told of the intransitive verbs of active meaning that they do not require imagining a passive counterpart from the outside: *Quaedam vero talia sunt, ut nullum patientem extrinsecus necesse sit intellegi, ut cum dicimus 'sedeo' et 'ambulo' (ibid., 366. 6–8)*. The adverb *extrinsecus* appears twice in the next sentence too, where it deals with verbs of passive meaning. It is said there that some passives show an agent, whereas others call no person to mind from the outside.³⁷ As we remember, Pompeius attributed a similar distinction to Pliny the Elder. That similar way of thinking is attested also in the paragraph of Charisius on the (*verba*) *habitiva*, where it deals with imagining an absent person. The verbs assembled under the category of *habitus* here essentially differ from the *habitiva verba* that Charisius had adduced, for Consentius deals with verbs of active form which signify a specific state: *habitus quidam tantum modo demonstratur, ut est 'sto' 'sapio' 'vivo'*.

We can now conclude this second case study in *Quellenforschung*. Pliny the Elder's doctrine on verbal voices is a primary source not only for Charisius' account of verbal *genera* but also for that of Consentius, and, furthermore, the account of Charisius is closer to the original.

Vladimir I. Mazhuga

St-Petersburg Institute for History, Russian Academy of Sciences

В латинской грамматике Харизия (третья четверть IV в. н. э.) в начале большого раздела, посвященного глаголу, помещена глава о глагольных залогах.

³⁶ See the remark of Palladius on how Pliny had treated the possessive pronouns: *Nunc etiam monemus, quod Plinius Secundus pronomina possessiva et per quamdam mixturam sic putavit declinanda, id est intrinsecus et extrinsecus (GL V. 137. 11–13)*

³⁷ Cons. *Ars de nomine et verbo*, GL V. 366. 8–11: *Similiter quoque ea quae patientiam habent interdum eius modi sunt, ut agentem extrinsecus demonstrent, sicuti est 'seco' 'pulsor' 'vapulo'; quaedam autem eius modi sunt, ut patientia quae significatur nullam agentis personam trahat extrinsecus, ut est 'esurio' 'algeo'.*

Есть основания полагать, что Харизий использовал в этой главе материал, собранный Флавием Капром у своих предшественников, трудившихся с конца I в. н. э. до середины II в. н. э. Установление источников Харизия, а вместе с тем и Капра, и составляет задачу статьи. В главе о глагольном залоге представлены четыре классификации: четырехчленная, шестичленная, трехчленная и пятичленная. В статье делается попытка установить источники четырехчленной и трехчленной классификаций.

Следует отметить, что в целом учение римских грамматиков о глагольном залоге заметно отличается от известных греческих опытов описания глагольных залогов. В частности, римские грамматика применяли понятия “рода” (*genus*) для обозначения категории залога – ничего подобного мы не находим у греческих грамматиков. Однако можно указать на греческий аналог первой и, несомненно, древнейшей из представленных Харизием классификаций, а именно четырехчленной. Сходную классификацию мы находим в приписываемой Стефану византийской глоссе к *Грамматике* Дионисия Фракийца (*Grammatici Graeci* I, 2, 245, 26–246, 6). Этой глоссе исследователями не было уделено до сих пор должного внимания. Она представляет редкий пример позднейшего развития доктрины Хрисиппа (ок. 280–207 г. до н. э.) о глагольном залоге. Лишним свидетельством того, что глосса и первая классификация Харизия могли иметь общий источник, является, в частности, то, что автор глоссы применил к глагольным залогам понятие $\delta\iota\omicron\iota\kappa\eta\varsigma$ и родственный ему глагол $\delta\iota\omicron\iota\kappa\acute{\epsilon}\omega$, а в определении глагола, которым у Харизия предваряется глава о залогах, применен латинский аналог греческого глагола *administro*. В статье показано, что латинские грамматика и теоретики риторики I–II вв. н. э. широко применяли этот глагол и образованные от него причастия в отношении речевой деятельности и, в частности, форм залогов. На основе сопоставления глоссы с характеристикой частей речи в сочинении Дионисия Галикарнасского “О соединении слов” (*De comp.* 26. 11–16 Us.–R.), как и с некоторыми другими глоссами к “Грамматике” Дионисия Фракийца (*GG* I, 2, 399, 30–400, 1; 558, 21–30), делается вывод о том, что источник, из которого могли черпать свой материал автор первой из представленных у Харизия классификаций латинских залогов и автор названной греческой глоссы, следует датировать временем, предшествующим деятельности Дионисия Галикарнасского, т. е. ранее последней трети I в. до н. э.

Далее характеризуется источник, условно говоря, трехчастной классификации глагольных залогов. Сопоставление со свидетельством грамматика Помпея (вторая пол. V в. н. э.) о двучленной классификации Плиния Старшего (23/24–79 гг. н. э.), как и со сходным материалом Консенция (первая половина V в. н. э.), позволяет утверждать, что трехчленная, как и двучленная, классификации у трех названных грамматиков восходят к утраченному грамматическому сочинению Плиния Старшего *De dubio sermone*, причем Харизий наиболее точно передал содержание этого сочинения, хотя порою и нарушал – возможно, вслед за Капром – строгую последовательность мысли самого Плиния.

М. Ю. Лаптева. *У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э.* (СПб.: Гуманитарная Академия, 2009). 511 с.

Вопреки заявлению автора (с. 427) и издательской аннотации, книга М. Ю. Лаптевой не является исследованием. Она представляет собой компиляцию – местами обстоятельную и компетентную, местами поверхностную и непрофессиональную. На этом можно было бы и остановиться, если бы не два обстоятельства: во-первых, странно оставлять без внимания первую в мировой науке монографию, претендующую на всестороннее рассмотрение истории Ионии; во-вторых, в ней все же есть кое-что ценное.

Во Введении автор дает полезный очерк археологического изучения Ионии (где, впрочем, отсутствуют раскопки последних десятилетий в Милете), называет ряд важных работ, посвященных выбранной теме, и говорит о своей цели: “вписать в общую историю греческого полиса” яркие факты социально-политической и культурной жизни Ионии – как те, что “еще неизвестны” (sic!), так и те, что малоизвестны (с. 17).

Первая глава, “Иония во II тыс. до н. э.” разделена на четыре параграфа: “Иония в минойский период”, “Ахейцы в Ионии”, “Ионийская миграция”, “Панионийский союз и этно-политическая консолидация мигрантов”, – названия которых говорят сами за себя. Читатель найдет здесь немало ценных ссылок на археологическую литературу, включая новейшую. Однако он не найдет обсуждения вопросов о том, кто такие ионийцы, когда появляются первые относящиеся к ним свидетельства, в какой мере за причастностью к общему диалекту стоит общность этническая, как соотносятся между собой носители западно-ионийских и восточно-ионийских диалектов.¹ К вопросам хронологии М. Ю. Лаптева подходит упрощенно и, например, совершенно не принимает в расчет сильных (хотя и далеко не принудительных)

¹ Упоминание ионийцев находят в одной из кноссских табличек, относящихся к позднеминойскому III A 2 периоду, см.: L. Driessen // *BSA* 79 (1984) 49–56. Ионийцы однажды упоминаются в “Илиаде” (XIII, 685). Греческая традиция сохранила память о пребывании ионийцев в разных областях Пелопоннеса и Средней Греции – материал удобным образом собран в кн.: M. Finkelberg. *Greeks and Pre-Greeks: Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition* (Cambridge 2005) 128 n. 42. Об их имени см., в частности: J. Chadwick. *The Ionian Name* // K. H. Kinzl (ed.). *Greece and Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to Fritz Schachermeyer* (Berlin–New York 1977) 106–109.

доводов Питера Джеймса и его соавторов в пользу омоложения событий позднего Бронзового века на два – два с половиной столетия.²

Большая часть главы посвящена появлению ионийцев в Ионии. Археологические данные и сообщения древних авторов удобным образом сведены в две таблицы. Однако детальное обсуждение чего бы то ни было отсутствует. Факты не всегда представлены адекватно. Например, без достаточных археологических оснований принимается существование храма Аполлона в Дидимах в прото-геометрический период.³ Хронологические выкладки легковесны. Так, по заключению М. Ю. Лаптевой, “генеалогии Гекатея и Геропита предполагают начало ионийской миграции в XI в.” (с. 74). Под “генеалогиями Гекатея и Геропита” (sic!), очевидно, имеется в виду сообщение Геродота о родословной Гекатея Милетского. Как бы то ни было, Вальтером Буркертом и затем мной было показано, что Гекатей относил Троянскую войну приблизительно к середине X в., так что ионийская миграция должна относиться, по Гекатею, к еще более позднему времени.⁴

Во второй главе, “Иония гомеровского периода (XI–VIII вв. до н. э.)”, значительное внимание уделяется гомеровским поэмам. Читатель не без удивления обнаруживает, что автор безнадежно путает метафоры и развернутые сравнения (с. 126, 138, 160), не понимает, что значит “эпическая формула” (с. 159 и след.), и даже словом “сюжет” пользуется неправильно (с. 126, 139, 186). Некоторые рассуждения автора тоже весьма удивительны. Вот каким образом М. Ю. Лаптева пытается убедить нас в наличии “впечатляющего сходства” между гомеровской Схерией и реальной Смирной: “Подобно Схерии Смирна находится ‘вдали от людей, в труде свою жизнь проводящих’ (*Od.*, VI, 8), ‘от народов других в стороне, на последних пределах шумного моря’ (*ibid.*, VI, 204–205)” (с. 127). Удивляет в этом утверждении пренебрежение здравым смыслом. Ведь достаточно взглянуть на карту региона и принять во внимание незначительность расстояний между отдельными его пунктами,

² P. James et al. (eds.). *Centuries of Darkness* (New Brunswick 1993).

³ См.: A. Herda. *Der Apollon-Delphinios-Kult in Milet und die Neujahrsprozession nach Didyma* (Mainz am Rhein 2006) 449 Anm. 3183.

⁴ W. Burkert. *Lydia Between East and West or How to Date the Trojan War: A Study in Herodotus* // *The Ages of Homer. A Tribute to Emily Townsend Vermeule*, ed. by J. B. Carter and S. P. Morris (Austin 1995) 139–148; D. Panchenko. *Democritus’ Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology* // *Hyperboreus* 6 (2000): 1, 31–78, esp. 69 ff.

чтобы отказаться от мысли, что кто-либо мог помещать Смирну “на последних пределах шумного моря”. Не менее поразителен и другой довод в пользу сближения Смирны со Схерией: “По словам царя феаков Алкиноя, Схерия находится на расстоянии дня морского пути от Эвбеи (VII, 325–326)” (с. 128). В действительности Алкиной говорит нечто иное: сколь ни далека от Схерии Эвбея, – а дальше ее уж, кажется, ничего нет, – наши мореходы доплыли до нее за день. Как бы ни решать вопрос о том, какая Эвбея здесь имеется в виду, совершенно ясно, что слова, вложенные в уста Алкиноя, призваны подчеркнуть исключительность феакийских мореходов, которым достаточно дня для любого перехода.

В остальных разделах второй главы, посвященных экономическим и политическим аспектам общественной жизни Ионии, М. Ю. Лаптева опирается преимущественно на прозаические и археологические источники, и это получается у нее намного лучше. Она уместно подчеркивает значение земледелия в хозяйственной жизни Ионии, убедительно пишет о характере тамошней царской власти, приводит сведения, не слишком известные за пределом узкого круга специалистов. Однако на последней странице главы тот факт, что на Востоке греки были известны под именем, производным от имени ионийцев, М. Ю. Лаптева без дальнейших рассуждений связывает с Ионией (с. 214). Между тем это ниоткуда не следует. Не раз предполагалось, что это может быть связано с торговой активностью ионийцев Эвбеи; возможны и другие варианты решения. Признаться, мне не удалось составить четкого представления о том, насколько М. Ю. Лаптева сознает факт существования ионийцев за пределами Ионии – например, то, что и афиняне были ионийцами. В любом случае автору стоило бы в своих рассуждениях о гомеровских материалах как-то учесть доводы Мартина Уэста – как будто, никем не опровергнутые – в пользу того, что основу языка “Илиады” и “Одиссеи” составляет западно-ионийский, а не восточно-ионийский диалект.⁵

Третья глава посвящена “экономике полисов Ионии архаического периода”. Здесь обо всем понемногу, включая сооружение храмов и ремесленное производство. Перед нами компиляция, не лишенная компетентности, но лишенная обстоятельности и основательности. Далеко не весь доступный материал привлечен. В частности, автор отмечает, что экономический расцвет ионийских полисов проявился особенно ярко к концу VI в. (с. 276), и именно

⁵ M. L. West. The Rise of the Greek Epic // *JHS* 108 (1988) 166.

этому периоду уделяет мало внимания. Намного полнее мог быть использован материал раскопок в Милете, Эфесе и на Самосе. Автор не обнаруживает знания того, что водопровод, сооруженный по проекту Эвпалина, известен не только по Геродоту, но и обстоятельно изучен археологически (с. 222, 241). С ошибкой дано расстояние между Милетом и Дидимами (с. 223), которое приблизительно на треть меньше указанных 32 км.

Четвертая глава, “Социальный строй и политическая эволюция полисов архаической Ионии”, также представляет собой компиляцию, но в ней широко представлены разнообразные античные свидетельства, не принадлежащие к числу общеизвестных. Эффект от их привлечения ослабляется недостаточной тщательностью в их интерпретации. Не всегда автор последователен. Так, эсимнетией на соседних страницах оказывается и особое избрание какого-то лица или лиц для выполнения определенных поручений, и ежегодно избираемая должность (с. 318–319). При скудости сохранившихся сведений о политической активности ионийских полисов в раннюю архаическую эпоху удивляет молчание автора об участии Милета и Самоса в войне между Халкидой и Эретрией за Лелантскую равнину; вообще о политических связях Ионии с другими центрами греческого мира сказано решительно недостаточно.⁶

Пятая глава, “Интеллектуальная элита в политической жизни архаической Ионии”, отличается наибольшей самостоятельностью, но здесь неожиданно выясняется, что автор плохо владеет основой основ ремесла историка – критикой источника. Нам пересказывают анекдоты, найденные у поздних античных авторов, без постановки вопроса о времени, целях и жанре использованных ими источников (с. 360 слл.). Нас уверяют, некритически следуя источнику, что Аристагор Милетский рисковал жизнью и затевал восстание ради своекорыстных целей (с. 401) и что подходящим способом заручиться поддержкой спартанцев в антиперсидском восстании он находил демонстрацию огромных размеров Персидской державы (с. 403). Следуя византийскому словарю, М. Ю. Лаптева отождествляет Кадма Милетского, одного из ранних прозаиков, с Кадмом, бывшим “немного моложе Орфея” и привезшим в Грецию алфавит (с. 397). Она не замечает, что во втором случае речь идет о мифическом Кадме – том самом, что рядом с фиванской Кадмеей посеял зубы дракона.

Закключение претендует на подведение “итогов исследования”.

⁶ См.: G. L. Huxley. *The Early Ionians* (London 1966) 47 ff.

Имеется два приложения. Первое представляет собой многостраничную таблицу, обобщающую важнейшие события в истории отдельных полисов Ионии с указанием соответствующих источников, – вполне полезный раздел. Во втором приложении, “Мелийская война в истории Ионии”, имитируется филология. Это приложение открывается длинной цитатой из Витрувия, которая дается в русском переводе, однако отдельные выражения в скобках поясняются словами оригинала. Манера знакомая: поясняются группы слов, никакой трудности не представляющие и никаких скобок с латинскими словами не требующие. Она эпизодически применяется в книге и к греческим авторам. Впрочем, в одном случае появление оригинального греческого слова оказывается кстати – когда автор, ссылаясь на Геродота, называет Гекатея “приближенным милетского тирана Аристагора” (с. 400): приведенное вслед за “приближенным” греческое слово *σπασιώτης* позволяет немедленно убедиться в том, что столь странное именование свободного и уважаемого гражданина является совершенно беспочвенным.

Надо сказать, что автор испытывает затруднения не только с греческим, но и с русским языком. Запятые то и дело отсутствуют; в тексте можно встретить такие слова, как “раннеархонический” (с. 202); расстановка слов приводит к таким явлениям, как “распространение железа в религиозном сознании” (с. 161). Автору свойственна неряшливость формулировок. Стоит ли называть виноград и оливу – “садовыми культурами” (с. 141), а архитектуру и строительство оборонительных сооружений – видами “ремесленной деятельности” (с. 171, 174)? Что такое “ионийская сакральная традиция” (с. 74) или же “дионисийская древность святилища Аполлона в Дидимах” (там же)?

Манера письма М. Ю. Лаптевой не отличается изяществом. Приведу три примера: “В легендах ионийской миграции XII–XI вв., передаваемых античными авторами, первые базилики Ионии предстают героями-ойкистами, предводившими на новые места поселения племена ионийцев и примкнувших к ним других греческих и негреческих племен” (с. 199); “ранние ионийцы и их предшественники в западной Малой Азии – ахейцы – всегда активно участвовали в работоторговле Восточного Средиземноморья” (с. 256, прим. 101); “первым ионийским политиком-интеллектуалом, уверенно вступившим на поприще политической жизни, был известный милетский философ Фалес” (с. 360).

Компилятивный характер работы М. Ю. Лаптевой не означает отсутствия у автора своей точки зрения по тем или иным вопросам – точнее, самостоятельного выбора между различными взгля-

дами, представленными в науке. Соответственно М. Ю. Лаптева порой высказывает свое отношение к суждениям тех или иных ученых, одобряет их или же вступает в полемику. Но то, как она поступает и в том и другом случае, нередко вызывает сожаление. М. Ю. Лаптева называет суждения своих предшественников справедливыми не потому, что появился новый материал, который это явственно обнаружил, и не потому, что ей удалось привести новые доводы в пользу разделяемой точки зрения, а просто в силу своего высочайшего научного авторитета – как это выглядит ввиду отсутствия каких-либо иных оснований (см. с. 144; 148, прим. 69). Вступая же в полемику, М. Ю. Лаптева неоднократно искажает чужую точку зрения и не всегда подкрепляет свою аргументами. Я рассмотрю два случая.

В одном из них М. Ю. Лаптева, исходя из своего не лишнего правдоподобия и подкрепленного рядом доводов убеждения, что “уже в первые века своей истории ионийские поселения были преимущественно аграрными” (с. 131), считает нужным вступить в полемику с Энтони Снодграссом, утверждавшим, что в темные века основным хозяйственным занятием греков было скотоводство. Но Снодграсс на указанных М. Ю. Лаптевой страницах своей известной книги *The Dark Age of Greece* (378–380) имеет в виду прежде всего материковую Грецию и при этом свои выводы формулирует весьма осторожно: “and perhaps we may tentatively conclude that Greeks had continued to subsist rather by stock-breeding than by arable farming after the fall of Mycenaean civilization”. Более того, именно для Ионии он отмечает обозначившуюся к концу периода противоположную тенденцию: “But in the later dark age there begins to be evidence of a contrary trend, at least for Attica and Ionia”.

В другом случае, изложив свои взгляды на характер ионийской колонизации, М. Ю. Лаптева вдруг вступает в резкую полемику с Ю. В. Андреевым (с. 93, прим. 206):

В этой связи нам кажется совершенно неприемлемой картина переселений ахейских греков в Ионию, нарисованная Ю. В. Андреевым без опоры на легендарную традицию, которую он отбрасывает как ‘грубую, схематичную и надуманную’. Миграция ионийцев в его изображении предстает неким хаотичным, неосмысленным и неорганизованным движением деморализованных беженцев из Балканской Греции. По мнению Ю. В. Андреева, бессмысленно строить какие-либо предположения о центрах миграции, ее этническом составе, характере и причинах.

Следует ссылка на с. 710–712 книги Ю. В. Андреева *От Евразии к Европе* (СПб. 2002).

Не кажется удачной сама идея полемизировать в таком тоне с ученым, которого уже нет среди нас и который поэтому не может ответить – с ученым, который обладал острым исследовательским умом, обширными знаниями, блестящим литературным стилем и работы которого М. Ю. Лаптева неоднократно использует в своей книге. К тому же позиция критикуемого автора передана М. Ю. Лаптевой далеко не точно. Отмечу сразу, что неясность относительно того, кто собственно переселялся в Ионию – “ахейские греки” или “ионийцы”, – на совести М. Ю. Лаптевой, а не Ю. В. Андреева. Далее, о грубом схематизме Ю. В. Андреев говорит лишь в связи с афиноцентристской составляющей традиции, и, как хорошо знает М. Ю. Лаптева (см. с. 17 и прим. 30), в своем отношении к этой составляющей он далеко не одинок. Заключительную же фразу приведенной филиппики уместно сопоставить с подлинными словами Ю. В. Андреева. Резюмировав факты, извлекаемые из данных археологии, он пишет буквально следующее: “Всякие дальнейшие предположения относительно главных центров колонизационного движения, этнического состава его участников, а в равной степени относительно его характера, вызвавших его причин и т. п. связаны уже с известным риском” (с. 711).

В книге свыше двадцати иллюстраций. В подавляющем большинстве случаев их источники не указаны. Качество иллюстраций, как правило, низкое. Библиографическое описание указываемых в примечаниях научных работ сплошь и рядом неоправданно подробно и далеко не всегда соответствует каким бы то ни было правилам. В книге много повторов.

Если от отдельных частей и аспектов сочинения М. Ю. Лаптевой обратиться к целому, то можно заметить, что автор не проводит должного различия не только между исследованием и компиляцией, но также между исторической монографией и краеведческим очерком. В книге даже не ставится вопрос о том, что является специфически общим для полисов Ионии, что делает их отличными от других греческих полисов – в частности малоазийских. Соответственно, не возникает и вопрос об исторических корнях такого рода общности, не обсуждается возможная здесь роль общеионийских институтов и традиций – что, разумеется, потребовало бы сопоставления исторического развития Ионии с историческими процессами в Аттике и на Эвбее. Само название книги указывает на отсутствие продуманного плана. Оно неудачно сразу в двух отношениях. Во-первых, собственно предмету книги нашлось место лишь в подзаголовке. Во-вторых, о каких “истоках древнегреческой цивилизации” может идти речь, коль скоро автор доводит свое изложение до

конца VI в., когда мы застаем полисную структуру вполне оформившейся, Гомера и важнейших лирических поэтов – в прошлом, теоретическую науку и философию – существующими уже на протяжении трех поколений, архитектуру – принявшей свои классические формы?

Нескольких особых замечаний заслуживают вступительные слова издательской аннотации: “Монография М. Ю. Лаптевой представляет собой первое в отечественном антиковедении исследование, посвященное становлению и развитию греческих полисов Ионии”. Книга М. Ю. Лаптевой не является исследованием, но она является товаром, поступающим на книжный рынок, и здесь не помешало бы более щепетильное отношение к истинному положению вещей. Далее, что значит “первое в отечественном антиковедении”? В советское время это означало бы практически то же самое, что и “первое в марксистском антиковедении”, и это указывало бы на то, что работа построена на единственно правильной методологии. Советские времена прошли. Предваряют ли российские математики или физики свои монографии словами “впервые в отечественной математике (физике)”?. Появляются ли книги наших коллег, предваренные гордым издательским “впервые в английском (немецком и т. д.) антиковедении”? Таким образом, если нам преподносят нечто “первое в отечественном антиковедении”, то в этом приходится усмотреть выражение недобросовестности (ведь нам предлагают судить работу по каким-то привилегированным меркам), а также молчаливое признание второсортности публикации.

В заключение я позволю себе обратиться к материям, несколько выходящим за рамки собственно рецензии. М. Ю. Лаптева много прочитала и много знает. Она не новичок. В списке литературы, приложенном к книге, значится двадцать семь ее работ, опубликованных в течение двадцати восьми лет – правда, либо в маргинальных, либо в узко-групповых изданиях. М. Ю. Лаптева могла бы составить ценные обзоры научной литературы и источников по избранной теме. Откуда же столь явные провалы во владении ремеслом? Предполагаю, что это связано с длительным пребыванием в определенной среде, которая своими примерами, одобрениями, умолчаниями, приглашениями, публикациями способствовала прогрессирующей дезориентации в отношении того, что представляет собой научное исследование. Понятно, что всякая такого рода среда существует для собственного удобства. Но та среда, к которой принадлежит М. Ю. Лаптева, по-видимому, характеризуется одной особенностью, делающую картину более интересной и сложной. Похоже, что в этой среде господствуют пусть не глубокие, но вме-

сте с тем достаточно здравые представления о том, что и как происходило в древней истории. По-видимому, сознание того, что они не говорят ничего явным образом неверного, мешает ученым, застрявшим в этой среде, заметить вторичность и принципиальную ограниченность их науки. Я позволю себе напомнить коллегам простой путь к лучшему. Посылайте свои статьи, например, в *Вестник древней истории* или – еще лучше – *The Journal of Hellenic Studies*. Если вам порой и откажут в публикации, то, скорее всего, сопроводят свой отказ внятным объяснением того, чем ваша статья не соответствует принятым в данном журнале издательским принципам – полезный для каждого из нас способ вырваться за узкие рамки устоявшихся отношений и представлений.

Д. В. Панченко
*Bibliotheca Classica Petropolitana,
Helsinki Collegium for Advanced Studies*

ANAXIMANDER'S LEGACY AND THE STABILITY OF THE EARTH

Carlo Rovelli, *Anaximandre de Milet ou la naissance de la pensée scientifique* (Paris: Dunod, 2009).

Anaximander openly criticized Thales. One of the main themes of Rovelli's study is that the discovery of free critique and dialogue was the cultural basis of the birth of science. This open criticism, which never loses respect for the one who is criticized, is the essence of the scientific method (p. 96). Having read these lines I felt free to write this rather critical review. It does not mean that I do not agree wholeheartedly with Rovelli's main thesis about the conclusive importance of Anaximander's legacy.

Anaximandre de Milet ou la naissance de la pensée scientifique is a book written by a theoretical physicist working in the field of quantum gravity who tries to evaluate Anaximander's work from the position of a modern scientist. It is the (slightly revised) translation of the Italian original that is freely available on the Internet: <http://www.cpt.univ-mrs.fr/~rovelli/anassimandro>. An extract in English, *Anaximander's Legacy*, can be found in *Collapse. Philosophical Research and Development*, Volume V, ed. by Damian Veal (Falmouth U.K.: Urbanomic, 2009) 50–71. The author has the sympathetic intention to help narrowing the abyss that nowadays separates the two cultures of the humanities and the sciences, which are so stupidly blind for one another (p. 55). His main thesis is that Anaximander stood at the cradle of science. The book consists of two parts. The first is a discussion of some of Anaximander's ideas as a kind of science awakening. The second part contains the author's ideas of what science really is. The scope of *Hyperboreus* does not allow to go too deep into the second part, so I will restrict myself mainly to the first one.

Rovelli uses Anaximander to illustrate his own ideas about what science and scientific method are or should be. The great religious disciples (the prophets of the Old Testament, Paul of Tarsus, Kaundinya, Mencius) never criticized their masters (Moses, Jesus, Buddha, Confucius), Anaximander, however, criticized his master Thales by denying that water is the principle of everything. This is essentially the scientific attitude which consists in studying and understanding the masters, rectifying their errors, and accordingly understanding the world somewhat better (p. 80–82). I wonder whether the dividing line is so sharp as Rovelli maintains. One may, for instance, truthfully read the teachings

of Jesus and Paul in the New Testament as a respectful criticism of the Old Testament of Moses and the prophets: Jesus is the fulfillment of Moses' law, he is the new Adam, he is the promised Messiah, his message is not only for the Jews, but for all mankind, etc.

For Rovelli science, which consists of exploring the ways of understanding the world, always being prepared to challenge our so-called certainties, is one of the most beautiful adventures of mankind (p. 124). This attitude is expressed by the awareness of our fundamental ignorance, which allows us to question what we think to know and thereby to learn more (p. 122). This is how Anaximander, as Pliny says, "opened the gates of nature": he initiated a revolution by opening the way of scientific thinking (p. 7, 104, 129).

God or gods don't play a role in Anaximander's treatise about nature, and the same holds for science. The essence of Anaximander's achievement, Rovelli says, we find already in the way he describes meteorological phenomena like rain, thunder, and lightning, which are explained without making an appeal to the gods (p. 46). This is, in short, what characterizes science: looking for nothing but natural explanations for natural phenomena. In other words: understanding the world without appealing to the gods (p. 139–150). An important way of scientifically understanding nature is to imagine theoretical entities that are not directly perceptible to the senses, but are postulated to account for the complexity of the phenomena. This is, according to Rovelli, the role Anaximander attributed to the *apeiron* (p. 72–74). A central idea of natural science is the concept of laws that govern the world *according to necessity* and *according to the order of time*, as is stated in the only surviving text of Anaximander. It is only recently, and especially in Rovelli's own scientific work, that even this doctrine has been challenged (cf. p. 125).

In the first chapter the author gives a vivid introduction to the cultural context in which the early Ionian philosophers lived. In chapter 7 he supplements this with a description of the origin of the Greek alphabet, about a century before Anaximander's birth. This alphabet, which uses not only consonants but also vowels, was the first completely *phonetic* one in the history of mankind. It was the first technology capable of conserving a copy of the human voice, which made it possible that everyone in principle could read and write, and not only a learned elite of scribes who kept that skill a secret (p. 91–93). Rovelli notices here the same open-mindedness as in the originating scientific approach of the Ionian philosophers (p. 94). Perhaps this optimism has to be counterweighed by the observation that an obvious inconvenience of phonetic writing is that it is understandable only for those who speak the same language, but inaccessible for foreigners unless they take the trouble to

learn that language. An example is Rovelli's very book, which had to be translated twice in order to make it understandable for non-Italian-speaking people. The great advantage of the Chinese way of writing, for instance, is that it can be read by people all over the big Chinese empire who do not understand each other's spoken language, precisely because the writing is not phonetic.

A central point in Rovelli's treatment of Anaximander concerns his conception of the earth floating free in the center of the cosmos, and the argument he is said to have put forward for it. I will take the opportunity to dig somewhat deeper into the problem of the stability of the earth. Rovelli rightly states that from the point of view of science the gigantic conceptual leap, the big cosmological revolution, was not so much to find out the precise shape of the earth (cylindrical or spherical), but rather to recognize that the earth floats free in space (p. 55–57). When the earth is thought of as free-floating, the question necessarily arises why the earth does not fall. Here Rovelli quotes the well-known argument, ascribed to Anaximander by Aristotle in *De Caelo* 295 b 10 ff. (= DK 12 A 26): "But there are some who say that it stays where it is because of symmetry, such as among the ancients Anaximander. For that which is situated in the center and at equal distances from the extremes has no inclination whatsoever to move up rather than down or sideways. And since it is impossible to move in opposite directions at the same time it necessarily stays where it is".

This argument has often been called the first instance of an argument based on the principle of sufficient reason. It has been praised as "clear and ingenious", or "überraschend und großartig".¹ Rovelli echoes these qualifications and calls it "extraordinary and perfectly correct" (p. 60). One may doubt, however, whether this was Anaximander's argument at all. It seems to presuppose a spherical earth (for otherwise it is not, strictly speaking, everywhere at equal distances from the extremes), as well as a spherical universe (for otherwise the reference to 'the extremes' makes no sense), both of which do not fit in with Anaximander's conceptions.² Actually, a similar argument is used in Plato's *Phaedo* 108 e 3–109 a, and here explicitly in the context of a spherical earth.³ Accordingly, Simplicius already made the suggestion

¹ J. Barnes, *The Presocratic Philosophers*. I: *Thales to Zeno* (London 1982) 25; K. von Fritz, *Grundprobleme der Geschichte der antiken Wissenschaft* (Berlin – New York 1971) 24.

² Cf. D. Furley, *Cosmic Problems* (Cambridge etc. 1989) 24: "I think it likely that the author is presupposing a spherical earth".

³ Aetius ascribes a similar argument to Parmenides and Democritus (DK 28 A 44). This reference, however, is doubtful, at least as regards Democritus,

that Aristotle used Anaximander to oppose an argument of Plato, obviously out of respect for his teacher.⁴ It is remarkable that Aristotle, who handed down the argument, does not seem to be very impressed by its strength. On the contrary, he makes fun of it, saying that by the same argument “a hair that is subject to an even pulling power from opposite sides would not break, and that a man, being just as hungry as thirsty, placed in between food and drink, must necessarily remain where he is and starve to death”.⁵ In a similar version the argument is known since the Middle Ages as ‘Buridan’s ass’. It is understandable that Aristotle did not want his teacher Plato to be associated with an argument that he was about to deride, and that he chose instead the first one who maintained that the earth floats in the center of the universe, Anaximander, as his target. Against this background it is perhaps possible to call the argument ascribed to Anaximander ‘extraordinary’, but hardly ‘perfectly correct’. After all, the argument must be fallacious, because the earth does *not* stay in the center of the universe.

More serious is that Rovelli takes the argument to mean that according to Anaximander there is no absolute ‘up’ and ‘down’ (p. 61). To support his view he quotes a text of the *Corpus Hippocraticum* that is said to show Ionian influences. This text says that for the antipodes ‘up’ and ‘down’ have changed places, and that the same is the case all around the earth. However, J. Mansfeld has argued persuasively that the whole treatise belongs to a much later date, quite late in the Hellenistic period, so that it cannot be used to illustrate an aspect of Anaximander’s cosmology.⁶ Moreover, Rovelli takes the alleged argument to imply that according to Anaximander things do not fall perpendicular to the upper

because he not only taught that the earth is flat (and somewhat concave), but also that it is supported by the air beneath it. See Aristotle, *De Caelo* 294 b 13 (= DK 13 A 20) and Simplicius, *In Aristotelis De Caelo Commentaria* 520, 28 Heiberg (= DK 59 A 88).

⁴ Simplicius, *In Aristotelis De Caelo Commentaria* 532.

⁵ Aristotle, *De Caelo* 295 b 21 ff. T. Heath, *Aristarchus of Samos. The Ancient Copernicus* (Oxford 1913) 25, calls this argument ‘amusing’. In “Ὅμοιος and ὁμοιότης in Thales and Anaximander”, *Hyperboreus* 1 (1994): 1, 28–55, at p. 35, D. Panchenko seems not to recognize Aristotle’s humor when he writes: “Aristotle makes it clear once again when illustrating the theory”.

⁶ J. Mansfeld, *The Pseudo-Hippocratic Tract Περί ἐβδομάδων* ch. 1–11 and *Greek Philosophy* (Assen 1971). See also Furley (n. 2) 21. Rovelli obviously borrowed his quotation from Ch. Kahn (*Anaximander and the Origins of Greek Cosmology* [1960; Indianapolis – Cambridge ²1985] 84–85), who in the second edition of his work unfortunately did not take the opportunity to revise his text according to Mansfeld’s findings.

surface of the earth, in other words, that Anaximander already taught a centrifocal theory of falling. This makes the alleged argument, which is meant to answer the question why the earth does not fall, into an argument why things fall to the center of the universe, which is the flat earth. Furley has already in 1989 articulated the absurdities to which a centrifocal theory of falling under the supposition of a flat earth leads: “It is difficult to combine a flat earth with centrifocal dynamics. (...) If lines of fall truly converge on the centre from all directions, and the earth, being flat, lies in the centre, it follows that falling bodies arrive at the earth’s surface at all angles from horizontal to vertical. Even supposing the Greek world is the centre of the earth, so that at Delphi all lines of fall might be thought of as theoretically vertical, at the extremes of the known world falling bodies should have been observed to fall at an angle. The contradiction of the theory with observable phenomena seems too obvious for the theory to be credible”.⁷ Furley’s point can best be illustrated by picture 1, which shows that at the outskirts of Anaximander’s earth – say, at the Pillars of Hercules – things (rain, stones, etc.) would fall at an unbelievable angle of about 20 degrees in relation to the earth’s surface, which means almost horizontally.

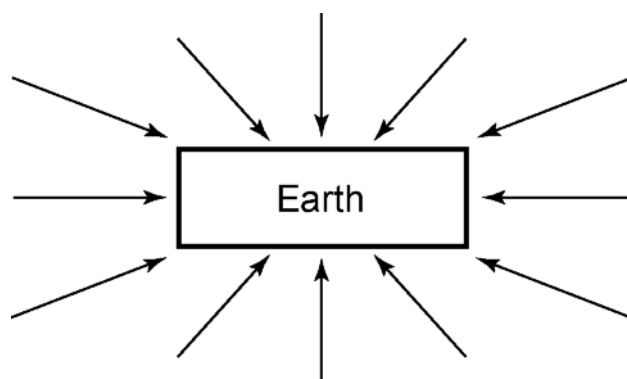

Figure 1. Alleged centrifocal dynamics on Anaximander’s earth

Rovelli’s illustrations, however, conceal rather than elucidate the problem of his interpretation. In the article in *Collapse* and in the *Internet*-version of the book he draws a disk-shaped earth, but without saying he changes the dimensions of Anaximander’s earth into 1 : 2 instead of 1 : 3 (see figure 2).

⁷ Furley (n. 2) 21.

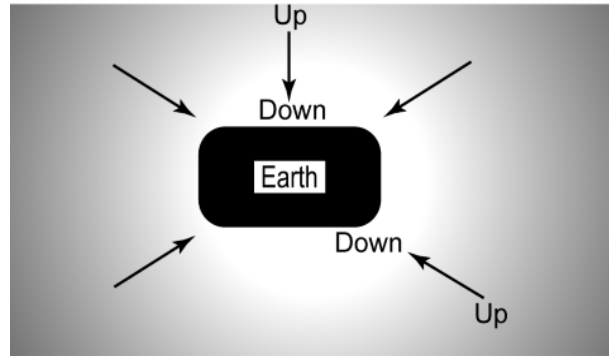

Figure 2. Alleged centrifocal dynamics on Anaximander's earth according to Rovelli (1)

The result is that the angle of falling looks less. In the French edition of his book Rovelli even draws an ovoid-shaped earth, so that it looks as if everywhere the direction of falling on the earth is vertical (see figure 3). Such an ovoid shape is not based on any text of the tradition on Anaximander. I think it is a bad procedure to adjust your illustrations so that they fit your theory or hide the problems it involves.

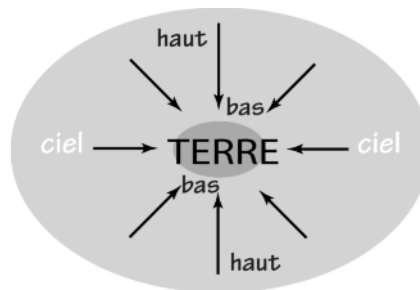

Figure 3. Alleged centrifocal dynamics on Anaximander's earth according to Rovelli (2)

With the possible exception of Parmenides, all Presocratics we know of preserved the concept of a flat earth. And, as far as we know, none of them combined this conception with centrifocal dynamics, in which there is no longer a universal 'up' and 'down', but 'up' and 'down' are relative to the earth, which means that the concept of 'beneath the earth' makes no sense (cf. p. 62). On the contrary, according to Aristotle himself not only Anaximander's successor Anaximenes,

but even thinkers as late as Anaxagoras and Democritus, who also believed that the earth is flat, did not know of a relativity of up and down. They taught, as Aristotle says, that “its flatness causes the earth to stay where it is, so that it does not cleave the air *beneath* it, but rests on it like a lid, as is usual for flat objects”.⁸ According to these Presocratics “the flat earth is *upheld by* the air *beneath*”, says Simplicius.⁹ It would be strange and historically incomprehensible if Anaximander, the first of them all, were the only exception, teaching a centrifocal theory of falling.

Actually, Rovelli’s interpretation of Anaximander’s alleged argument comes very close to Aristotle’s theory of falling. What we call ‘falling’ is, according to Aristotle, nothing but the natural movement of that which is heavy toward its natural place. Precisely because the heavy element, earth, falls toward the center of the spherical-shaped cosmos, the earth stays there immovably. The spherical shape of the earth is also the consequence of Aristotle’s theory of falling, for the sphere is the stereometric body in which all parts of its circumference have the shortest possible distance to its center. It would be strange if Aristotle would deride an argument that is virtually the same as his own. One reason why Aristotle ridicules the argument he ascribes to Anaximander might have been that it does not explain why it is precisely *the earth*, and not any other body, which dwells in the center of the cosmos. In other words, even granted that the argument suffices to explain why the earth remains in the center, it does not explain how the earth got there. One of the attractive features of Aristotle’s theory of falling is that it is able to explain this as well. All things taken together I conclude that even if Anaximander was the originator of the argument why the earth floats free in the center of the cosmos, its meaning cannot have been the one Rovelli proposes.

As regards the authenticity of the argument I am doubtful. In contradistinction with Rovelli, Furley draws from his exposition of the consequences of a centrifocal dynamics on a flat earth the conclusion that the

⁸ Aristotle, *De Caelo* 294 b 16 (= DK 13 A 20).

⁹ Simplicius, *In Aristotelis De Caelo Commentaria* 520, 28 f. Heiberg (= DK 59 A 88). A possible exception is 374, 32 (not in DK), where the sky is said to be kept from falling downward by the force of the cosmic vortex. In this text ‘downward’ seems to imply ‘toward the central earth’. Here, however, Simplicius is saying more than is in Aristotle’s words on which he comments (*De Caelo* 284 a 14 ff.). Moreover, in 375, 25 (not in DK), commenting on the same text, Simplicius speaks of the downward tendency of the heavens *and of the earth*, which implies a non-centrifocal falling.

argument cannot have been Anaximander's. I do not agree with Furley, however, that the argument necessarily implies a centrifocal theory of falling. Panchenko already pointed out the overhasty inference that is at stake: "The idea that such a heavy body as the earth does not fall because it is in the middle of the cosmos does not imply the idea that all heavy bodies have a tendency to move toward the centre of the cosmos", or in other words, the argument does not necessarily imply a centrifocal dynamics.¹⁰ The reason why I hesitate to ascribe it to Anaximander is another, namely, as said earlier, that it presupposes a spherical earth within a spherical cosmos. Panchenko, on the contrary, concludes "that the Aristotelian exposition of Anaximander's theory of the earth's stability appears yet as very reliable and even reflecting Anaximander's original wording".¹¹ He bases this conclusion mainly on a thorough analysis of the archaic use of ὅμοιος as meaning 'identical' in a geometric sense and not just 'similar', which means that in Aristotle's account of Anaximander "ὁμοιότης should be translated as 'equidistance'".¹² However, although Panchenko's analysis makes it plausible that Anaximander used the word ὅμοιος in this geometric sense, this does not automatically involve that he used the argument as rendered by Aristotle. Panchenko states without explanation: "I believe that Anaximander's cosmos was spherical too".¹³ It is hard to see, though, how Anaximander's cosmological picture of celestial wheels, with the stars nearest to the earth, can be reconciled with a spherical cosmos. I think a more natural explanation is that Anaximander's so-called argument is a no longer understood instruction for drawing a map of his universe. On such a map the earth is geometrically equidistant (ὅμοιος) to the concentric rings of the celestial wheels.¹⁴ Aristotle, then, took the opportunity of a text saying that the earth has to be drawn ὅμοιος to the concentric rings of the celestial wheels, to deride Anaximander instead of his teacher Plato.

Bodnár's conclusion that we should stick to Aristotle's testimony about ὁμοιότης is not convincing either, as he maintains that on the

¹⁰ Panchenko (n. 5) 31.

¹¹ *Ibid.*, 29.

¹² *Ibid.*, 34.

¹³ *Ibid.*, 51. In note 12 on p. 32 Panchenko even writes: "(...) and doxographic tradition informs us that Anaximander had such a theory (sc. of the celestial sphere)". I wonder which doxographic tradition he is hinting at. A spherical cosmos presupposes that the stars are in the periphery of the cosmos, whereas in Anaximander's conception they are nearest to the earth.

¹⁴ See, e. g., the drawing in H. Diels, "Über Anaximanders Kosmos", *Archiv für Geschichte der Philosophie* 10 (1897) 236.

other hand “there really is a tension between a theory on the lines of *homoiotēs* and a parallel model of gravitation, which is apparently implied by a flat surface Earth”.¹⁵ He even argues that the *ὁμοιότης*-argument not only holds for the earth, but for the celestial rings as well and he sees this as the reason why Anaximander imagined the celestial objects as rings or wheels.¹⁶ Here, too, a more natural explanation is possible. Once he realized that the celestial bodies do not stop at the horizon but make full circles around the earth, Anaximander had to answer the question what the nature of these bodies could be that makes them move in circles. Most things in motion that he could observe moved in straight lines, for instance falling objects. Some made strange curves, such as thrown objects, but only circular objects like wheels or rings were able to move naturally in a circle. It was a bold, but reasonable association that made him conclude that the celestial bodies, too, must be wheels.

The conception of the free-floating earth was obviously the consequence Anaximander drew from his fundamental insight that the celestial bodies do not stop at the horizon, but make full circles around the earth. These circles he visualized as huge celestial wheels. My guess is that Anaximander was so convinced by the evidence of his idea of the celestial bodies making full circles that he also took the consequence of a free-floating earth, even though he was not able to deliver a conclusive proof of how this was possible. Moreover, when we take it that Anaximander did not use a convincing argument to explain why the earth does not fall, it also becomes easier to understand why his successor Anaximenes let the earth rest on the air like a lid to prevent it from falling.¹⁷ This does not mean, as Rovelli seems to think, that without his interpretation Anaximander’s explications are absurd (note on p. 62). Nor does it detract from Rovelli’s thesis that Anaximander stood at the cradle of science. We may compare Anaximander’s situation with that

¹⁵ I. M. Bodnár, “Anaximander on the Stability of the Earth”, *Phronesis* 37 (1992) 337, 341.

¹⁶ I. M. Bodnár, “Anaximander’s Rings”, *CQ* 38 (1988) 49–51, esp. p. 51. See also Bodnár (n. 15) 339. In *Anaximander in Context* (Albany 2003) 208, I still subscribed this idea without mentioning, however, Bodnár’s name, for which I now apologize.

¹⁷ DK 13 A 6, 13 A 7, and 13 A 20. In a half-hearted testimony Simplicius ascribes also to Anaximander the theory of the air supporting the earth (Simplicius, *In Aristotelis De Caelo Commentaria* 532, 14 Heiberg, not in DK). This must be wrong, as another source speaks of “a sphere of fire that grew around *the air that surrounds the earth*, like the bark around a tree” (DK 12 A 10 [33]). See also Kahn (n. 6) 55.

of Copernicus and his followers (Galilei, Kepler), who maintained that the sun, and not the earth is in the center of the universe, although they were not yet able to deliver a convincing theory to replace Aristotle's theory of falling, which had convinced people for two millennia that it must be the earth which is in the center of the universe. For such a new theory mankind had to wait until Newton formulated his laws of gravitation.

In quoting his sources Rovelli is not always careful. It is, e. g., on p. 34, not Aelius, but Aelian, or in full Aelianus, who reports that Anaximander has founded a colony, which is not called Amphipolis, but Apollonia.

Dirk L. Couprie
Maastricht

Карло Ровелли рассматривает наследие Анаксимандра с точки зрения современного ученого-естественника. Он убежден, что Анаксимандр стоял у истоков науки. Анаксимандр говорил о природных явлениях – таких, например, как дождь, гром, молния, – не ссылаясь на богов; он свободно полемизировал со своим учителем Фалесом. Его подход, таким образом, был подлинно научным. Анаксимандр ввел в научное понимание природы идею теоретически постулируемой, хотя и недоступной для чувств сущности (Апейрон), а также идею законов, которые правят миром “согласно необходимости” и “согласно предписанию времени”. Однако теорию Анаксимандра о том, почему Земля пребывает в пространстве не падая, Ровелли трактует менее убедительно. Обсуждение этого вопроса затрагивает и недавние статьи Дмитрия Панченко и Иштвана Боднара.